

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 1(55)

2018

Москва 2018

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ОСНОВАТЕЛИ И ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

**Сергей Сергеевич Ипполитов
Сергей Владимирович Карпенко**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина, В.П. Зиновьев,
В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, А.М. Пашков,
А.А. Симонов, В.Л. Успенский, Д. Фильцер, В.Ж. Цветков, Л. Чех**

Ответственный секретарь **П.Н. Лебедев**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2018
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2018
© Издательство Ипполитова, 2018

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

The Journal founded in 2000

FOUNDERS AND EDITORS-IN-CHIEF

**Sergey S. Ippolitov
Sergey V. Karpenko**

EDITORIAL BOARD

**O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer, W. Goldman,
V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov,
A. Simonov, V. Tsvetkov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **P. Lebedev**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2018
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2018
© Ippolitov Publishing House, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Белусов С.С.* Самовольные поселения на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний: Переселенцы и губернские власти (XIX – начало XX веков).....6
- Некрылов С.А., Грибовский М.В.* Сибирская профессура рубежа XIX – XX веков: Социальный и политический портрет.....21
- Позняк Т.З.* «Русская полиция в погоне за китайским рублем»: История о том, как отставной полицейский боролся с мздоимством полиции и китайскими притонами в Благовещенске (1914 год).....38
- Бакаева Э.П.* Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области: Предыстория и решения (1988 – 1991 годы).....71

Российская повседневность

- Белова А.В.* «Я страшно зла на мою мать»: Репродуктивное соперничество в семьях российских дворян XVIII – XIX веков.....85

Россия и мир

- Попов А.А.* Из истории Совета Экономической Взаимопомощи: Проекты долевого участия в сырьевом секторе (1950-е – 1960-е годы).....105

События и судьбы

- Бутырин Д.А.* Подполковник А.Д. Заварицкий и Владивостокское восстание 1907 года.....120
- Карпенко С.В., Новосёлова В.В., Пугачева Н.А., Шалацкая Е.П.* Астраханские писатели и обком партии: Путь от литературного объединения к областной писательской организации (начало 1960-х годов).....150

У книжной полки

- Кац Н.Г., Сторелла К.Дж.* Евреи, немцы и поляки в Сибири: Новое в изучении сибирского народонаселения XIX – начала XX веков.....181

CONTENTS

Russian Statehood

- Belousov S.* Squatter Settlements in the Kalmyk Lands of Astrakhan and Stavropol Provinces: Unauthorized Migrants and the Provincial Authorities (19th – Early 20th Centuries).....6
- Nekrylov S., Gribovskiy M.* The Siberian Professoriate in the Late 19th and Early 20th Centuries: A Social and Political Profile.....21
- Poznyak T.* “Russian Police in Pursuit of the Chinese Rouble”: The Story of How a Retired Police Officer Fought against Bribery among Police and Chinese Brothels in Blagoveshchensk (1914).....38
- Bakaeva E.* The First Conference of the Buddhists of Kalmykia and the Astrakhan Region: Background and Decisions (1988 – 1991).....71

Everyday Life in Russia

- Belova A.* “I Am Terribly Angry at my Mother”: Reproductive Rivalry in Russian Noble Families, 18th – 19th Centuries.....85

Russia and the World

- Popov A.* From the History of the Council for Mutual Economic Assistance: Share Participation Projects in the Raw-Materials Sector (1950s – 1960s).....105

Landmarks in Human History

- Butyrin D.* Lieutenant-Colonel Anatoliy Zavaritskiy and the Vladivostok Uprising of 1907.....120
- Karpenko S., Novoselova V., Pugacheva N., Shalatskaya E.* Astrakhan Writers and the Astrakhan CPSU Regional Committee: The Path from a Literary Association to a Regional Writer’s Organization (the early 1960s).....150

Book Reviews

- Kats N., Storella C.* Jews, Germans, and Poles in Siberia: New Research in the Study of the Siberian Population in the 19th – Early 20th Centuries.....181

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

С.С. Белоусов

САМОВОЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ НА КАЛМЫЦКИХ ЗЕМЛЯХ АСТРАХАНСКОЙ И СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИЙ: ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ И ГУБЕРНСКИЕ ВЛАСТИ (XIX – начало XX веков)*

S. Belousov

Squatter Settlements in the Kalmyk Lands of Astrakhan and Stavropol Provinces: Unauthorized Migrants and the Provincial Authorities (19th – Early 20th Centuries)

Начало XIX в. ознаменовалось для калмыцкого народа важным историческим событием – выходом 19 мая 1806 г. указа императора Александра I «О назначении земель калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской»¹.

Впервые за всю историю пребывания калмыцкого народа в России были законодательно установлены границы землепользования калмыков и определен юридический статус калмыцких земель. Государство предоставило калмыцкому народу на правах исключительного пользования земли для проживания и хозяйственной деятельности, а также взяло на себя обязательства по их охране. Установлением административных границ землепользования калмыков российское правительство стремилось упорядочить и узаконить земельные отношения, что должно было ослабить напряженность, существовавшую между калмыками и другими народами. После завершения землеотводных работ все поселения лиц некалмыцкого происхождения в пределах территории, отведенной калмыцкому народу, запрещались.

Это и породило сложный и острый социально-экономический

* Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Общественно-политическое развитие народов юга России (XVIII – начало XX вв.)» (№ АААА-А-17-11703091002-7).

вопрос – самовольные поселения, основанные на землях калмыцкого народа российскими подданными некалмыцкого происхождения.

В отечественной историографии политика Российской империи, проводившаяся по отношению к самовольным поселениям на калмыцких землях на протяжении XIX – начала XX вв., специально не изучалась. Лишь фрагментарно она затрагивалась в работах Н.Н. Пальмова², И.В. Борисенко³, С.С. Белоусова⁴ и Е.Н. Бадмаевой⁵, посвященных истории заселения крестьянами Калмыцкой степи.

Большинство исследователей ограничивались упоминанием фактов основания самовольных поселений и отмечали непоследовательность действий властей в этом вопросе, не вдаваясь при этом в анализ факторов, определявших эту непоследовательность. Между тем для глубокого и целостного понимания переселенческой политики российского государства на калмыцких землях важно учитывать и знать все аспекты, в том числе и его отношение к самовольным поселениям. Под последними мы подразумеваем населенные пункты, возникшие по инициативе переселенцев без ведома и участия губернских властей и в нарушение действующих законов.

В настоящей статье поставлены следующие задачи: показать обстоятельства возникновения самовольных поселений, дать их типологию, исследовать социальный состав их основателей, определить географию их распространения на калмыцких землях и, наконец, рассмотреть, как решался губернскими властями этот сложный и острый вопрос в XIX – начале XX вв.

Источниковую базу статьи составили документы центральных и губернских государственных учреждений, отложившиеся в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Астраханской области. Многие из них используются впервые.

* * *

В результате выполнения императорского указа от 19 мая 1806 г. калмыки получили в пользование в Астраханской и в Кавказской губернии (с 1822 г. – Кавказская область) более 10,2 млн дес. удобной и неудобной земли⁶.

Калмыки имели право основывать на них оседлые поселения, осуществлять различную хозяйственную деятельность, за исключением добычи соли, оставшейся в ведении казны. Кроме того, на них запрещалось селиться и вести хозяйственную деятельность лицам некалмыцкого происхождения. Все самовольные поселения на калмыцких землях подлежали ликвидации, их жители выселялись за пределы кочевий, а имущество конфисковалось⁷.

Указ от 19 мая 1806 г. не уберег калмыцкие земли от потерь. Тем не менее, по справедливому замечанию Н.Н. Пальмова, он предоставил калмыкам возможность «отстаивать свои земельные права в

тех случаях, когда на них делались явные посягательства»⁸.

В XIX в. крестьянами-переселенцами из других губерний были самовольно основаны на калмыцких землях семь поселений: Аксай, Михайловка, Ленокумское, Рагули, Спасское, Яшалтинское, Капкинка. Все они возникли на окраинах калмыцких земель.

Обстоятельства их появления были разными.

Самовольные поселения стали возникать сразу же после завершения отвода земель калмыкам. В конце 1820-х гг. переселенцами из Воронежской губернии были образованы два населенных пункта в пределах Малодербетовского и Багацохуровского улусов. Оба случая были следствием небрежности и несогласованности, допущенных Астраханской губернской казенной палатой: в ее ведении находились казенные земли, устройство переселенцев из других губерний, и взимание налогов с новых налогоплательщиков – жителей новых населенных мест.

Так, основатели д. Михайловки вынуждены были прибегнуть к захвату калмыцкой земли потому, что их отказались принять в свое общество – вследствие недостатка земли – крестьяне с. Сасыкольского, куда воронежцы прибыли на поселение. Астраханская губернская казенная палата фактически устранилась от решения судьбы переселенцев, предложив им самостоятельно поискать в пределах губернии место для поселения⁹. Не обнаружив поблизости свободных земель, переселенцы заняли до 3 000 дес. пустующих земель, которые в ходе предшествующих землеотводных работ были выделены из земельных дач с. Сасыкольского калмыкам Багацохуровского улуса под прогон скота к Волге. Затем они захватили часть калмыцкой земли, примыкавшей к прогону¹⁰.

Комиссия калмыцких дел, учрежденная в 1826 г. для административного управления калмыками Астраханской губернии и возглавляемая Главным приставом калмыцкого народа, попыталась вернуть захваченные земли калмыкам. Однако Астраханская губернская казенная палата поддержала самовольные действия крестьян и предложила Комиссии калмыцких дел согласиться на узаконивание нового поселения и, более того, из калмыцких земель дополнительно прирезать землю новому поселению, чтобы довести норму земельной обеспеченности до положенных 15 дес. на одну ревизскую душу¹¹.

Утраченные калмыками земли предполагалось возместить за счет свободных государственных земель. Комиссия калмыцких дел вначале пыталась воспрепятствовать оставлению самовольных поселенцев, но в итоге уступила Казенной палате – представлявшему интересы казны губернскому учреждению могущественного Министерства финансов. Комиссия согласилась на передачу новому крестьянскому поселению 5 393 дес. 2000 саж. земли, из которых 2 665 дес. 2 232 саж. были пригодными для занятия земледелием¹².

Другое поселение воронежских крестьян возникло почти в одно время с д. Михайловкой, в северной части Малодербетовского улу-

са. Эти крестьяне прибыли на поселение в Астраханскую губернию самовольно, поэтому Астраханской губернской казенной палате пришлось заняться их устройством в срочном порядке. Новое поселение решено было учредить по соседству с калмыцкими землями, поэтому Астраханский губернский землемер Бочаров, действуя согласно с инструкцией по межеванию земель, попытался привлечь к отмежеванию земли представителей местных калмыцких родов. И он отправил им повестки с предложением прислать своих представителей для наблюдения за отводом земель. Но те, по неизвестным нам причинам, не откликнулись на приглашение губернского землемера, и в 1828 г. он произвел отвод земли новому поселению без них. В результате во владении переселенцев оказалось значительное количество калмыцкой земли¹³.

Комиссией калмыцких дел не были своевременно приняты меры по выселению переселенцев с калмыцкой земли, а впоследствии сделать это оказалось еще труднее. Когда в 1832 г. уездная полиция, выполняя предписание министра внутренних дел, попыталась выселить крестьян, то обнаружила на месте значительное по численности селение, пребывавшее в «цветущем положении». С 1829 по 1833 гг. число поселенцев в селении, получившего название «Аксай», выросло с 500 до 1446 человек¹⁴.

В 1835 г. аксайским крестьянам при поддержке Астраханского губернатора генерал-майора И.С. Тимирязева удалось уговорить владельца Малодербетовского улуса Д. Тундутова уступить им за 6 тыс. руб. (ассигнациями) захваченную землю, что окончательно решило исход дела в пользу переселенцев. 22 февраля 1838 г. император Николай I утвердил «Акт об уступке» Тундутовым земли аксайцам в размере 40141 дес. 199 кв. саж. калмыцкой земли¹⁵.

Отсутствие действенной системы надзора за калмыцкими землями привело к появлению самовольных поселений на южной окраине калмыцких земель, граничившей с Кавказской областью (с 1847 г. – Ставропольская губерния). В 1843 г. переселенцы из Воронежской губернии основали на участке калмыцкой земли (1 783 дес.) поселение Ленокумское. Этот участок был передан из владения с. Покойного калмыкам отдельной части Малодербетовского улуса в виде компенсации за калмыцкие земли, отведенные покойнинским крестьянам ради удобства землепользования¹⁶.

Совет Астраханского калмыцкого управления, учрежденный в 1836 г. вместо упраздненной Комиссии калмыцких дел, выступил против самовольных переселенцев, предложив ликвидировать поселение, а его жителей расселить по другим населенным пунктам. Переселенцев, однако, поддержала Кавказская (областная) палата государственных имуществ, заявившая, что перевод их в другие места был бы для них разорительным. По этому вопросу завязалась межведомственная переписка, и, пока она тянулась, село быстро росло, и уже через несколько лет оно насчитывало 150 дворов и 320

душ. В итоге дело закончилось в пользу крестьян: им разрешили остаться на калмыцкой земле, но на условиях ежегодной выплаты в калмыцкий общественный капитал оброчных денег и без права принятия новых переселенцев¹⁷.

Следствием узаконивания трех самовольных крестьянских поселений (Аксая, Михайловки и Легокумского) стала утрата калмыками 46 217 дес. земли. Земельные потери были в общем-то небольшими, учитывая тот факт, что за калмыками числилась территория в более чем 10,2 млн. дес.

Дело, однако, заключалось в том, что, каждый случай узаконивания самовольных крестьянских поселений, во-первых, означал фактическое отступление губернских властей от буквы и духа закона, во-вторых, нарушал законные права калмыцкого народа и, в-третьих, становился заразительным примером для других самовольных переселенцев. Поэтому российское правительство, несмотря на исключения, которые время от времени допускались в отношении отдельных самовольных поселений, продолжало законодательно запрещать самовольные поселения.

Так, в новом «Положении об управлении калмыцким народом», введенном в действие в 1836 г. указом императора Николая I от 24 ноября 1834 г., вопросу о самовольных крестьянских поселениях была посвящена отдельная глава – «О мерах к отвращению самовольных водворений в улусах». В ней говорилось: «Всем, не принадлежащим к калмыцкому народу людям, какого бы звания не были, строго воспрещается селиться на землях, во владение калмыков отведенных, пасти на оных скот и вообще иметь постоянное там пребывание»¹⁸.

Улусные попечители в случае нахождения таких людей должны были донести о них в Совет Астраханского калмыцкого управления, а тот – Астраханскому губернскому правлению, которое подпиской обязывало самовольных переселенцев в течение 6-ти месяцев выселиться из улуса. Неисполнение распоряжения грозило самовольным поселенцам и пользователям калмыцких земель конфискацией строений, имущества, скота в судебном порядке и продажей их с публичного торга¹⁹.

Таким образом, процедура выселения посторонних лиц с калмыцкой земли предполагала согласования в нескольких учреждениях разных ведомств, на что, естественно, уходило много времени. Это давало нарушителям закона возможность прочно обустроиться, а затем – основания упрашивать губернские власти оставить их на калмыцких землях, ссылаясь на достигнутые ими успехи в хозяйствовании.

Самовольные поселения удавалось предотвратить, если их жители не успевали прочно обустроиться на захваченных землях. Благодаря своевременному вмешательству калмыцких властей, например, в 1841 г. было предотвращено поселение 300 воронежских переселенцев на участке земли между реками Большой и Малой Ку-

гультами, а в 1842 г. была пресечена попытка большой партии крестьян из Воронежской губернии водвориться на урочище Терновка в отдельной части Малодербетовского улуса²⁰.

При выяснении обстоятельств, приведших к появлению в конце 1820-х – первой половине 1840-х гг. самовольных поселений на калмыцких землях, необходимо обратить внимание на их связь с ходом упорядочивания и оформления административных границ калмыков с соседними уездами Астраханской и Ставропольской губерний. В эти годы происходили уточнения границ землепользования между кочевниками и их соседями, которые сопровождались обменами сопредельными землями, прирезками земли к обществам или, наоборот, отрезками от них отдельных участков. Переселенцы, селясь на калмыцких землях, не всегда знали об их принадлежности калмыкам, считая их казенными землями. Так, среди аксайских поселенцев было распространено мнение о том, что земли, на которых они водворились, были «захвачены» калмыками у казны, а основатели д. Михайловки и с. Легокумского, устраивая поселения на прогонах, ранее находившиеся во владении обществ с. Сасыкольское²¹ и Покойное²², не знали или не придавали особого значения тому, что они были переданы калмыкам сельскими обществами в порядке земельной компенсации.

В конце 1840-х гг. губернские власти приступили к исполнению указа императора Николая I от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии». Согласно указу, вдоль шести дорог, проходящих в основном по калмыцким землям, предстояло создать 44 населенных пункта, с поселением в каждом из них по 50 семей государственных крестьян и 50 семей калмыков, пожелавших добровольно перейти на оседлость²³. Правительство стремилось заселить Царицынско-Ставропольский и Астраханско-Кизлярские тракты, связывавшие Нижнее Поволжье и Северный Кавказ, а потому имевшие общегосударственное, стратегическое значение, а также ряд дорог губернского значения, дать толчок переходу калмыков на оседлый образ жизни, создать очаги оседлости и земледелия на калмыцких землях. В результате осуществления этих планов на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний образовалось 31 поселение государственных крестьян. Но вместе с ними, на землях отдельной части Малодербетовского улуса, возникли и два самовольных поселения: Спасское и Рагули.

Спасское было основано в 1852 г. крестьянами из Курской, Харьковской и Екатеринославской губерний, самовольно покинувшими – из-за тяжелейших природных условий – незадолго до этого образованные ими же на Кизлярском тракте населенные пункты Доля и Спасская. Переселенцы выбрали себе место для жительства на урочище Пробитый колодец, и, несмотря на попытки властей их отсюда выселить, сумели там удержаться. Упорное сопротивление властям оказали также переселенцы на урочище Рагули, обосновавшиеся там самовольно в первой половине 1850-х гг. Судьба обоих поселе-

ний решила после передачи в 1860 г. территории отдельной части Малодербетовского улуса в состав Ставропольской губернии. Они были узаконены и получили земельные наделы²⁴.

Во второй половине XIX в. калмыцкий земельный фонд в связи с передачей его части оседлым жителям заметно сократился, поэтому возможности для создания самовольных поселений выходцами из других губерний заметно сузились. В этот период имели место лишь два случая самовольного поселения на калмыцких землях уроженцев из других губерний.

В 1884 г. переселенцы – около 50 семей – из Таганрогского округа Области войска Донского самовольно основали на землях Большедербетовского улуса Ставропольской губернии село Яшалтинское (ныне с. Соленое Яшалтинского района Республики Калмыкия). По свидетельству Я.П. Дубровы, служившего в те годы псаломщиком в православном храме в Князе-Михайловском стане крещеных калмыков Большедербетовского улуса, переселенцы прибыли на «калмычину» со всем своим хозяйством, всего за одну ночь вырыли землянки, «и так прочно, точно в траншеях, засели в них, что полицейское оружие не могло выбить их оттуда»²⁵. Все попытки уездной полиции выселить крестьян не увенчались успехом, и поселение в итоге узаконили, предоставив его жителям в надел более 2 000 дес. калмыцкой земли.

Другая группа жителей Области войска Донского – семь семей, – предварительно заручившись поддержкой калмыков Капкинского рода Малодербетовского улуса, в 1887 г. устроила поселение на урочище Свиная балка. По закону калмыки не имели права приглашать на постоянное поселение посторонних лиц, поэтому Управление калмыцким народом, учрежденное в 1867 г. для управления Калмыцкой степью Астраханской губернии, признало действия калмыков и крестьян-пришельцев незаконными и приказало последним в срочном порядке покинуть урочище. Но поселенцы не выполнили этого распоряжения и оказали серьезное сопротивление: отставные солдаты русской армии, они вынуждены были из-за малоземелья арендовать земли Свиной балки, которые находились всего в полуверсте от их Мишко-Васильевского поселка.

В результате притока новых переселенцев число семей в п. Капкинка к 1906 г. выросло с семи до 48-ми (341 человек). После длительных переговоров и согласований в разных учреждениях губернские власти поселение узаконили, но без отвода земельного надела. В 1904 г. для его жителей образовали из калмыцких земель оброчную статью (сданный в аренду участок земли) «Берёзовая и Свиная балка», которую капкинцы стали арендовать с 1904 г.²⁶

* * *

В XIX – начале XX вв. часть самовольных поселений располагалась в приморской части калмыцких земель. Во второй половине

XIX в. их было семь (Четырехбугорный, Вахромевский, Рынок, Оля, Седлистый, Разбугоринский, Лагань), большинство из них возникли самовольно в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. В 1897 г. в них насчитывалось 4 567 жителей²⁷.

Главным занятием населения поселков, сформировавшегося большей частью из крестьян различных категорий и губерний, а также мещан, купцов, отставных солдат и прочих, было рыболовство. Узаконивание этих поселений в прибрежной части Каспийского моря и наделение их землей диктовалось, прежде всего, потребностями развития рыболовецкой отрасли, а, кроме того, земля нужна была для ведения приусадебного хозяйства.

Астраханская полиция неоднократно принимала меры к ликвидации рыбацких поселений, но этому всякий раз мешали частые отлучки ловцов в море и плохое состояние дорог, из-за чего в весеннее и осеннее время добраться до них практически было невозможно. Так продолжалось до тех пор, пока в начале 1870-х гг. правительство в целях повышения доходности морского промысла на Каспии не приняло решение образовать из части государственных, калмыцких и выкупленных у частных лиц земель одноверстную береговую полосу. Затем ее передали в распоряжение созданного в 1866 г. Астраханского управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами. В 1873 г. поселки Бирючья коса, Разбугорный, Вахромеевский, Рынок, Седлистый и Четырехбугорный были выведены из подчинения Управления калмыцким народом и узаконены на условиях временной (24 года), до окончательного земельного устройства, аренды усадеб и строений²⁸.

Вскоре на калмыцких землях Прикаспия возникло новое самовольное поселение – п. Лагань. В конце 1870-х гг. его основали переселенцы из разных губерний – крестьяне, мещане, отставные солдаты, которые пришли на существовавший издавна на Лаганском бугре рыбный промысел на заработки и остались там навсегда. Подобно жителям других самовольных поселений, лаганцам пришлось упорно отстаивать право остаться жить на выбранном ими месте. Несмотря на давление со стороны Управления калмыцким народом, население п. Лагань за первые 20 лет его существования (конец 1870-х – конец 1890-х гг.) увеличилось с девяти до 160 семей. Быстрый рост числа жителей в п. Лагани и их успешное хозяйственное устройство в конечном счете предопределили узаконивание поселения, которое состоялась незадолго до начала Первой мировой войны²⁹.

В XIX – начале XX вв. на взаимоотношения оседлого населения и калмыков-кочевников Астраханской губернии сильно влияло существование 10-верстной полосы. Она была создана по указу Александра I от 19 мая 1806 г. в интересах жителей приволжских селений, скот которых весной и осенью страдал от нападений волжских оводов и мошки. Чтобы обеспечить скоту спокойный выпас,

приволжским жителям разрешили пользоваться прилегавшими к их наделам калмыцкими землями. Для этого была произведена нарезка полосы вглубь калмыцкой территории на расстояние от 10 до 15 верст. Взамен калмыки получили право зимовать со своим скотом в займищных дачах приволжских селений.

Комиссия «для наделения землями Калмыков, Киргиз-Кайсаков и Кундровских татар», учрежденная в Астрахани и возглавляемая Астраханским губернатором, отмежевала под 10-верстную приволжскую полосу для совместного пользования калмыков и оседлого населения 170 449 дес. 726 саж.³⁰

В ходе работы Комиссия допустила грубые ошибки при составлении документов. Одна из них заключалась в том, что в планы не была включена полоса для совместного пользования³¹. Впоследствии крестьяне неоднократно использовали ее ради того, чтобы оспорить ее принадлежность калмыкам.

После завершения межевых работ крестьяне приволжских селений сразу же приступили к освоению 10-верстной полосы, постепенно вытесняя калмыков. В результате она превратилась из совместной полосы в полосу единоличного пользования оседлого населения. Более того, последнее начало захватывать калмыцкие прогоны для скота к Волге и вышло далеко за пределы 10 верст³².

На калмыцкой земле возникли хутора и поселки, что запрещалось законом. Комиссия калмыцких дел (с 1826 г.), Совет Астраханского калмыцкого управления (с 1836 г.), Отделение ордынских народов (Ордынское отделение) Астраханской губернской палаты государственных имуществ (с 1848 г.), управляющим которой стали назначать Главного попечителя калмыцкого народа, и, наконец, Управление калмыцким народом (с 1867 г.) пытались, в меру своих полномочий и возможностей, пресечь нарушения закона со стороны жителей приволжских селений. Однако желаемого результата их усилия не давали: оседлое население не подчинялось улусной полиции, а уездная полиция не имела права вмешиваться в дела на калмыцких землях³³.

Между тем число незаконных поселений на 10-верстной полосе увеличивалось. По сведениям Управления калмыцким народом, в 1890 г. в пределах 10-верстной полосы существовало 77 хуторов и поселков, в которых проживала 351 семья, и еще 48 хуторов, насчитывавшие 149 семей, располагались за чертой этой полосы³⁴.

Главные попечители калмыцкого народа, начиная с 1840-х гг., неоднократно поднимали вопрос перед губернскими властями и правительством о ликвидации самовольных поселений в приволжской полосе и предлагали вообще прекратить практику совместного пользования ею, однако добиться этого так и не смогли. Этот вопрос был слишком сложным и запутанным, чтобы решить его однозначно и быстро, но самое главное – он затрагивал жизненные интересы и крестьян, и калмыков.

Присоединение 10-верстной полосы к наделам сельских обществ оседлого населения было чревато осложнениями в отношениях с калмыками, и к тому же потребовало бы пересмотра указа Александра I от 19 мая 1806 г., гарантировавшего неприкосновенность границ калмыцких кочевий. В то же время правительство не могло не учитывать и интересы многочисленного крестьянского населения правобережья Волги. В 1890 г., по сведениям рекогносцировочных партий, в пределах 10-верстной полосы хозяйственную деятельность на пространстве до 200 тыс. дес. осуществляли не менее 45 000 человек, проживавшие в 27 поселениях, и еще 100 тыс. дес. калмыцкой земли ими использовалось за границами этой полосы³⁵. Изъятие столь большого количества земли из пользования крестьян ухудшило бы их экономическое положение и отрицательно отразилось на их налоговой платежеспособности.

Власти имперской России на протяжении многих десятилетий искали пути выхода из сложившейся ситуации вокруг 10-верстной полосы, но к какому-либо определенному решению так не пришли. Этот вопрос был разрешен Советской властью после того, как в 1920 г. была учреждена Калмыцкая автономная область и установлена ее административная граница с Астраханской губернией.

* * *

Во второй четверти XIX в. свободной государственной земли в Астраханской и Ставропольской губерниях оставалось немного. Однако переселенцы продолжали прибывать, хотя губернские власти пытались сдерживать этот поток. Массовый приток переселенцев вел к быстрому сокращению пригодных для заселения государственных земель и создавал для губернских властей серьезные трудности в их устройстве.

Большое количество государственной земли было отведено калмыцким кочевьям, и использовать их земли для водворения переселенцев запрещал закон. В сложившейся ситуации переселенцы самовольно создавали свои поселения на землях, отведенных калмыкам.

Самовольные поселения создавались исключительно на окраинах калмыцких земель. Самовольные переселенцы не стремились проникнуть вглубь калмыцкой территории, выбирая себе места под поселения при водных источниках и в приграничных районах Калмыцкой степи.

Самовольные поселения можно разбить на три группы.

К первой относятся населенные пункты, основанные выходцами из других губерний, стремившимися обрести новые места жительства и заняться на них земледелием и скотоводством. Вторую составляют поселения, созданные жителями соседних с калмыцкими землями поселений Астраханской губернии, которые

в интересах расширения своих хозяйств перешли границы своих земельных наделов и углубились в Калмыцкую степь, образовав в ней со временем небольшие поселки и хутора. К третьей относятся рыболовецкие поселения на калмыцких землях прибрежной полосы Прикаспия. Население их сформировалось на основе пришлых людей разных сословий из Астраханской и других губерний. Они занимались преимущественно рыболовством, а земля была нужна им для развития рыболовецкой отрасли, а также для ведения приусадебного хозяйства.

Среди переселенцев преобладали государственные крестьяне, но немало также было отставных солдат и представителей военно-служилой группы – однодворцев. Однодворцами была основана д. Михайловка, а отставными солдатами – п. Капкинка. Уволенные со службы солдаты сыграли заметную роль в основании п. Лагань и с. Спасского (урочище Пробитый колодец). Наличие среди самовольных переселенцев военного элемента придавало борьбе за узаконивание самовольных поселений более упорный характер и организованность. Особенностью состава самовольных переселенцев Калмыкии являлось полное отсутствие в нем крепостных крестьян и казачества.

В своих действиях по отношению к самовольным поселениям на государственных землях, отведенных для калмыцких кочевий, центральные и губернские власти Российской империи вынуждены были балансировать между законностью и целесообразностью, интересами пополнения казны. Начальство Астраханской и Ставропольской губерний было заинтересовано в появлении новых поселений, поскольку они способствовали росту численности населения, освоению территории и расширяли число налогоплательщиков. Поэтому губернские власти не были заинтересованы в жестком контроле за водворением части переселенцев на калмыцких землях и не проявляли активности по их удалению.

Принимая решение об узаконивании того или иного самовольного поселения российское правительство и губернские власти исходили из конкретной ситуации. Каждое такое решение сопровождалось изданием отдельного распорядительного документа, чем подчеркивался его исключительный характер.

Самовольные поселения в XIX – начале XX вв. не привели к большим земельным потерям калмыков и не оказали большого влияния на кочевые хозяйства. Большинство самовольных поселений так и не получило калмыцкие земли в надел: для них были созданы арендные статьи, сдаваемые калмыцкими родовыми обществами во временное пользование. Что же касается 10-верстной полосы, то, несмотря на ее эксплуатацию жителями приволжских сел, она формально оставалась за калмыками.

Примечания Notes

¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 1-е (ПСЗРИ-1). Т. XXIX. № 22135.

² Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь // Калмыцкая область. 1925. № 2. С. 124–145.

³ Борисенко И.В. Русско-украинская переселенческая деревня Калмыцкой степи: Пути возникновения и развития (середина XIX в. – 1917 г.) // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Элиста, 1989. С. 63–89.

⁴ Белоусов С.С. Стихийные крестьянские переселения в Калмыкию в первой половине XIX в. // Социально-экономическое и политическое положение крестьянства Калмыкии в дореволюционный период. Элиста, 1989. С. 51–62.

⁵ Бадмаева Е.Н. Крестьяне-переселенцы из малоземельных регионов России в Калмыкии в XIX – первой половине XX вв. // Былые годы. 2016. Т. 42. № 4. С. 1173–1181.

⁶ Бурчинова Л.С. К вопросу о земельной политике царизма в Калмыкии в XIX веке // Вестник Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории Вып. 15. Элиста, 1976. С. 73.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. XXIX. № 22135.

⁸ Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. V. Астрахань, 1932. С. 9.

⁹ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 162.

¹⁰ НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 436. Л. 5об.

¹¹ НА РК. Ф. И-2 Оп. 1. Д. 87. Л. 35об.

¹² Там же. Л. 256.

¹³ НА РК. Ф. И-2. Оп. 1а. Д. 25. Л. 70.

¹⁴ Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. 687. Оп. 2. Д. 1430. Л. 1.

¹⁵ НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 85. Л. 304об.

¹⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 383. Оп. 12. Д. 12356. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 25об.–26.

¹⁸ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. X. № 7560а.

¹⁹ Там же.

²⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 3260. Л. 15об.

²¹ НА РК. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 436. Л. 5об.

²² РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12356. Л. 1.

²³ ПСЗРИ-2. Т. XXI. Отд. 3. № 20758.

²⁴ ПСЗРИ-2. Т. XXXVI. № 37232.

²⁵ Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Казань. 1899. Т. XV. Вып. 1–6. С. 34.

²⁶ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 36. Ч. 2. Л. 222.

²⁷ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 132. Л. 614.

- ²⁸ ГА АО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 1170. Л. 4 об.–5.
²⁹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 36. Ч. 2. Л. 292.
³⁰ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18613а. Ч. 3. Л. 8об.
³¹ Там же. Л. 11.
³² Там же. Л. 2.
³³ Там же. Л. 9об.
³⁴ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18613а. Ч. 4. Л. 50.
³⁵ РГИА. Ф. 381. Оп. 29. Д. 18613а. Ч. 3. Л. 40, 310.

Автор, аннотация, ключевые слова

Белусов Сергей Степанович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста) sbelousovelista@mail.ru

В статье впервые проанализирована политика центральных и губернских властей Российской империи по отношению к самовольным поселениям на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в XIX – начале XX вв. Эти государственные земли были переданы калмыцкому народу в исключительное пользование в 1806 г. На основе ранее неизвестных архивных документов раскрыты, прежде всего, обстоятельства возникновения семи самовольных поселений на калмыцких землях. Определена география распространения самовольных поселений, которые возникали, как правило, на окраинах калмыцких земель. Проанализирован социальный состав самовольных переселенцев, среди которых основную массу составляли государственные крестьяне. Другую большую группу составляли отставные солдаты русской армии. Особенно отмечен тот факт, что среди самовольных переселенцев отсутствовали крепостные крестьяне и казаки. Наконец, рассмотрены действия губернских властей по отношению к самовольным поселениям на калмыцких землях, на которых шахи Российской империи запрещалось создание поселений подданными некалмыцкого происхождения. Делается вывод, что в своих действиях по отношению к самовольным переселенцам правительство и власти Астраханской и Ставропольской губерний вынуждены были балансировать между законностью и хозяйственными нуждами губерний. Они сами были заинтересованы в создании новых поселений, поскольку те способствовали росту численности населения, освоению земель и расширяли число налогоплательщиков. Исходя из этих соображений, правительство и губернские власти принимали решения узаконить самовольные поселения на калмыцких землях в виде исключения.

Калмыкия, калмыки, национальная политика, переселенческая политика, налоговая политика, государственная земля, землепользование, самовольное поселение, переселенец, Астраханская губерния, Ставропольская губерния.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Badmaeva E.N. Krestyane-pereselentsy iz malozemelnykh regionov Rossii v Kalmykii v XIX – pervoy polovine XX vv. [Migrant Peasants from Land-Scarce Regions of Russia in Kalmykia in the 19th – first half of 20th Centuries.]. *Bylye gody*, 2016, vol. 42, no. 4, pp. 1173–1181. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Belousov S.S. Stikhiynye krestyanskie pereseleniya v Kalmykiyu v pervoy polovine XIX v. [Spontaneous Peasant Resettlement in Kalmykia in the First Half of the 19th Century.]. *Sotsialno-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krestyanstva Kalmykii v dorevolutsionnyy period* [The Socio-Economic and Political Position of the Peasantry of Kalmykia in the Pre-Revolutionary Period.]. Elista, 1989, pp. 51–62. (In Russ.).

3. Borisenko I.V. Russko-ukrainskaya pereselencheskaya derevnya Kalmytskoy stepi: Puti vzniknoveniya i razvitiya (seredina XIX v. – 1917 g.) [The Russian-Ukrainian Migrant Village of the Kalmyk Steppe: Emergence and Development (mid-19th Century – 1917).]. *Sotsialno-ekonomicheskoe i politicheskoe polozhenie krestyanstva Kalmykii v dorevolutsionnyy period* [The Socio-Economic and Political Position of the Peasantry of Kalmykia in the Pre-Revolutionary Period.]. Elista, 1989, pp. 63–89. (In Russ.).

4. Burchinova L.S. K voprosu o zemelnoy politike tsarizma v Kalmykii v XIX veke [On the Question of the Land Policy of the Tsarist Government in Kalmykia in the 19th Century.]. *Vestnik Kalmytskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History.]. Elista, 1976, vol. 15, pp. 61–89. (In Russ.).

(Monographs)

5. Palmov N.N. Etyudy po istorii privolzhskikh kalmykov [Studies on the History of the Volga Kalmyks.]. Astrakhan, 1932, vol. 5, p. 9. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Sergey S. Belousov – Candidate of History, Senior Research Fellow, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
sbelousovelista@mail.ru

This is the first article to offer an analysis of the policy pursued by central and provincial Russian authorities in relation to illegal settlements on the Kalmyk territories in Astrakhan and Stavropol Provinces in the 19th and early 20th centuries. These lands were given to the Kamyk people for their exclusive use in 1806. On the basis of previously unknown archival documents the author highlights the circumstances under which seven unauthorized settlements were

set up on the Kalmyk lands. These settlements are characterized according to their geographical position, which was mostly in the periphery of the Kalmyk lands. The study also reveals the settlers' social make-up, with state peasants forming the bulk and retired soldiers of the Russian Army accounting for another massive part of the settlers. The emphasis is made on the fact that serfs and Cossacks were not to be found among the migrant settlers. Finally, the author examines the actions of the provincial authorities in relation to the illegal settlements on the Kalmyk territory which was banned by the legislation of the Russian Empire to be used for settlement by non-Kalmyk citizens. It is concluded that dealing with this problem the government and the authorities of Astrakhan and Stavropol Provinces had to balance between the law and the provincial economic demands. In reality, they were interested in these settlements as they helped increase the population, cultivate the land and expand the number of taxpayers. For these reasons, the government and provincial authorities made decisions to legalize such settlements on the Kalmyk lands on an exceptional basis.

Kalmykia, Kalmyks, national policy, resettlement policy, tax policy, state land, land use, squatter settlement, migrant, Astrakhan Province, Stavropol Province.

S. Nekrylov and M. Gribovskiy

**THE SIBERIAN PROFESSORIATE
IN THE LATE 19th AND EARLY 20th CENTURIES:
A SOCIAL AND POLITICAL PROFILE* ****

С.А. Некрылов, М.В. Грибовский

**Сибирская профессура рубежа XIX – XX веков:
Социальный и политический портрет**

Over centuries Siberia which constituted the bulk of Russia's territory, nevertheless, occupied a peripheral position in the area of education and, particularly, science. Until the 19th century Siberia was seen as a land famous for its natural resources, industries and trades related to them, an obscure part of Russia mainly inhabited by indigenous peoples, and, naturally, a land of exiles.

Siberia's intellectual boost started with the establishment of Imperial University in 1878 (opened in 1888) and of Technological Institute in 1896 (opened in 1900) in the Siberian city of Tomsk. Today these two educational institutions are among Russia's leading research universities steadily ranking among the country's top 10.

The arrival of the first professors in Tomsk began to shape here a specific social environment which sharply contrasted with the rest of the city population, especially, during the first few decades. The present article is devoted to the phenomenon of the Siberian professoriate in the pre-revolutionary period as to its social profile and socio-political views. The research analyzes materials related to the history of Tomsk Imperial University as the first Siberian institution of higher education.

The pre-revolutionary professoriate of Tomsk as a subject of special research was likely to come under the scrutiny of historians not earlier than the 1990s, with the biographical dictionary of the university professors serving as an impetus¹.

A large part of research on the Siberian (Tomsk) professors of that time focuses on scientific and educational activities performed by university lecturers whereas the social and political aspect is also reflected in this research². Noteworthy is a monograph and articles by O.A. Harus which reveal the ideological and political shaping of liberal opposition in Siberia in the late 19th and early 20th century, including their philosophical views and socio-political concepts which were reflected in the works by a number of professors of the Law School, Tomsk University³.

* Translated by Olga Sudakova (Russian State University for the Humanities, Moscow).

** The research was conducted in the course of implementing a national project assigned by the Russian Ministry of Education and Science (Project №33.1687.2017/4.6).

The Formation of University Professorial Staff

Three years before the university was opened the newspaper “Sibirskiy Vestnik” (“The Siberian Bulletin”) was questioning the possibility of attracting professors and associate professors to Tomsk. The author wrote: “In reality, can a professor with some solid record be tempted by a slightly higher salary and earlier retirement or some other benefit at the expense of exchanging St. Petersburg, Moscow, Kiev, Odessa, Warsaw, Kharkov and even Kazan for Tomsk where there is not a single decent library, except for the university one, not a single museum, no materials for conducting research, with no new book available: one has to order it by post personally or get the university to do it whereas an old one, if not available in the university, is impossible at all to get?”⁴

Nevertheless, the newspaper expressed hope that among those who had recently graduated from universities in the European part of Russia there would be talented people who would prefer teaching at the Siberian university, without counting on any special privileges, to other social positions and with zest and commitment, so natural for the youth, would lay the foundation for university scientific research⁵. The fears proved overstated. The challenge was taken by both young university graduates and those who already had a certain reputation in the academe.

Their motives were varied. Firstly, a newly opened university meant newly opened departments which offered aspired professorship to privat-docents coming from other universities. Secondly, the salary in Siberia was 1.5 times as high as that in the European part of Russia. Finally, Siberia was appealing as “terra incognita” which offered wide prospects for research to medics, biologists, geographers, ethnographers, etc.

Lecturers were recruited by Tomsk University whenever it was required for the teaching process. As the university had the only Department of Medicine until the 1890s, first there was a demand for professors to teach first-year medical students, then for lecturers teaching in the second year and so on. The entire teaching staff was completed during three-four years after the university was opened.

The first arrival was P.N. Krylov who came from the city of Kazan in 1885 at the invitation of V.M. Florinskiy to occupy the position of a scholarly university gardener. Besides, he was in charge of the study room (laboratory) of Botany. Later in summer Tomsk University was joined by a basic team of professors to provide the educational process in the first year at the Department of Medicine. They came from Kazan University (A.S. Dogel, A.M. Zaitsev, S.I. Korzhinskiy, N.M. Maliyev, E.A. Lehman), St. Petersburg University (N.A. Hezehus), Derpt (Yuriev/Tartu) University (S.I. Zaleskiy). N.F. Kashyenko, a graduate from Kharkov University arrived later in March 1889. N.A. Hezehus was appointed a tenured professor at the Department of Physics jointly with Physical Geography and Meteorology. Moreover, being the most experienced lec-

turer among the staff with professional training in Western Europe and many-year tenure at the capital’s university he was an acting President of the university until his return to St. Petersburg in 1889.

All the above teachers had Master’s and Doctoral degrees by the time of their arrival in Tomsk, however, none of them had the title of professor, neither Extraordinary nor Ordinary one. Among the first professors the oldest one, N.M. Maliyev, was 47 whereas the youngest professor, S.I. Korzhinskiy, was 27. Later on the teaching staff was enlarged by privat-docents and professors from the above-mentioned universities as well as from universities of Moscow, Kiev, Odessa, and from St. Petersburg Military Medical Academy.

The Law Department at Tomsk University was opened in 1898, with the first professors appointed only at a few chairs, such as the Chair of Civil Law and Procedure (acting Ordinary(Full) Professor I.A. Bazanov), the Chair of the History of Russian Law (Extraordinary Professor I.A. Malinovskiy), the Chair of Encyclopedia and the History of the Philosophy of Law (Extraordinary Professor S.I. Zhivago), the Chair of Roman Law (Extraordinary Professor S.G. Sabinin), and the Chair of Political Economy (Extraordinary Professor M.A. Reisner). Other chairs remained vacant at first. I.G. Tabashnikov, professor of Roman Law from Novorossiysk University (in Odessa), was appointed the dean of Law Department.

By the 1902/03 academic year the staff of Law Department could boast as high a proportion of scholarly degrees as that of Warsaw and Kazan universities. That year 8 lecturers out of 12 delivering obligatory courses at Law Department possessed scholarly degrees. According to Law Department’s professorial contingent (12) Tomsk University ranked third in Russia after Moscow University (16) and St. Vladimir University (in Kiev) (14). Compare it with other universities: Derpt/Yuriev/Tartu – 11, Novorossiysk (in Odessa) – 10, Kazan – 9, Warsaw – 8. In 1904 the teaching at the Law Department was performed by 1 Doctor of Law, 9 Masters of Law and only 2 post-graduate students⁶.

By January 1917 r. the university counted 36 professors, 13 privat-docents, and 2 lecturers teaching foreign languages (German and French)⁷ who taught 1,192 people (960 students and 232 non-matriculating students), including 737 students and 196 non-matriculating students at the Department of Medicine and 223 students and 36 non-matriculating students at Law Department⁸.

In 1917 after the February Revolution two more departments were added, those of History and Philology and of Physics and Math, which brought Tomsk University into line with the “The Common Charter for Universities of the Russian Empire” of 1884 in terms of the number of departments.

The teaching staff of Tomsk University was formed according to the staffing table. As stipulated by the Corpus of Laws of the Russian Empire teaching staff enlisted 1) ordinary and extraordinary professors; 2)

privat-docents; 3) lecturers; 4) support educational staff⁹. “The Common Charter for Universities of the Russian Empire” of 1884 specified “the staff teaching disciplines at university” as “a) professors b) associate professors and c) privat-docents”¹⁰.

Those professors whose tenure amounted to 25 years were awarded the title of Professor Emeritus. This time period was supposed to comprise work in the professorial position or as a teacher of another higher education institution, doctor’s degree being necessary¹¹. As to professors of Theology, their clerical service was equated with the civil one whereas their seminary work with that of teaching at gymnasia and their academic work with that at university¹². During the time period in question nine people were awarded the title of Professor Emeritus at Tomsk University, namely: D.N. Belikov, N.F. Kashyenko, A.A. Kulyabko, M.G. Kurlov, E.S.Obraztsov, M.F. Popov, E.G. Salishyev, V.V. Sapozhnikov, and V.A. Ulyanitskiy.

Attention should be paid to such acute problem for Tomsk as the university’s staff turnover. On the one hand, young teachers were eager to get here to obtain a tenured teaching position; on the other hand, the former privat-docents promoted to extraordinary (external) professors and even ordinary (full) professors tried to transfer to other universities in the European part of the Russian Empire. Such was the case of Ordinary Professor A.P. Korkunov who headed the Chair of Medical Diagnostics and the Department’s Clinic.

In 1893 he applied to the Ministry of National Education for his transfer to the University of Kharkov or St. Vladimir University (in Kiev). The Ministry responded in a moralizing tone: “Our analysis of available data shows that young people tend to apply for a tenured position at Tomsk University not to commit themselves to a permanent service at that university, but for the sake of a fast promotion toward full professorship in order to proceed to another educational institution in European Russia. <...> The Minister of People’s Education who thinks that such attitude to work at Tomsk University is wrong and critical for the success of teaching <...> asks me to relate to messieurs professors of Tomsk University his request to view their tenure at this university as a permanent place rather than a place for a fast promotion to full professorship and a transit place towards another tenured position in European Russia”¹³.

It should be noted that Professor Korkunov did remain at the university and did not leave until 1906. Nevertheless, the problem of teaching staff turnover would be referred to later on as well. For instance, as I.A. Bazanov, the dean of Law Department, asking University President M.G. Kurlov to allow M.I. Bogolepov to deliver a course of lectures, wrote in October 1906: “Mr. Bogolepov is the first degree-holder of Law Department from this very university. Through him, the Department for the first time implements one of its essential tasks – that of self-replenishment of its research staff. The implementation of this task makes the peripheral department steady and independent of research staff from other

universities. As a graduate of Tomsk University, Mr. Bogolepov may have stronger ties with this university and *will not regard the latter as a transit stage to other universities as is often the case with scholars employed from elsewhere* [Emphasis ours.]”¹⁴.

Professor N.F. Kashyenko, Chair of Anatomy, wrote: “<...> Faces in Tomsk changed fast, that is why back in 1912 I was the only professor from those appointed in the first year of the university’s existence”¹⁵.

Over the pre-revolutionary period from 1888 to February 1917 there were 87 professors teaching at Imperial Tomsk University, 59 of them working at the Department of Medicine and 26 at Law Department. The Chair of Theology was headed by two professors during this period. 42 people (31 at the Department of Medicine, 11 at Law Department) who held the Doctorate degree in Medicine or Master’s degree worked as privat-docents. However, the bulk of the teaching load was performed by professors. Below you can see how the professorial contingent was distributed among departments:

Professors	Medicine	Law	Total
Ordinary (Full)	44	7	51
Extraordinary (External)	9	1	10
Acting Ordinary	4	13	17
Acting Extraordinary	–	5	5
Nonstaff Extraordinary	2	–	2
Professors of Theology	–	–	2

As shown, the number of full professors working at the Department of Medicine is considerably higher than that at Law Department. This can be explained not only by the fact that Law Department appeared 10 years later than the Department of Medicine, but also due to the fact that the Department of Medicine had more chairs: the staff schedule for 1884 included 18 professors at Law Department and 24 at the Department of Medicine¹⁶.

The Social Composition of Professorial Contingent

By social origin the majority of professors working at Tomsk University corresponded to those population categories that were eligible for civil service. According to “The Code of Regulations of Civil Service” employment in a civil institution, including public education, was determined by three factors: social status, age and educational level¹⁷. By “right of origin” the civil service was eligible for: children of hereditary and personal nobility, officers’ sons and sons of bureaucracy that received personal honorary citizenship, sons of Finnish bureaucracy, not

of noble origin, who occupied class rank positions in the civil service of the Grand Duchy of Finland, sons of priests, deacons and junior deacons of Orthodox and Armenian-Gregorian confessions, sons of Evangelist, Lutheran and Reformatory pastors, as well as the sons of commerce advisors and of the first Guild merchants. Apart from the above categories, civil service was accessible for the sons of scholars and artists without class ranks, the sons of uyezds, parochial and domestic teachers as well as former room supervisors at schools, clerks, doctors' apprentices, paramedics, couriers, also the sons of servicemen and craftsmen without class ranks from the Court department as well as the sons of junior military ranks serving in this department¹⁸.

A considerable part of professors were of the origin which, according to the law, did not presuppose entering into civil service. For instance, professors N.A. Alexandrov, I.A. Bazanov, G.M. Kolonozhnikov, A.P. Korkunov, I.G. Tabashnikov were of peasant origin whereas I. L. Vaku- lenko, S.V. Lobanov, I.A. Malinovskiy, I. V. Mihailovskiy, N.Y. Novom- bergskiy came from lower middle class. V.N. Velikiy, G.M. Yosifov, V.G. Kamburov, F.K. Krueger, V.A. Muratov, E.G. Salishyev came from the merchant environment. A.M. Zaitsev was a hereditary honorary citizen. Yet, "The Code of Regulations of Civil Service" specified that university graduates and degree-holders became entitled to civil service¹⁹.

A detailed social and class analysis of the professorial contingent at Tomsk University can be done on the basis of the data in relation to the professors' social origin to be found in reference books about employees under the Ministry of National Education (published in 1888 – 1916) and professors' personal records²⁰. The analysis of these sources revealed the following profile which reflects the original social status of 87 professors working at Tomsk University during the period in question:

Social (class) origin	1888	1898		1916		Total 1888– 1917
	Med.	Med.	LLaw	MMed	LLaw D	
Nobility	3	44	22	11	55	24
Clergy	1	99	—	115	33	30
Hereditary honorary citizens	1	11	—	—	11	2
Merchants	—	33	—	11	—	6
Bureaucracy	1	22	—	55	11	11
Children of senior officers	1	11	—	11	—	3
Lower middle class	—	—	11	22	22	5
Peasantry	—	11	11	11	21	5

Of Finnish origin	—	—	—	11	1-	1
Total:	7	221	44	227	113	87

As shown in the above table, the majority of the professorial staff came from the clergy (34.5 %) and nobility (27.6 %), those coming from bureaucracy accounted for 12.6 % of the university's professoriate.

It is interesting to compare these data with those of other universities.

According to L.A. Bushayeva, in the Kazan University over the same period 27.8 % of the teaching staff came from nobility, 18.6 % – from bureaucracy and senior officers, and 22.7 % – from the clergy²¹. The social composition was somewhat different at St. Petersburg University. According to estimates by E.A. Rostovtseva, the percentage of the academics of aristocratic origin was even higher (32.2 %), those who came from the non-aristocratic families of government officials (bureaucracy) accounted for about 16 %, and those coming from the clergy – almost 11 %, which is three times as little than in Tomsk²².

On average, the social (class) composition of the professorial staff in Russian universities and university-type institutions was as follows:

in 1904 from the nobility – 39.2 %, from the clergy – 20.9 %, from bureaucracy, personal noblemen and senior army officers – 17.1 %;

in 1917 from the nobility – 33.4 %, from the clergy – 16.2 %, from bureaucracy, personal noblemen and senior army officers – 22.4 %²³.

The numerical predominance of professors coming from clerical families in the social composition of Tomsk University was largely due to the fact that for the first ten years the university had had but one department, the Department of Medicine, which was mostly joined by graduates of the St. Petersburg Military Medical Academy that, in its turn, enrolled graduates from seminaries. Once the Department of Medicine released the first qualified physicians it was possible to employ them as the University's own teaching staff. However, graduates from seminaries also prevailed among the students enrolled in Tomsk University. There was a similar situation when Law Department was opened.

During the first 25 years of the existence of Tomsk University the proportion of seminary graduates from those who were admitted, graduated or dropped out for different reasons amounted to 63.3 % at the Department of Medicine and 46 % at Law Department. As to the graduates alone estimated over this period, the proportion was 74.2 % and 57.6 % correspondingly²⁴.

It is worthwhile taking into account one more indicator – an average age of the Siberian professoriate, which will complete their social profile. According to our estimates, the average age of taking up the professorial position over the entire pre-revolutionary period of Tomsk University was 37. It was only slightly different from that of St. Petersburg University, which was 38.7²⁵.

As to their confessions, the professorial staff represented by Russians in absolute majority, were mainly Orthodox. Over the period of 1888–

1916 80 professors out of 87 working at Tomsk University were Orthodox and 7 professors (A.S. Dogel, S.I. Zalesskiy, I.V. Mihailovskiy, V.A. Ulyanitskiy, F.K. Krueger, E.A. Lehman, A.A. Lindstrom) were Roman-Catholic by confession. There were no professors of Jewish, Moham-medan or other confessions at Tomsk University. Such situation was typical of the majority of Russian universities²⁶.

Civic Engagement and Political Views

The early 20th century witnessed a whirlpool of social and political processes in Russia, a rapid politicization of society. Universities accumulating the country's intellectual resources could not stay away from politics. Whereas the last decades of the 19th century were conducive to political neutrality, the conditions under the First Russian revolution (of 1905) which took two and a half years led to palpable polarization of the professorial staff.

The Russian university community were undergoing through decades of an unprecedented split into "the left" and "the right" in terms of politics and ideology, with "the left professoriate" (in the broad sense of the word, meaning "anti-monarchist"), according to numerous estimates, prevailing over "the right" one, which was historically justified.

The political differences of the teaching staff of Tomsk University were manifested at their sharpest during the First Russian revolution when the political parties of the Russian Empire were legalized.

Supporters of radical left-wing parties among the university community were but few. S.V. Lobanov, professor of Ophthalmology, was known to belong to the Socialist Revolutionary Party (Party of Socialists-Revolutionaries). According to the Tomsk Province Gendarme Department, Professor N.A. Alexandrov in 1905 was a founder and head of the socialist-democratic professional union of Tomsk pharmacists and apothecaries who "had relationships with people politically highly unreliable"²⁷.

Among ardent adherents of the Constitutional Democratic Party (Constitutional Democrats; Cadets; Party of the People's Freedom) were professors M.I. Bogolepov, I.A. Malinovskiy, N.Y. Novombergskiy, S.P. Mokrinskiy, N.N. Rozin, M.N. Sobolev, V.V. Sapozhnikov, the latter being also a proponent of the ideas of *Sibirskoye oblastnichestvo* (Siberian regionalism).

Founders of the Tomsk affiliate of the Party of People's Freedom, I.A. Malinovskiy and M.N. Sobolev, edited the newspaper "The Siberian Life" in 1905–1906 and 1907–1910. V.V. Sapozhnikov was also a member of the editorial board. In 1907 Malinovskiy was nominated as a candidate for a deputy of the Third State Duma, but opted out in favour of Professor N.V. Nekrasov from Tomsk Technology University. M.N. Sobolev was elected an elector for the First and Third State Duma from progressive electorate. N.N. Rozin, professor of Law Department, one

of the activists of the Academic Union was elected to the Second State Duma from the Party of People's Freedom.

A large part of the teaching staff joined the local branch of "The Union of October 17" (Octobrists) being represented by professors P.P. Avrorov, D.N. Belikov, I.A. Bazanov, N.F. Kashyenko, F.Y. Kapustin, F.K. Krueger, A.A. Kulyabko, P.N. Lashyenko, M.F. Popov, P.A. Prokoshchev, A.E. Smirnov, I.G. Tabashnikov and others²⁸.

N.F. Kashyenko, professor of Zoology, was elected chairman of the Tomsk affiliate of "The Union of October 17". In his articles published in the local Octobrist newspaper "Vperyod" ("Forward") for some time published and edited by I.A. Bazanov, professor of Law Department, Professor Kashyenko welcomed the main ideas of "The Manifesto of the 17th October", however, expressing regret over the delay of measures introduced by Emperor Nicholas II aimed at political reorganization of society. "No doubt", he wrote, "if the State Duma had been established a quarter of a century earlier, "The Manifesto of the 17th October" would have satisfied the aspirations of the most liberal part of Russian society..."²⁹.

The general meeting of the Tomsk Octobrists elected Professor Bazanov and Professor Lashyenko as electors of candidates for the State Duma³⁰. The dissolution of the First State Duma resulted in the split among the Tomsk Octobrists. The splinter group for whom the Octobrists' agenda was far too "leftist" formed "The Russian National Society for Faith, Tsar and Fatherland" in 1906. It claimed such principles as nationality, Orthodoxy, and Autocracy, leaning toward the Black-Hundred "Union of the Russian People". As early as in April of the same year Professor Bazanov who would speak for the creation of "a cultured rule-of-law state" stepped down as the publisher and editor of "The Vremya" newspaper and Professor Ulyanitskiy stopped his cooperation with the newspaper. Thus they expressed their protest against the newspaper's swing to the right. Likewise Professor Prokoshev and Professor Smirnov left the newspaper, the latter also left the bureau of the local Octobrist organization³¹.

The right-wing professors M.G. Kurlov, I.Y. Galahov, F.I. Romanov, A.M. Zaitsev and others joined the Black Hundred "Union of the Russian People" with its extreme monarchist and nationalist positions.

Given the prevalence of liberal views among the professoriate, it may be relevant to elaborate on them in more detail.

The First Russian revolution accelerated the shaping of the political outlook of the liberal professorship. The foundation of the major political parties of liberal orientation "The Union of October 17" and the Party of the People's Freedom revealed on the institutional level the ideological split of Russian liberalism into the moderate and the radical one. Despite the split, they managed to retain common political grounds based on the fundamental principle of liberalism – the priority of the human being.

The First Russian revolution drove the liberal professoriate to per-

form concrete political actions. The initial one of a national scope was the publication of "The Note about Requirements for Education" on the 20th of January 1905 in the newspaper "Nasha Zhizn" ("Our Life"). The petition was signed by 342 people, including V.I. Vernadskiy, I.P. Pavlov, K.A. Timiryazev and other well-known scholars. The authors of "The Note" denounced the official policy on higher education demanding academic freedom as well as radical reforms in the state system.

During those months the liberal professoriate was consolidated in the Academic Union that convened a constituent congress in March 1905. By the autumn it counted 44 local organizations in 39 higher educational institutions of Russia with 1,800 members³². Its branch office at Tomsk University was set up in September 1905 that was joined not only by the teaching staff as in other universities, but also by supporting teaching personnel and officers.

With a changing composition and number of membership ranging from 23 to 27 people at various time periods, the Academic Union lasted for two years. Among them were professors M.N. Sobolev, E.S. Obraztsov, N.N. Rozin, V.V. Sapozhnikov, I.A. Malinovskiy, N.A. Alexandrov, P.P. Tihov, S.V. Lobanov, S.P. Mokrinskiy, V.A. Ulyanitskiy, A.E. Smirnov, S.M. Timashev, N.Y. Novombergskiy, L.M. Mariupolskiy, M.I. Bogolepov; privat-docents P.N. Krylov, P.V. Butyagin, Assistant Professor A.N. Zimin, lab assistants V.V. Karelin, A.A. Bogolepov, I.I. Stanovich, M.P. Protodyakonov, V.I. Fomin, A.N. Luppov, N.I. Deletorskiy, P.I. Chistyakov, Department's Clinics' interns S.S. Oksenov, S.A. Alamov, K.N. Makov, N.D. Liberov, P.A. Lomovitskiy, N.G. Ginsberg, N.L. Troitskiy, E.N. Nelubov, K.N. Zavadovskiy, V.G. Byaglovskiy, N.I. Bereznegovskiy, V.A. Sadovskiy³³.

The meetings were held in the Law study room and in the apartment of A.E. Smirnov, the professor of Histology, and seldom in the apartments of M.N. Sobolev and V.V. Sapozhnikov. The participants discussed issues concerning the university life as well as civic matters, such as parties, classes and nationality. The most active members in the "academics' group" were professors I.A. Malinovskiy, M.N. Sobolev, S.P. Mokrinskiy, N.Y. Novombergskiy, P.P. Tihov, I.V. Mihailovskiy, S.M. Timashev, privat-docents P.V. Butyagin and P.N. Krylov.

Professors I.V. Mihailovskiy, I.A. Malinovskiy and partly N.Y. Novombergskiy contributed their research insights on civil liberties and relationships between a person and the state³⁴.

As the First Russian revolution came to its end the Academic Union stopped its activity, but the divide would persist. The confrontation between "the left" and "the right" often came up during electoral procedures, for instance, the left claimed for the majority in the Society of General Practitioners that had a large contingent of professors and lecturers from the Department of Medicine.

This confrontation can be illustrated by an episode with the election of The Professorial Disciplinary Court of Tomsk University in 1907. This

court was established in 1902 as the university's collegiate body to consider cases of students' misbehavior.

At the time the election took place, part of the leftist professors were away on vacation, as a result, the right-wing ones and those close to them among the Octobrists won the majority. Elected to the Court were professors P.A. Prokoshev, F.Y. Kapustin, P.N. Lashyenko, I.N. Grammatikati, P.V. Burzhinskiy, F.K. Krueger and I.I. Alexandrovich-Dochevskiy. Upon learning about this, the Academic Union assembled in its leftist majority after the vacation trying to reconsider the Court's authority to prevent biased peremptory decisions and resolutions. The assembly decided by an overwhelming left majority that decisions made by the Disciplinary Court were to be considered and confirmed by the University Council controlled by the Academic Union which was renamed as "The Academics' Group". After that the rightist Disciplinary Court had to step down, with all left professors joining it. At the next "academics" meeting the previous decision was cancelled and the Disciplinary Court got back its original right of the final decision³⁵.

After the First Russian revolution the social and political activity of the university professoriate noticeably weakened. Clouds gathered over the brightest representatives of non-conformist professorship. Professor I.A. Malinovskiy, Chair of the History of Russian Law, was dismissed in September 1911 following his trial because of his public position against capital punishment. In 1912 he was convicted on Article 129 (Point 3 and Point 4) of the Criminal Code (non-compliance with the law). However, he was granted amnesty on the occasion of the 300th anniversary of the House of Romanov.

A year later M.N. Sobolev left Tomsk for Kharkov University where he was elected a full professor. General-Mayor Rikovskiy, head of Kharkov Province Gendarme Department, wrote in his letter to his counterpart in Tomsk on the 18th of May 1912: "In relation to Professor Sobolev, Doctor of Political Economy of Tomsk University, being elected to the vacant position at the Chair of Financial Law by the Law Department of Kharkov University, I kindly request Your Excellency to inform me of his political orientation as well as other information which may at Your disposal"³⁶.

In his reply the head of the Tomsk Province Gendarme Department imputed Professor Sobolev for participating in election campaign to the State Duma, being a member of the editorial committee of the newspaper "The Siberian Life" which "made possible the publication of an anti-government article dedicated to the death of State Secretary and Chairman of the Council of Ministers Stolypin" as well as the fact that Sobolev's address was frequently found with people who are viewed as politically unreliable"³⁷.

N.N. Rozin left Tomsk to take up a position in St. Petersburg in December 1912.

The First World War which started in summer 1914 galvanized pa-

triotic sentiment among professors and lecturers uniting the recent opponents – liberals and conservatives. However, defeats of the Russian Army in 1915, the advance of political reaction intensified professorial criticism toward the power. The deepening crisis of the monarchy signaled a pending change in the life of Russia. The liberal professoriate welcomed the February revolution (of 1917) linking it with their hopes for the democratization of higher school.

Thus, given the varied political profile of the professorial staff, the liberal aspirations were predominant in it. Whereas members of the Cadets' party and its supporters accounted for the majority among the Russian professoriate, at large, the professorial staff of Tomsk University was somewhat more moderate and largely sympathized with the Octobrists.

At any rate, the academic collegiate progressively turned into a corporation which expressed the opinion of its liberal majority which involved consistent demand for broader academic and political freedoms.

Nevertheless, being a public servant, the liberal professor occupied a fairly high position in the Table of Ranks with a correspondingly solid remuneration and was well aware of his dependence from the authorities. He was constantly running risks of being dismissed and losing the opportunity not only to teach, but also to carry on research. That is why the opposition of the liberal professoriate toward autocracy was always of moderate and limited character, never going beyond the demands for the autonomy of the higher school and lesser power of bureaucracy. The political ideal as seen by the liberal professors of Tomsk University was expressed by Professor I.V. Mihailovskiy: "A harmonized combination of monarchy, aristocracy and democracy. Such combination should be set up on the monarchical foundation"³⁸.

* * *

Thus, in relation to the pre-revolutionary period in the Russian history, the notion of "Siberian professoriate" is identical with that of "Tomsk professoriate". What distinguished the 19th century Tomsk professoriate from that of the rest of Russia is that it was an entirely exogenous phenomenon in the city of Tomsk, with the first originally Siberian professors appearing by the early 20th century.

The Siberian professoriate was a little different in its social and class origin from the university professorial staff in the European part of Russia, namely, by the predominance of professors having clerical origin. As to political views, the university community, irrespective of its place of residence, was found to manifest the same tendencies.

Established as an integral part of the imperial university system, the Tomsk (Siberian) professoriate, for, at least, the first two decades, would bear the features essential for the Russian university at large, rather than for its specific area of existence (Tomsk, Siberia). It produced a significant impact on the citizens' life through its educational, scientific, cul-

tural and political activities.

Notes Примечания

¹ Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Луков Е.В., Шевелев Д.Н., Хмельницкий В.С. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Вып. 1. Томск, 1996.

² Крестьянников Е.А. Профессора Императорского Томского университета на службе юстиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 2. С. 137–144; Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 1, 2. Томск, 2010; Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013.

³ Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: Идеология и политика. Томск, 1996; Харусь О.А. Проблемы формирования гражданского общества в либеральном дискурсе России начала XX в. (Из интеллектуального наследия профессоров Томского университета) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 19–27; Харусь О.А. Реорганизация государственной власти в России начала XX в.: Проекты и рефлексия либеральной интеллигенции Томска (1905 – февраль 1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 12. С. 85–92.

⁴ Сибирский вестник (Томск). 1885. 13 июня.

⁵ Сибирский вестник. 1885. 13 июня.

⁶ Известия Томского университета. Кн. 39. Томск, 1910. С. 129; Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1904 год. Томск, 1905. С. 8–11.

⁷ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1916 год. Томск, [б.г.]. С. 10–15, 20, 29, 30.

⁸ Отчет о состоянии Императорского Томского университета за 1916 год. Томск, [б.г.]. С. 10–15, 20, 29, 30.

⁹ Свод законов Российской империи. 1913. Кн. 3. Т. XI. Ч. 1. Ст. 497.

¹⁰ Общий Устав Императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 94.

¹¹ Там же. Ст. 100.

¹² Свод законов Российской империи. 1913. Кн. 3. Т. XI. Ч. 1. Прим. к ст. 505.

¹³ Известия Томского университета. Кн. 7. Томск, 1895. Отд. 1. [Пагин. 2-я]. С. 9–10.

¹⁴ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 9. Д. 85. Л. 31.

¹⁵ Кащенко Н.Ф. Краткая автобиография // Императорский Томский университет в воспоминаниях современников. Томск, 2014. С. 357.

¹⁶ Общий Устав Императорских Российских университетов 1884 г. Ст. 61, 62.

¹⁷ Свод законов Российской империи. М., 1910. Кн. 1. Т. 3. Свод уставов о службе гражданской. Кн. 1. Ст. 3.

¹⁸ Там же. Ст. 5.

¹⁹ Там же. Ст. 7.

²⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733.

Оп. 156; ГАТО. Ф. 102. Оп. 1.

²¹ Бушуева Л.А. Состав профессорской коллегии Императорского Казанского университета в условиях модернизации российской высшей школы во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический опыт российских модернизаций XIX – XXI веков: Специфика регионального развития. Казань, 2012. С. 105.

²² Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва, 2017. С. 172, 173.

²³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. Москва, 1991. С. 224.

²⁴ Краткий исторический очерк Императорского Томского университета за первые 25 лет его существования (1888 – 1913). Томск, 1917. С. 166.

²⁵ Ростовцев Е.А. Столичный университет Российской империи: Ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.). Москва, 2017. С. 162.

²⁶ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. Москва, 1991. С. 228; Ростовцев Е.А., Баринев Д.А. Преподавательская корпорация столичного университета 1884 – 1916 гг.: Основные черты и проблемы коллективной биографии // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов, 1884 – 1917 гг.: Исследования и документы. Томск, 2012. С. 40.

²⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1907. Д. 391. Л. 2.

²⁸ Вперед (Томск). 1906. 14 янв.

²⁹ Вперед. 1906. 1 янв.

³⁰ Вперед. 1906. 6 мая.

³¹ Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л., Литвинов А.В. Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 1. Томск, 1996. С. 33, 236.

³² Иванов А.Е. Первая русская революция и профессура высших учебных заведений // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России. Москва, 1977. С. 111.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 48–49об.

³⁴ Харусь О.А. Проблемы формирования гражданского общества в либеральном дискурсе России начала XX в. (Из интеллектуального наследия профессоров Томского университета) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3. С. 19–27.

³⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 46–47.

³⁶ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 9.

³⁷ ЦГИАУ. Ф. 705. Оп. 1. Д. 895. Л. 11, 11об.

³⁸ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 600.

Authors, Abstract, Key words

Sergey A. Nekrylov – Doctor of History, Professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
medicinahistory@yandex.ru

Mikhail V. Gribovskiy – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
mgrib@mail2000.ru

Based on both published and unpublished documents on the history of the Imperial University of Tomsk, the article analyzes the social and political profiles of the Siberian professoriate during the period prior to the Russian revolution of 1917. What distinguished the 19th century Tomsk professoriate from that of the rest of Russia is that it was an entirely exogenous phenomenon in the city of Tomsk, with the first originally Siberian professors appearing by the early 20th century. In relation to the pre-revolutionary period in the Russian history, the notion of “Siberian professoriate” is identical with that of “Tomsk professoriate”, the authors argue. A special attention is paid to the staff formation of the Imperial University of Tomsk as the first university in the Asiatic part of Russia. The article highlights how university centers in Russia’s European part (St. Petersburg, Moscow, Kiev, Kazan, etc.) contributed to the staff formation of Tomsk University. The authors go on to examine the social origin of Tomsk professors as well as their political views and public activity. It is concluded that in terms of their social origin, the Tomsk (Siberian) professoriate was different from the university professorial staff in the European part of Russia by the predominance of professors having clerical origin. The Tomsk (Siberian) professoriate was the bearer of features essential for the Russian university at large, rather than for its specific area of existence. It produced a significant impact on the citizens’ life through its educational, scientific, cultural, and political activities. As to political views, liberal (reformatory) orientation prevailed among Tomsk university community, which coincided with political preferences shared by the majority of university professors in the European part of Russia.

Siberia, Tomsk (City of), Tomsk University, university staff, professorate, social origin, social mobility, social portrait (profile), political portrait (profile), political mood, political activity, Russian revolution of 1905.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Kharus O.A. Problemy formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v liberalnom diskurse Rossii nachala XX v. (Iz intellektualnogo naslediya professorov Tomskogo universiteta) [The Problems of the Formation of a Civil Society in Russia’s Liberal Discourse in the Early 20th Century (From the Intellectual Legacy of the Professors of Tomsk University)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.).

2. Kharus O.A. Reorganizatsiya gosudarstvennoy vlasti v Rossii nachala XX v.: Proekty i refleksiya liberalnoy intelligentsii Tomsk (1905 – fevral 1917 gg.) [The Restructuring of State Power in Russia in the Early 20th Century: Projects and Reflections of the Liberal Intelligentsia of Tomsk (1905 – February 1917)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 12, pp. 85–92. (In Russ.).

3. Krestyannikov E.A. Professora Imperatorskogo Tomskogo universiteta na sluzhbe yustitsii [The Professors of Tomsk Imperial University in the

Service of Justice.]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no. 2, pp. 137–144. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bushueva L.A. Sostav professorskoy kollegii Imperatorskogo Kazanskogo universiteta v usloviyakh modernizatsii rossiyskoy vysshey shkoly vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The Composition of the Board of Professorial Oversight of Kazan Imperial University under the Conditions of the Modernization of the Russian Higher School in the Second Half of 19th – Early 20th Centuries.]. *Istoricheskiy opyt rossiyskikh modernizatsiy XIX – XXI vekov: Spetsifika regionalnogo razvitiya* [The Historical Experience of Russian Modernization in the 19th and 21st Centuries: The Specificity of Regional Development.]. Kazan, 2012, pp. 89–108. (In Russ.).

5. Ivanov A.E. Pervaya russkaya revolyutsiya i professura vysshikh uchebnykh zavedeniy [The First Russian Revolution and the Professoriate of Higher Educational Institutions.]. *Voprosy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya i revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii* [Problems of Socio-Economic Development and of the Revolutionary Movement in Russia.]. Moscow, 1977. pp. 102–126. (In Russ.).

6. Rostovtsev E.A., Barinov D.A. Prepodavatelskaya korporatsiya stolichnogo universiteta 1884 – 1916 gg.: Osnovnye cherty i problemy kollektivnoy biografii [Teacher Corporatism at the University of the Capital, 1884 – 1916: Fundamental Features and Problems of Collective Biography.]. *Professorsko-prepodavatelskiy korpus rossiyskikh universitetov, 1884 – 1917 gg.: Issledovaniya i dokumenty* [The Faculty of Russian Universities, 1884 – 1917: Studies and Documents.]. Tomsk, 2012, pp. 35–51. (In Russ.).

(Monographs)

7. Fominykh S.F., Nekrylov S.A., Bertsun L.L., Lukov E.V., Shevelev D.N., Khmel'nitskiy V.S. Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar [The Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary.]. Tomsk, 1996, vol. 1, 288 p. (In Russ.).

8. Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [The Higher School of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries.]. Moscow, 1991, pp. 224, 228. (In Russ.).

9. Kharus O.A. Liberalizm v Sibiri nachala XX veka: Ideologiya i politika [Liberalism in Early 20th Century Siberia: Ideology and Politics.]. Tomsk, 1996, 227 p. (In Russ.).

10. Mikhaylovskiy I.V. Ocherki filosofii prava [Essays on the Philosophy of Law.]. Tomsk, 1914, vol. 1, p. 600. (In Russ.).

11. Nekrylov S.A. Nauchnyye obshchestva v Tomskom universitete v dorevolutsionnyy period [Scientific Societies at Tomsk University in the Pre-Revolutionary Period.]. Tomsk, 2013, 258 p. (In Russ.).

12. Nekrylov S.A. Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v Aziatskoy Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University – the First Science Center in the Asian Part of Russia (Mid 1870s – 1919).]. Tomsk, 2010, vol. 1, 514 p.; vol. 2, 598 p. (In Russ.).

13. Rostovtsev E.A. Stolichnyy universitet Rossiyskoy imperii: Uchenoye

sosloviye, obshchestvo i vlast (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The University of the Russian Imperial Capital: The Academic Estate, Society, and Power (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Centuries).]. Moscow, 2017, pp. 162, 172, 173. (In Russ.).

Авторы, аннотация, ключевые слова

Некрылов Сергей Александрович – докт. ист. наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета medicinahistory@yandex.ru

Грибовский Михаил Викторович – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета mgrib@mail2000.ru

В статье на основании опубликованных и неопубликованных документов по истории Императорского Томского университета анализируется социальный и политический портреты сибирской профессуры в период, предшествующий революции 1917 г. Как показано в статье, томскую профессуру конца XIX в. отличало от остальной российской профессуры то, что она являлась социальным феноменом, исключительно привнесённым в Сибирь извне, из Европейской части Российской империи. Однако уже к началу XX в. появились первые сибирские – по происхождению – профессора. При этом понятие «томская профессура» в тот предреволюционный период было тождественно понятию «сибирская профессура». Особое внимание в статье уделяется комплектованию штатов Императорского Томского университета как первого университета в Азиатской части России. Также показывается влияние университетских центров Европейской части России (С.-Петербурга, Москвы, Киева, Казани и других) на формирование томского университетского преподавательского корпуса. Далее, анализируется социальное происхождение томских профессоров. Наконец, описываются их политические взгляды и общественная деятельность. Делается вывод о том, что, с точки зрения происхождения томская (сибирская) профессура отличалась от университетской профессуры Европейской части России преобладанием выходцев из среды духовенства. Томская (сибирская) профессура стала носителем не столько черт места своего бытования, сколько черт отечественной университетской профессуры в целом. Она оказывала большое влияние на жизнь горожан своей образовательной, научной, просветительской, а также политической деятельностью. Среди томской (сибирской) профессуры преобладали носители либеральных (реформаторских) взглядов, что совпадало с политическими пристрастиями большинства представителей университетской профессуры Европейской части России.

Сибирь, Томск, Томский университет, штаты университета, профессура, социальное происхождение, социальная мобильность, социальный портрет, политические настроения, политическая деятельность, политический портрет, Русская революция 1905 г.

**«РУССКАЯ ПОЛИЦИЯ В ПОГОНЕ
ЗА КИТАЙСКИМ РУБЛЕМ»: ИСТОРИЯ О ТОМ,
КАК ОТСТАВНОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ БОРОЛСЯ С
МЗДОИМСТВОМ ПОЛИЦИИ И КИТАЙСКИМИ
ПРИТОНАМИ В БЛАГОВЕЩЕНСКЕ
(1914 год)**

T. Poznyak

**“Russian Police in Pursuit of the Chinese Rouble”:
The Story of How a Retired Police Officer Fought against
Bribery among Police and Chinese Brothels in Blagoveshchensk
(1914)**

Коррупция чиновников разных ведомств на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. уже неоднократно была предметом изучения¹.

Тема эта – неисчерпаема. И хотя она и не слишком хорошо обеспечена источниками в силу плохой сохранности в дальневосточных архивах фондов местных полицейских управлений, имеющиеся документы настолько красноречивы, что являлись бы благодатной почвой для написания не только научных трудов, но и криминальных романов.

Одно из дел, выявленных в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока, сохранило историю борьбы отставного надворного советника с мздоимством полиции и чиновников разных ведомств в Благовещенске в 1914 г. – историю в чем-то обыкновенную, банальную, а в чем-то уникальную. Его материалы позволяют проанализировать формальные и неформальные практики межкультурного взаимодействия в условиях российско-китайского трансграничья. Эти вопросы тесно связаны с активно исследуемой с начала 1990-х гг. политикой местной администрации в отношении китайских мигрантов на Дальнем Востоке².

Благовещенск, находясь в пределах 50-верстной пограничной полосы, являлся городом, где обычной практикой и для китайцев, и для русских подданных было пересечение границы и возвращение обратно в течение одного-двух дней. Этому способствовали сравнительно небольшая ширина Амура в этом месте и расположение напротив Благовещенска, на китайской стороне, населенного пункта Сахалин (Хэйхэ). Правила доступа китайцев на российскую территорию, сложности борьбы с нелегальной миграцией, ужесточение режима российско-китайской границы в годы управления Приамурским генерал-губернаторством Н.Л. Гондатти также достаточно изучены³

В 1914 г. на территории Приамурского генерал-губернаторства (Амурская, Приморская, Камчатская и Сахалинская области), еще со времен Русско-японской войны, действовало военное положение.

В Благовещенске, административном центре Амурской области, для контроля за пересечением китайцами границы и китайским кварталом существовали: с российской стороны – в структуре городского полицейского управления должности заведующего китайским кварталом, письмоводителя и околоточного надзирателя, заведующего регистрационной конторой китайцев и корейцев, переводчика, который одновременно был и переводчиком заведующего китайским кварталом и представители китайской общины, а с китайской стороны – выборный представитель китайского квартала и четыре сторожа, призванных следить за порядком и пресекать правонарушения и указанный переводчик.

Кроме того, вопросы пересечения границы и приграничные отношения находились в ведении Управления пограничного комиссара Амурской области и Благовещенской таможни.

Китайское общество в Благовещенске, фактически созданное проживающими в городе китайцами, не было утверждено в соответствии с российскими законами. А проект Инструкции представителю китайского населения Благовещенска военный губернатор Амурской области генерал-лейтенант В.А. Толмачев утвердил только 11 сентября 1914 г., когда данная история уже близилась к завершению⁴.

Все эти учреждения, организации и должностные лица, повторяясь, были обязаны контролировать регистрацию китайцев и соблюдения ими законов на российской территории, а также – не допускать существования притонов с проституцией, опекуреннием и т.п.

Цель статьи – раскрыть практику формальных и неформальных взаимоотношений между китайскими мигрантами и должностными лицами местных учреждений разной ведомственной принадлежности на российском Дальнем Востоке в начале XX в.

Основным источником стало дело, содержащее прошения отставного надворного советника Ф.И. Андреева в разные учреждения о незаконных действиях чинов городского полицейского управления, рапорты, отчеты, результаты обысков и облав, материалы ревизии, показания свидетелей, распоряжения военного губернатора Амурской области, жалобы китайцев и другие документы⁵.

Поскольку результатом дела не стало обвинение действующих в этой истории должностных лиц в каком-либо преступлении по суду, автором статьи излагаются версии обеих противоборствующих сторон и оба варианта видения ситуации. Читатель же волен сделать выводы самостоятельно и сопоставить их с авторским заключением.

* * *

Главными действующими лицами в этой истории выступили отставной полицейский чиновник, надворный советник Федор Иванович Андреев, называвший себя «присяжным стряпчим», и его свидетели – китайцы, обратившиеся к нему с просьбой представлять их интересы перед местной администрацией и в суде (одновременно они исполняли роль сборщиков сведений, необходимых Андрееву), – Ли-юн-сун, Гуан-юй-цин, Лю-ди-ну (здесь и далее китайские имена и фамилии даны в той транскрипции, в которой они написаны в документах).

Обращение китайцев к русским стряпчим, чтобы помочь составить прошение или жалобу, было в те времена обычной практикой в дальневосточных городах. В регионе постепенно сформировался целый слой населения, вовлеченного в практики межкультурного взаимодействия⁶. Андреева поддерживали, – но при этом, возможно, и использовали в своих интересах в борьбе против соперников – исполняющий должность пограничного комиссара Амурской области Н.А. Спешнев, заведующий Благовещенским розыскным пунктом жандармский ротмистр М.М. Богацевич, мировой судья 1-го судебного участка В.И. Журавлев, бывший чиновник канцелярии губернатора М.В. Гиль и другие. Особо отметим, что в документах дела, как правило, отсутствуют имена и отчества должностных лиц, встречаются ошибки в названиях должностей – все это уточнено по «Памятным книжкам Амурской области» на 1914 и 1915 гг.

Андреев, возглавивший обвиняющую сторону, приехал в Благовещенск в конце 1913 г. Непонятно, каким ветром занесло его в столь далекие края: до этого, согласно его послужному списку, он служил в Московском уездном полицейском управлении и помощником Костромского городского полицмейстера⁷.

Вторую сторону – обвиняемую – представляли Благовещенский городской полицмейстер Н.А. Баранов, заведующий китайским кварталом помощник пристава 6-го полицейского участка П.И. Арцыбашев, драгоман (переводчик документов) и чиновник для особых поручений Управления пограничного комиссара Амурской области В.Ф. Руденко, Айгунский уездный начальник Пан-дьян-бао, переводчик Регистрационной конторы и китайского квартала Вань-годун (Ван-го-тун), два выборных представителя китайского квартала – Чэн-фа-сян и сменивший его Чжан-ли-вей (часто они незаконно именовали себя «председателем Китайского общества», юридически не существующего), сторожа китайского квартала № 1 Дин-хай-чен и № 4 Лу-цун-фу, а также другие полицейские и таможенные чины.

Андреев со своими сподвижниками обвинял их во взяточничестве и покровительстве тайным китайским притонам. Возможно, однако, что он оговаривал их, а на самом деле не боролся с корруп-

цией, а преследовал некие неизвестные нам цели.

В деле фигурируют также переводчики Управления пограничного комиссара Амурской области С.Н. Ким (владел корейским, китайским и русским языками), И.А. Максимов (китайским) и В.Н. Малышев (маньчжурским).

Первой инстанцией, к которой взывал Андреев, были начальствующие лица Амурской области – военный губернатор Амурской области генерал-лейтенант В.А. Толмачев и вице-губернатор надворный советник Е.Ф. фон-Бодунген.

Их позиция в этом деле неоднозначна. Военный губернатор не всегда отвечал на прошения Андреева, а если и принимал какие-либо меры, то часто выгодные Благовещенскому полицмейстеру, поэтому нельзя исключить и вероятности того, что он, а также вице-губернатор, были каким-то образом вовлечены в систему мздоимства и поборов. Но возможна и другая трактовка событий: они доверяли полицмейстеру и не доверяли Андрееву, так как считали, что тот занимается оговорами, тем более, как мы увидим далее, репутация присяжного поверенного была «подмочена»: его бывшие полицейские начальники полагали, что он «не совсем нормален».

Главным вершителем судеб в этом деле выступал Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти, к которому как к последней инстанции обращались Андреев и китайцы. Именно у него они искали правды и защиты в этой истории. Он, похоже, так и не разобрался, на чьей стороне правда, но неукоснительно исполнял свои должностные обязанности: незамедлительно реагировал на жалобы, требовал от подчиненного ему военного губернатора отчетов, а главное – послал для ревизии чиновников своей канцелярии Н.П. Щербакова и Л.Г. Ульяницкого.

* * *

История началась 24 марта 1914 г. в китайском квартале. Возможно, у дела была какая-то предыстория, но она осталась скрыта от нас по причине отсутствия сведений в источниках.

В этот день, по версии первой, обвиняющей, стороны, китайский подданный Ли-юн-сун был избит двумя сторожами китайского квартала и по приказу переводчика Ван-го-туна препровожден в полицейский участок, где содержался двое суток без какого-либо постановления военного губернатора (в условиях существования в регионе военного положения китайцы могли заключаться под стражу или высылаться на родину как неблагонадежные иностранцы в административном порядке по постановлениям военного губернатора).

По версии же второй, обвиняемой, стороны, Ли-юн-сун, будучи пьяным, приставал к прохожим в китайском квартале, за что был избит неизвестными лицами, а сторожами препровожден в участок, где содержался под стражей до момента вытрезвления.

Сведения об этом инциденте изложены в прошении Андреева на имя военного губернатора, а также в материалах расследований, которые произвели помощник пристава Арцыбашев, по приказанию военного губернатора, и пограничный комиссар Спешнев – по собственной инициативе.

Само дело родилось на свет, когда, выйдя из полицейского участка вечером 26 марта, Ли-юн-сун обратился к Андрееву за помощью, а на следующий день, 27 марта, освидетельствовал побои у доктора. Отношения Ли-юн-суна и Андреева были оформлены по всем правилам: составлена доверенность на ведение дел, заверенная у нотариуса М.П. Богоявленского 2 апреля 1914 г. Первое прошение военному губернатору Толмачеву датировано 14 апреля, к нему было приложено свидетельство врача Машнера от 27 марта 1914 г. о наличии на теле Ли-юн-суна «кровоподтеков величиной с ладонь на спине и груди, в груди сильные боли при кашлевых движениях»⁸.

Андреев, вероятно, согласился вести дело при условии помощи Ли-юн-суна в сборе компромата на городскую полицию: 28 марта он и жандармский ротмистр Богацевич через бывшего чиновника канцелярии губернатора Гиля попросили Ли-юн-суна собрать сведения о притонах в китайском квартале, что тот, еще не совсем оправившись от побоев, и сделал с 28 марта по 8 апреля. Результатом его «сыска» стал список из 92-х заведений для опиекурения, занятия проституцией, вспрыскивания морфия и прочего с указанием фамилий владельцев, адресов и размера уплачиваемых полиции взятков. Их общая сумма, по подсчетам Ли-юн-суна, составляла 5 392 руб. в месяц и более 64 704 руб. в год⁹.

В прошении Андреева от 14 апреля военному губернатору Толмачеву о возбуждении уголовного дела в отношении сторожей указано, что Ли-юн-сун проживал в Благовещенске по «личной наемной книжке» (выдавались полицейскими управлениями, и работодатели должны были записывать в них сведения о трудоустройстве), выданной 19 апреля 1912 г. № 3618, по промысловому свидетельству на право торговли № 3152 на 1914 г. содержал мелочную лавку в доме № 40 по Невельской улице, а также брал подряды на выполнение строительных работ от разных фирм¹⁰. Судя по этим и другим документам, имеющимся в деле, он находился на российской территории легально.

Согласно версии Ли-юн-суна, 24 марта в 6-м часу вечера он пришел в китайский квартал к китайцу Ван-си-чину, где проживали его рабочие. Один из них – Чуй-вин-то – страдал зубной болью и лежал на кровати. Явившийся в квартиру сторож № 4 Лу-цун-фу, увидев лежавшего Чуй-вин-то, приказал ему идти в лечебницу. Ли-юн-сун сказал, что тот и так посещает врача. Сторож, рассердившись на замечание, ударил его кулаком по лицу. «В этот момент в квартиру вошел другой сторож № 1 Дин-хай-чен и, не разобрав в чем дело, тоже набросился на Ли-юн-суна, и ударом кулака в грудь свалил его

на пол, после чего сторожа стали кулаками, палками и ногами избивать его лежащего на полу». Только благодаря вмешательству присутствовавших при этом семи китайцев, ему «удалось освободиться от озверевших сторожей»¹¹.

Немного оправившись, в этот же день он обратился к выборному представителю китайского квартала Чин-фа-сяну с жалобой на сторожей, и тот обещал разобраться. Вечером Ли-юн-сун вернулся в квартиру Ван-си-чина и вскоре туда явились те же сторожа и заявили, что переводчик Ван-го-тун приказал арестовать его. Они схватили его, потащили, сбросили с лестницы второго этажа на улицу и начали бить. От побоев он потерял сознание и очнулся только на углу Северной и Бульварной улиц, когда сторожа тащили его в 6-й полицейский участок. Как только он очнулся, сторожа снова начали его бить, «несмотря на упрасивания <...> шедших за ними китайцев, и били его дорогой до самого участка». В участке они потребовали от дежурившего городского, чтобы он поместил Ли-юн-суна в каталажку, тот сначала отказался, но, когда сторожа сказали, что Ли-юн-сун «арестован по приказанию переводчика Ван-го-туна, беспрекословно это исполнил». Никакого постановления о заключении под стражу ему объявлено не было.

От нанесенных побоев он утратил трудоспособность, а за время незаконного содержания под стражей потерял полученный от Шишмакова подряд. Ли-юн-сун считал, что «истязания» сторожей и «незаконное лишение свободы переводчиком Ван-го-туном» было «вызвано исключительно их злобой против него за его <...> явное несочувствие их деятельности, выражающейся в преступном и обогащающем их допущении ими в китайском квартале разных тайных притонов»¹².

Военный губернатор приказал заведующему китайским кварталом Арцыбашеву «спешно» провести дознание по делу об избииении только 9 мая 1914 г., фактически через три недели после поступления жалобы.

Арцыбашев также не спешил исполнить распоряжение военного губернатора: начал допрашивать свидетелей 4 июня и закончил 15-го. 4 июня он допросил Ли-юн-суна, и тот подтвердил факт избииения его сторожами. 5 июня помощник пристава принял постановление, где говорилось: «В виду того, что жалобщик Ли-юн-сун не может указать место нахождения в данное время свидетелей», указанных в прошении на имя военного губернатора, а «по адресному столу таковые не значатся проживающими и даже проживавшими когда-либо в гор. Благовещенске, приступить к допросу других лиц, указанных Ли-юн-суном»¹³.

В результате почти все показания помощник пристава собрал со своих сторонников – выборного представителя китайского квартала Чин-фа-сына, переводчика Ван-го-дуна, сторожей № 1 и 4, околоточного надзирателя А.К. Проскуры, городского С. Сергеева, трех

китайцев, якобы проживавших в доме, где избили Ли-юн-суна, а также с Ко-цзы-хэ, который, по версии обвиняющей стороны, был одним из сборщиков поборов с притонов в пользу полиции и таможен¹⁴.

5 июня Чин-фа-сян показал: вечером 24 марта сторож № 4 ему заявил, что «по улице в китайском квартале рассказывает китаец Пун-хуй-цуан и оскорбляет каждого прохожего <...> Получив такого рода заявление, я приказал отвести его в участок для отрезвления, после чего буйствующий Пун-хуй-цуан и был отправлен в 6 участок со сторожем № 1. Во время отправления Пун-хуй-цуана в участок, я, Чин-фа-сян, находился на крыше своего дома и видел, что никто из сторожей не бил отправляемого. Что же касается медицинского свидетельства, приложенного к жалобе <...>, то допускаю, что он мог быть избит кем-либо из китайцев в квартале, т.к. в пьяном виде каждому наносил оскорбление. Жалобщика я знаю под фамилией Пун-хуй-цуан, а что если он имеет личную наемную книжку на фамилию Ли-юн-суна, то эта фамилия, безусловно, вымышленная, и паспорт на эту фамилию приобретен нелегальным путем. Сторожа: № 4 служит с сентября 1913 г. и № 1 с января текущего года ни в чем предосудительном никогда не замечались, и никаких жалоб по ним ко мне от жителей квартала не поступало. Что же касается того, что якобы Пан-хуй-цуан (Ли-юн-сун) был арестован по распоряжению Ван-го-дуна, то это неверно, т.к. Ван-го-дун состоит только переводчиком и исполняет мои распоряжения. Что же касается того, что Ван-го-дун со сторожами № 1 и 4 производит какой то побор, то это чистый вымысел Пун-хуй-цуана, который, по моим сведениям, определенных занятий не имеет»¹⁵.

Переводчик Ван-го-дун в ходе дознания заявил, что его не было в китайском квартале во время задержания Пун-хуй-цуана¹⁶.

Результаты дознания были обобщены в рапорте Арцыбашева полицмейстеру Баранову от 18 июня 1914 г.: «<...> Жалоба Ли-юн-суна на то, что якобы его избили сторожа китайского квартала № 1 и 4, показаниями Представителя квартала и допрошенных свидетелей-очевидцев не подтвердилась. Что же касается медицинского свидетельства, приложенного Ли-юн-суном к прошению, то, возможно, что он действительно и был избит, но не должностными лицами, а кем-либо из китайцев, так как Ли-юн-сун 24 марта в пьяном виде учинил несколько скандалов в китайском квартале. Допросить же свидетелей, указанных Ли-юн-суном в жалобе его, не представилось возможным, т.к. сам Ли-юн-сун не мог указать местожительство таковых, а по адресному столу они не только не значатся на жительстве, но даже когда-либо проживавшими в гор. Благовещенске, а свидетель Ван-си-чин значится выбывшим из гор. Благовещенска в Хабаровск еще 2 мая 1913 года и с тех пор в город не прибывал, а следовательно, и не мог быть свидетелем <...> Жалобщик известен китайскому населению не под фамилией Ли-юн-сун, а под фами-

лией Пун-хуй-цуан, и имеются сведения, что он разыскивается Китайским правительством. По собранным сведениям, Пун-хуй-цуан <...> определенных занятий не имеет, а занимается исключительно доносами ни на чем не основанными, желая, видимо, как можно дольше продлить свое проживание в России, полагая, что по каждому его доносу будет производиться дознание, а потому его, как свидетеля, не будут высылать на родину. Кроме того, в Китайском обществе поднят вопрос о высылке Ли-юн-суна <...> из пределов Амурской области, как вредного члена общества, но ходатайство об этом пока задерживается предстоящими выборами нового Представителя китайского населения. Ввиду вышеизложенного имею честь просить ходатайства Вашего Высокоблагородия о высылке его из пределов Амурской области»¹⁷.

Итак, рапорт фактически повторял версию выборного представителя китайского квартала, и Арцыбашев либо не сомневался в ее истинности, либо они были в сговоре и оба старались опорочить жалобщика.

Андреев же с его сторонниками считали, что противная сторона находилась в сговоре и с помощью подставных свидетелей вбросила лживые сведения, которые порочили честное имя Ли-юн-суна, вызвала недоверие к его ходатайствам, чтобы побудить военного губернатора Толмачева издать постановление о его высылке на китайскую сторону и тем самым избавиться от неудобного свидетеля и борца с тайными притонами.

Вообще практика проживания китайцев на российской стороне по чужим документам и под вымышленными именами была довольно распространенной. Была ли это продуманная мера по шельмованию Ли-юн-суна? Судя по показаниям в унисон разных лиц, возможны два варианта: либо он действительно был преступником, скрывавшимся на российской территории от наказания, либо противная сторона сговорила, чтобы получить основания для высылки его на китайскую сторону и убрать ненужного свидетеля, мешавшего темным делам полиции в содружестве с верхушкой китайского квартала.

Пока расследование медленно продвигалось, события развивались, и в конфликт включались все новые действующие лица.

18 апреля вечером Ли-юн-сун и Юн-та сообщили Андрееву, «что переводчик Ван-го-дун распространяет среди китайцев слух, что он, <...> из собираемых с притонов денег платит и Вице-Губернатору г. Фон-Бодунгену 500 рублей в месяц». Как впоследствии, в начале сентября, Андреев написал в докладе Приамурскому генерал-губернатору, он «из вполне понятного чувства порядочности <...> в ограждение на будущее время от подобной клеветы доброго имени г. Вице-Губернатора, предложил Ли-юн-суну и Юн-та доложить об этих <...> слухах самому г. Фон-Бодунгену», что они и сделали на следующее утро¹⁸.

В начале мая военному губернатору Толмачеву некто предоставил сведения, что Андреев ходит по городу и всем заявляет, что он лично близко знаком с товарищем министра внутренних дел В.Ф. Джунковским и является тайным агентом полиции. 8 мая военный губернатор сделал запрос в Министерство внутренних дел и 25 мая получил ответ от самого Джунковского: «Федор Андреев никаких полномочий не имеет; действительно, состоял в Московской полиции, но ему было предложено уйти, так как его поступки заставляли думать, что он не совсем нормален <...>»¹⁹.

Андреев, не дождавшись ответа военного губернатора на свое первое прошение, 12 мая подал новое, где описал, «какую клоаку представляет собой китайский квартал», приложив к нему список притонов, составленный Ли-юн-суном.

14 мая, попав на прием к военному губернатору, он обо всем доложил Толмачеву лично.

5 июня он еще раз обратился к военному губернатору с ходатайством, но опять не получил ответа.

Переписка Толмачева с Джунковским объясняет, почему реакции не последовало: Толмачев был убежден, что Андреев «не в себе». Последний же, озадаченный отсутствием реакции или подозревая о происках противной стороны, 14 июня передал список китайских притонов прокурору Благовещенского окружного суда.

* * *

19 июня в китайском квартале, по версии первой, обвиняющей, стороны, произошло убийство, а, по версии второй стороны, смерть от передозировки наркотиков или от болезни – китаянки Юн-хуа.

Андреев узнал о ее смерти из местных газет, и в тот же день на улице китайцы-разносчики рассказали ему, что Юн была убита. В дальневосточных городах китайцы-разносчики торговали вразнос товарами или доставляли товары, купленные в магазинах, лавках и на базарах, покупателям на дом, одновременно, видимо, разнося слухи и сплетни.

23 июня домой к Андрееву пришел китаец Гуан-юй-цин и, взяв обещание добиться наказания виновных, рассказал, что 19-летнюю проститутку Юн-хуа убила содержательница дома терпимости Та-кин-я. Показания были сняты при четырех свидетелях, Гуан-юй-цин согласился подтвердить их и «на суде под присягой». 24 июня Андреев записал свидетельства и других очевидцев преступления и отправил прокурору окружного суда, но дело не возбудили, а материалы передали в Сыскное отделение (уголовный розыск). В результате бездействия сыскной полиции все участники скрылись из Благовещенска²⁰.

27 июня в газете «Амурский листок» Андреев опубликовал статью «Ужасы китайского квартала»²¹.

Основным мотивом, почему он избрал такую форму доведения до властей сведений о преступлениях чиновников по должности, он назвал отсутствие реакции военного губернатора на его прошения, поскольку он их «принимает за кляузы». Статья полна описаний ужасающих издевательств «экономки-садистки» над беззащитной проституткой и повторяет почти дословно показания Гуан-юй-цина.

«18-го июня вечером я со своими товарищами Ма-шен-чжу и Люй-юн-фу зашел в верхний этаж дома Чин-и-шуна в китайском квартале по Бульварной улице. Здесь помещаются две опиекурильни, содержимые – первая на капитал сторожа № 1 Дин-хай-чена – китайцем Дин и вторая Ян-лао-лю в компании с Кан-ба-ван, и дома терпимости: 1) Чин-фа-сяня с проститутками Юн-хи, Юн-хуа, Юн-хиан и экономкой Та-кин-я, 2) содержательницы Кин-сиан и проститутки Цао-юй (Чао-юй) и две проститутки от себя Фу-бао и другая Кяо-зю».

Около 9 часов вечера свидетели втроем стояли на улице около дома Чин-и-шуна и увидели, что бойка (китайский мальчик-слуга) из дома терпимости Чин-фа-сяня побегал в лавку и возвратился обратно с пучком новых веревок. Они сразу догадались, что веревки «понадобились Та-кин-я, чтобы наказать своих девочек. Так-кин-я женщина жестокая и мало того, что своих девочек бьет веревкой, но и кусает их зубами...». Китайцы пояснили, что подобные издеательства возможны, так как проститутки в этом доме терпимости «купленные». Свидетели решили посмотреть, как «Та-кин-я будет наказывать девочек и вошли в помещение. Бойка при нас передал веревки Та-кин-я. Та раскрутила пучок. Сплела жгут в три веревки, намочила его в воде и оставила в ведре. После 12-ти часов ночи, когда большинство посетителей разошлось..., Та-кин-я взяла веревки из ведра и пошла к себе в номер и позвала туда Юн-хуа. Когда Юн-хуа к ней пришла, она заперла дверь на крючок и велела ей раздеться донага. Мы по очереди смотрели в щелку двери – что Та-кин-я в своем номере делает с Юн-хуа»²².

«Экономка» поставила раздетую проститутку на табуретку на колени на кирпичи, связав ей предварительно руки веревкой сзади. «Когда Юн-хуа стояла на коленях на кирпичах Та-кин-я стала ее спрашивать, сколько она заработала за эту неделю... Юн-хуа стала просить Та-кин-я за эту неделю ее простить, обещая хорошо заработать в будущую неделю, но Та-кин-я стала стегать ее веревкой. Юн-хуа упала с табуретки. Та-кин-я схватила ее за волосы, подняла с пола и поставив ее на ноги, приказала опять становиться на колени на кирпичи. Юн-хуа опять стала на колени на кирпичи и стала плакать...». Несмотря на все ее мольбы, Та-кин-я перешла к еще более страшным издевательствам: она стала втыкать ей в спину иглы для курения опиума, вырывать волосы и кусать у нее под мышками, предварительно заткнув ей рот ватой, чтобы она не кричала.

По свидетельству очевидцев, издеательства продолжались око-

ло трех часов и прекратились только, когда Юн-хуа перестала подавать признаки жизни. Тогда «экономка» крикнула своего бойку и «велела ему мокрой тряпкой обтереть кровь на теле Юн-хуа, вытащить вату изо рта», оттащить тело в номер и присматривать. «Не больше, как через полчаса бойка выскочил из комнаты и сказал Та-кин-я, что Юн-хуа умерла»²³.

Тогда на подмогу были вызваны уже знакомые нам владелец заведения Чин-фа-сян, Ко-цзы-хен и Ван-го-тун. Пришел также владелец дома Чин-и-шун и «стал ругать Та-кин-я и велел всем проституткам Чин-фа-сяна и самой Та-кин-я убираться». По совету Ван-го-туна тело Юн-хуа перенесли в фанзу Чин-фа-сяна, затем туда пришел околоточный и, осмотрев труп, сказал: «Видно, что били». Тогда Ко-цзы-хен сказал: «Ну ладно, пойдем в столовую». И увел околоточного. После посещения китайской столовой околоточный надзиратель изменил свое мнение.

Пришедший по вызову благовещенский городской врач Я.Л. Тауберг²⁴ отметил следы уколов от иглы и пятна от побоев и на вопрос околоточного «хоронить ли Юн-хуа», сказал, что ее надо вскрывать, околоточный же стал уверять, что она сама отравилась опиумом. «Когда уехал доктор, околоточный сказал Ван-го-туну и Ко-цзы-хену, что Юн-хуа надо найти мужа и тогда будет все хорошо, и Ко-цзы-хен, и Ван-го-тун велели бывшему тут-же Чан-су-ван (Ча-шу-лин) назваться ее мужем»²⁵.

Какой бы невероятной не выглядела эта история, косвенным подтверждением ее реальности служат публикации в дальневосточных газетах о торговле «живым товаром» и насильственном удержании в притонах проституток, об издевательствах над ними²⁶. Хотя не стоит исключать и вероятности создания журналистами мифов о жизни в китайских кварталах для возбуждения интереса читателей, а также того, что китайцы, давшие Андрееву показания, несколько «приукрасили» эту историю и преувеличили свое участие в ней.

Андреев впоследствии написал в докладе Приамурскому генерал-губернатору, что заметка в газете вызвала переполох в стане его противников: «Состоялось несколько экстренных тайных заседаний, на которых присутствовали: Чин-фа-сян, Ван-го-тун и Ко-цзы-хен и как уверяют преданные мне китайцы, в честности которых я не сомневаюсь, и г.г. Полицейстер Баранов, полиц. надзиратель Арцыбашев, Начальник Сыскной Полиции Барташевич и доктор Тауберг. На этих заседаниях было вырешено: от имени Чин-фа-сяна поместить опровержение на мою заметку в том-же “Амурском Листке” <...> Ван-го-тунъ же должен будет привлечь меня к ответственности за клевету и за возбуждение одной части населения против другой <...> и будто бы тогда же и там же г. Баранов говорил, что он всех моих свидетелей, как по делу притонов китайского квартала, так и по делу убийства Юн-хуа перехватывает по одиночке и вышлет в гор. Сахалин, а тогда уже примется за меня»²⁷.

1 июля в газете «Амурский листок» Чин-фа-сян опубликовал опровержение: заметка Андреева «не имеет за собой ни малейшей правдоподобности уже по одному тому, что я никогда не был бы удостоен избрания всем народонаселением китайской колонии в городе Благовещенске на почетную и ответственную должность представителя при условии, если бы занимался таким грязным и постыдным промыслом, как содержание тайных притонов разврата. ...Осмотр тела умершей произведен в тот же день прибывшими на место события полицейскими властями, с местным городским врачом Таубергом, причем ни полиция, ни врач никаких знаков насилия на трупе не обнаружили. ...Имеется налицо вполне определенное заключение врача, указывающее, что покойная страдала при жизни плевритом, воспалением брюшины и жировым перерождением сердца, от чего и последовала ее смерть»²⁸.

Ван-го-тунъ же возбудил против Андреева дело об ответственности за клевету.

* * *

Неделю спустя к делу подключилась китайская сторона в лице местной администрации.

8 июля было написано официальное письмо из Сахалина от Гуан-ча-ши (из текста непонятно, является ли это наименованием должности или личным именем; далее для этого лица употребляется имя Чжан, а в письме Андреева – г. Тан-хо-ян) на имя пограничного комиссара: «Айгунский уезд доносит, что к нему поступило от Китайского Общества в России заявление <...>: “Мы китайцы на русской территории с разрешения Русского Правительства учредили Китайское Общество. Ныне простолюдины Мэн-дун-чу, Пэн-хуй-чуан и Лю-цзы-нын, <...> войдя в стачку с русским адвокатом Андели <...> не только бросили неблаговидную тень на Китайское Общество, но даже принесли жалобу на действия Российских Властей, обвиняют Китайское Общество во взяточничестве, лихоимстве и собирании для русских властей по одному рублю с каждого безбилетного китайца, которых насчитывается больше 1 000 человек. 15 числа 1-го месяца нового стиля Китайское Общество будто-бы для русских властей собрало 1 500 руб., и вообще таким вымышленным жалобам нет конца. Все это, конечно, ложится пятном на доброе имя Китайского Общества. По последним слухам, Мэн уже арестован уездным Начальником, покорнейшая просьба арестовать и остальных сообщников Мэна – Пэн-хуй-чуана и Лю-дзян-нына для привлечения их к должной ответственности»²⁹.

Позднее в докладе ревизоров, присланных Приамурским генерал-губернатором Н.Л. Гондатти, было высказано предположение, что это письмо стало результатом сговора заведующего китайским кварталом помощника пристава Арцыбашева и заправил китайско-

го квартала: инициаторы, обратившись к сахалинским властям, указали истинные поводы жалобы, иначе они не могли бы рассчитывать «на сочувствие китайских властей, в частности Гуан-ча-ши Чжана, который очень строго преследует опекуренное на китайской стороне. Кроме того, специально съездивший на китайскую сторону помощник пристава Арцыбашев убедил Гуан-ча-ши в заинтересованности лично губернатора в высылке Ли-юн-суна». Ревизоры особо отметили: «Получив ходатайство Гуан-ча-ши, Пограничный Комиссар в своем отзыве на имя Гуан-ча-ши Чжана указал на незаконность подобного обращения и ненормальность отношений, установившихся между Айгунским Уездным Начальником и группой китайских подданных, проживающих на русской территории, так как подобные отношения противоречат духу трактатов»³⁰.

Пограничный комиссар Спешнев не стал давать ход этому ходатайству, посчитав его незаконным вмешательством в ход расследования и противоречащим духу российско-китайских договоров³¹.

Затем Гуан-ча-ши уехал в отпуск, и на его место заступил Айгунский уездный начальник Пян-дьян-бао, тесно связанный с верхушкой китайского квартала Благовещенска и помощником пристава Арцыбашевым. Он неоднократно приезжал в китайский квартал Благовещенска, где его принимали выборный представитель китайского квартала общества Ван-го-дун и Арцыбашев, а те, в свою очередь, совершали ответные визиты на китайскую сторону. После поездки на китайскую сторону драгомана Руденко 11 августа Пян-дьян-бао повторил ходатайство о высылке Ли-юн-суна³².

* * *

Тем временем обвиняющая сторона предпринимала свои контрмеры, только возможности у нее были далеко не такие же большие.

Узнав о возбуждении уголовного дела за клевету, к Андрееву явились Ли-юн-сун, Тун-сяо-ли, Ин-цен-сю и Гуан-юй-цин и предложили «совершенно бескорыстно свои услуги»³³.

Для доказательства, что притоны в китайском квартале существуют, с 25 по 28 июля они провели новое «обследование» и составили список из 84-х притонов, с которых собирали деньги 8 сборщиков, включая двух сторожей, и весь сбор поступал переводчику Ван-го-дуну. Притоны существовали вполне открыто и посещались «одинаково как китайцами, так и русскими»³⁴. 29 июля список передали пограничному комиссару Спешневу.

31 июля группа китайцев написала прошение на имя Приамурского генерал-губернатора. Оно, вероятно, было инициировано Андреевым (возможно, даже написано им) или кем-либо из его сподвижников и направлено против Ван-го-дуна:

«Мы, нижеподписавшиеся, китайские подданные имеем честь

Вашему Превосходительству доложить о действиях переводчика китайского квартала Ван-го-дуна, на которого уже было много ранее жалоб, как до пожара кит. кварт. [Пожар в китайском квартале произошел в апреле 1914 г.; в результате сгорела значительная часть зданий как в китайском квартале, так и в русской части города. – Т.II.], так и после, по делу организованных им разного рода не допускаемых законом притонов и обложения их побором в свою пользу, и о том, что тот же Ван-го-дун участвовал в укрывательстве убийства в ночь на 19 июля с.г. девушки-китаянки Юн-фу-а; насколько нам известно, что почти все жалобы при проверке их, хотя и не полностью, подтверждались. Несмотря на все это Ван-го-дун до сих пор остался тем же переводчиком и в том же духе свою деятельность <...> продолжает; собирая с них колоссальные поборы, безнаказанно в этих притонах отравляет и обирает, как русских, так и своих соотечественников».

Далее просители привели сведения о числе притонов, приносящих доход переводчику: «30 тайных проституток, платящая каждая по 12 руб. в месяц (360 р.), 32 притона опекуренного, платящий каждый в месяц по 23 руб. (736 р.), 7 притонов банковок, платящая каждая в день по 10 руб. (2 100 р.), 4 притона лотереи, платящий по 80 р. в месяц (320 р.), не считая варки опиума, вспыскивания морфия и т.п.». Еще одной доходной статьей Ван-го-дуна был сбор «по 10 коп. в день за квад. сажень под лоточную палатку, которых имеется до 50 штук, что составляет в месяц 150 руб., затем, с каждого человека за пропуск в Сахалин лишнего получает по 10 коп., а при выдаче русских билетов китайцам, кто даст 1-2 руб., тот получает чрез дня 2-3, а кто не даст ничего, то того задержит, пока не пройдет визированному китайскому билету срока, который платит после вдвойне за русский билет и т.д.».

Столь значительные доходы говорили, по мнению китайцев, о больших связях и возможностях Ван-го-дуна: «<...> Поневоле приходится верить, что никого не боится и что он за деньги может все сделать, и действительно так выходит: когда только, кто из начальствующих лиц задумает посетить кит. квартал, то Ван-го-дуну об этом уже за день-два известно, который, конечно, к приезду начальства делает распоряжение, чтобы часть притонов на время приостановили свои действия <...>».

Китайцы «покорнейше» просили генерал-губернатора «<...> приказать пограничному Комиссару проверить эти притоны, внезапно – между 5-9 час. дня, а также дознать, куда, кому и на что расходуются Ван-го-дуном в столь большой сумме поборы, – а самого Ван-го-дуна выдворить в Сахалин без права въезда в Благовещенск»³⁵.

На этом прошении 5 августа Н.Л. Гондатти написал резолюцию: «Его Превосх. В.А. Толмачеву. Если хоть часть правда, то и этого вполне достаточно, чтобы Ван-го-дуна и тех, кто за ним должен

был наблюдать, посадить на скамью подсудимых. Надо самым тщательным образом проверить»³⁶.

Практика написания жалоб на действия должностных лиц вышестоящему начальству, вплоть до императора, была обычной для Российской империи. На Дальнем Востоке к ней добавлялись такие особенности, как подговор китайцев к жалобам, анонимные жалобы или подписанные вымышленными лицами, и иногда, возможно, даже подделанные под прошения китайцев³⁷.

* * *

Между тем пограничный комиссар Амурской области Спешнев еще в первых числах июля начал собственное расследование избияния Ли-юн-суна: он лично участвовал в опросе свидетелей, присутствовавших при этом избиянии в китайском квартале 24 марта.

Приведем выборочно показания случайных (а по версии сторонников полицмейстера – специально подговоренных) свидетелей.

7 июля Лю-фа показал, что видел, как Ли-юн-суна вели по улице в участок, как сторож № 1 держал его за плечи, а сторож № 4 бил сзади полицейской палкой, Ван-го-дун же «стоял на углу, где биржа извозчиков, и кричал: “Бей его крепче, веди его в участок” <...> Ли-юн-сун три года работает подрядчиком у Чурина. Народу на улице было много. Ли-юн-сун не был пьян и вообще я его пьяным не видел. Я знал Ли-юн-суна раньше, когда он был главным подрядчиком у Алексеева на мельнице. Я знаю, что он добрый и честный человек, рабочим платил хорошо <...>»³⁸.

Торговец Ду-сяо-ли 8 июля показал, что видел, как в китайском квартале сторожа избивали Ли-юн-суна, а когда он вступился за него, то Ван-го-дун велел ему помалкивать³⁹.

Юй-вэн-чжоу 8 июля показал: в тот день после закрытия лавки стал подводить итоги за день в приходно-расходной книге, «в это время заметил бежавших китайцев, чтобы узнать, в чем дело я вышел из лавки на улицу, где увидел как сторож Дин-хай-цюан бил палкой подрядчика Ли-юн-суна около стоянки извозчиков, где собралась толпа китайцев <...> Ли-юн-сун впал в беспамятство и затем, придя в сознание, обратился к толпе и сказал “Будьте свидетелями как меня били”, после этого переводчик квартала Ван-го-дун закричал: «А, он хочет жаловаться – бейте его!”. В этот момент сторож Лу-юн-фу опять стал бить его. Потом Ван-го-дун велел отвести Ли-юн-суна в участок, куда он и был доставлен сторожем Дин-хай-цюан. После этого я вернулся домой, а толпа, как только его повели в участок, разошлась»⁴⁰.

Остальные свидетели разными словами подтверждали сцену избияния около биржи извозчиков⁴¹.

Как видим, и с той, и с другой стороны не было недостатка в свидетелях, которые, расходясь в частностях, в целом гнули избранную

каждой стороной линию. Нельзя отрицать, что сговор был возможен и с той, и с другой стороны, и обе группы могли как оказывать давление на свидетелей, так и использовать подставных свидетелей.

Поворотным моментом расследования пограничного комиссара стало получение двух приходо-расходных книг китайского подданного Цзяо-куй-у, содержавшего в китайском квартале опиекурильню «под фирмой “Куй-шен-цзян”». Книги передал Ли-юн-сун, будучи на допросе 23 июля, где он заявил, что этим подтверждает свои показания о взятках. Желая проверить его слова, Спешнев послал переводчика Кима к Цзяо-куй-у с целью опознания им этих книг, и тот не только признал их за свои, но и добровольно предал переводчику Киму еще пять книг⁴².

Переводчики Управления пограничного комиссара Амурской области перевели эти книги. На допросе у пограничного комиссара 31 июля Цзяо-куй-у показал, что несколько китайцев являются сборщиками денег для разных должностных лиц: «Тан-лао-у собирает деньги для Ван-го-дуна, полиции и русского переводчика, Ко-цзы-хен, Ван-ли-юн и Ли-фын – для чинов полиции, Тен-цзы-тин – для чинов Сыскного отделения и Сун-шан-куан для акцизного чиновника “маленького корявого” (сяо-ма-цзы) – Полетаева и для таможенных чиновников на рогатке [Пост пограничной стражи. – Т.II.]»⁴³.

Спешнев пришел к выводу, что результаты дознаний и обысков, а главное – записи в приходно-расходных книгах, доказывают наличие системы поборов с тайных притонов в китайском квартале в пользу чинов полиции, таможни и Амурского областного акцизного управления.

Все собранные в ходе расследования материалы не стал передавать в окружной суд, а 5 августа подал докладную записку военному губернатору Амурской области Толмачеву. В ней он красноречиво и образно охарактеризовал положение в китайском квартале Благовещенска, фактически вторя Андрееву:

«<...> О безобразиях, царящих в китайском квартале, известно каждому, кому когда-либо приходилось бывать в этом вертепном скопище преступности и разврата, искоренение коего достижимо лишь исключительными мерами. Считаю служебным долгом своим заявить Вашему Превосходительству, что в конспиративной атмосфере терроризированных с одной стороны китайцев, а с другой стороны произвольно распоряжающаяся судьбой этих китайцев шайка негодяев – могут зарождаться всякие преступления как уголовные, так и политические, ибо претензии этой преступной группы, путем сношений с китайскими властями от имени якобы утвержденного Вами “общества”, воздействовать на своих противников, обвиняя их в вымышленных преступлениях, – является преступным шантажом, который может быть использован при случае и с более широкой целью. Поэтому я полагаю бы необходимым безотлагательно арестовать всю шайку сборщиков с переводчиком Ван-го-туном во главе

и немедленно вырвать китайский квартал из власти и террора этой преступной группы, которая путем застраиваний и побоев затыкает рот тем китайцам, которые рискуют показывать правду, а путем взяток открывает путь к разврату. Что касается китайских сторожей, то этот институт, скомпрометированный непосредственным участием в содержании опиекурлен и в взимании поборов, без всякого ущерба для дела может быть заменен русскими городскими <...>».

Он подчеркнул огромный удар по престижу местной власти: «<...> Вопрос вышел из атмосферы внутренних распорядков города и стал достоянием широких слоев китайского населения в Сахалине, а потому на результаты дела обращены взоры многих заинтересованных в деле лиц помимо официальных властей <...> каждый день промедления в устранении от преступной роли указанных мною лиц лишь подтверждает во мнении китайцев распространяемое мнение, что пороки у нас могут существовать безнаказанно, лишь бы они оплачивались»⁴⁴.

* * *

Поскольку в дело, кроме Ли-юн-суна, вступили еще несколько китайцев – помощников и свидетелей со стороны Андреева, – полиция начала компанию и по их шельмованию и высылке на родину.

13 августа заведующий китайским кварталом Арцыбашев доложил полицмейстеру Баранову: «Представляя при сем трех китайских подданных Пэн-хуй-чуан, проживающий под чужой фамилией Ли-юн-сун, Ли-хун-тян, проживающий под чужой фамилией Гуан-юй-цин и Лю-дянь-нэн (он же Лю-ди-ну), который живет совсем без документов, ходатайствую перед Вашим Высокоблагородием о высылке всех трех вышеупомянутых китайцев, как не имеющих определенных занятий и неблагонадежных. Кроме того, докладываю, что Ли-юн-сун и Гуан-юй-цин занимают кляузными на администрацию, вымогательством, подстрекательством к лжесвидетельству под угрозой и проч., что доказывают представляемые при сем два протокола в копиях. При сем присовокупляю, что вышеупомянутые лица Судебным Следователем 1-го участка Благовещенского Окружного Суда допрошены в качестве свидетелей по делу о смерти китайки Юн-хуа 19 июля сего года и показанья их, по заявлению Судебного Следователя, никакого существенного значения для следствия не имеют, а потому и могут быть высланы»⁴⁵.

Этот рапорт полицмейстер в тот же день препроводил военному губернатору. В данном случае была использована та же схема, что и для дискредитации Ли-юн-суна.

И в тот же день последовали два постановления военного губернатора о высылке «из пределов России без права возвращения обратно» китайских подданных Гуан-юй-цин (он же Ли-хун-тян) и Лю-ди-ну (он же Лю-дянь-нэн) как лиц «неблагонадежных и не име-

ющих определенных занятий», а первого из них еще и как лицо, «занимающееся кляузными на администрацию, вымогательством, подстрекательством к лжесвидетельству под угрозой»⁴⁶.

Постановление военного губернатора Амурской области о высылке Ли-юн-суна (он же Пэй-хуй-чуан) было издано 14 августа 1914 г., причем он высылался как «виновный в нарушении обязательного постановления Приамурского Генерал-Губернатора Н.И. Гондати от 28 января 1914 года за № 200» и предварительно подвергался аресту на двое суток⁴⁷. Указанное постановление генерал-губернатора запрещало «бесчинство и озорство» на улицах, даже если оно и не нарушало общественной тишины и порядка, но «вызывало недовольство окружающих». Наказание за нарушение предполагало наложение в административном порядке штрафа до 3 тыс. руб. или арест до 3-х месяцев⁴⁸.

Так что Ли-юн-суна военный губернатор подверг наказанию за его якобы буйство в пьяном виде в китайском квартале 24 марта, которое так и не было доказано. Правомерность и наказания, и высылки ставится под сомнение тем, что впоследствии сторожей китайского квартала сняли с их должностей за избиение Ли-юн-суна.

Действия военного губернатора Толмачева и стремительное принятие постановлений (при том, сколько времени понадобилось ему, чтобы распорядиться о проведении расследования) не могут не смущать, более того – вызывают сомнения в его непричастности к сговору с полицмейстером. Ведь уже началась мировая война, и у военного губернатора прибавилось много и других забот. Кроме того, доклады помощника пристава Арцыбашева полицмейстеру с ходатайством о выдворении Ли-юн-суна, Гуан-юй-цина и Лю-ди-ну и стремительное издание постановлений военного губернатора об их высылке странным образом совпало с письмом Айгунского уездного начальника. Да и по мнению ревизоров, присланных Приамурским генерал-губернатором, «спешность выдворения упомянутых лиц свидетельствует о том, что администрация была заинтересована» в этом. Они также отметили, что выдворение Ли-юн-суна «подняло престиж Благовещенской полиции и заправил китайского Общества, дав тем самым основание китайцам думать, что борьба с упомянутыми лицами не мыслима, так как их поддерживают не только русские, но даже и китайские власти. Кроме того, выдворение Ли-юн-суна совершилось как бы по требованию китайских властей, что противоречит трактатам, заключенным Россией с Китаем, и обычаям, установившимся в сношениях с последним, тем более что упомянутые китайцы даже не являются уголовными преступниками». Тем самым, по резонному заключению ревизоров, областная администрация «как бы узаконивала» существование китайского общества на российской территории, хотя таковое не было зарегистрировано так, как этого требуют российские законы⁴⁹.

14 августа вице-губернатор фон-Бодунген доложил военному губернатору Толмачеву свое заключение по поводу дознаний, проведенных заведующим китайским кварталом и пограничным комиссаром по жалобе Ли-юн-суна.

Он обоснованно посчитал, что показания свидетелей, допрошенных ими, «противоречивы»: первый «ограничивался опросом только части свидетелей», вторым «опрашивались совершенно другие лица», «притом, опять-таки, не те, которые выставлялись в жалобе своей Ли-юн-суном, а по большей частью из случайных свидетелей происшествия 24 марта». При всем том вице-губернатор признал: «<...> Все же из этого материала можно прийти к заключению о том, что китайские сторожа не были на высоте своего положения и не безгрешны в рукоприкладстве <...>»⁵⁰. По его мнению, оба чиновника не выполнили своей задачи.

На этом основано он предложил «всех китайских сторожей уволить», поскольку они «не находятся на Государственной службе, а служат по вольному найму», на их место пригласить городских, уплачивая им из тех же источников содержание, потерпевшему Ли-юн-суну предоставить право привлечь их судебным порядком к ответственности. Полицейстера же, по его мнению, следовало «обязать принять все зависящие меры к искоренению» притонов, он «не должен <...> скрываться за своих помощников; он является единственным ответственным лицом за состояние города и если помощники ему не подходящи, то от него зависит войти с представлением к Губернатору о замене их»⁵¹.

Он подчеркнул, что за существование притонов в китайском квартале «был отчасти <...> уволен бывший Заведующий китайского квартала и г. Арцыбашев вступил в должность лишь недавно <...>».

Вопрос же о денежных поборах переводчика Ван-го-дуна и его помощников «для чинов полиции и администрации» вице-губернатор посчитал «совершенно не разработанным», а приходо-расходные книги, заключил он, «грешат большими погрешностями», и потому необходимо «поручить г. Руденко и Киму заняться переводом этих книг, выяснить подлинность всех записей <...>, а затем поручить произвести дознание по сему делу. Впредь же до выяснения этого дела Ван-го-дуна отстранить от обязанностей переводчика в целях устранения воздействия его на местное население»⁵².

Военный губернатор не отреагировал на доклад пограничного комиссара. Но после доклада вице-губернатора, 18 августа, распорядился создать комиссию для проверки подлинности записей в приходно-расходных книгах китайских заведений, а также приказал уволить сторожей (в деле отсутствует точная дата этого распоряжения).

Всего чины Управления пограничного комиссара в период с 19 по 23 августа перевели 12 книг [В документе подробно перечислены все выплаты, указанные в книгах № 1, 2, 3, 5, 7 и 12, – кому и сколько. – Т.П.], упоминания о взятках «гуан-цзянь» имелись в шести книгах⁵³.

Первая проверка книг была поручена военным губернатором Толмачевым драгоману Руденко. Тот провел ее с переводчиками Кимом и Максимовым, в результате первые два пришли к выводу, что записи фиктивные, сделаны в более позднее время, а Максимов допускал их спорность.

Затем по приказу пограничного комиссара вновь провели проверку уже только шести книг, где были упоминания о взятках. Теперь комиссия в составе исполняющего должность пограничного комиссара Спешнева, переводчиков Максимова и Кима пришла к выводу как о подлинности записей в книгах № 3, 5, 7 и 12, так и о существовании системы поборов с китайских притонов. А драгоман Руденко, также входивший в состав комиссии, отказался подписаться под этим постановлением.

Перевод китайских книг, два постановления лиц, их переводивших, особые мнения переводчиков Максимова и Кима, рапорт и особое мнение драгомана Руденко пограничный комиссар 27 августа представил Толмачеву⁵⁴.

Военный губернатор в создавшейся ситуации встал на сторону Руденко и согласился, что записи в книгах были фиктивными и направленными на оговор чинов полиции. Достоверно невозможно понять, был ли он в этом деле заинтересованным лицом, или причинами такого решения были убежденность в интригах против полиции, стремление не «обижать» полицию, «правую руку» губернаторской власти, нежелание поднимать скандал и выносить сор из избы.

23 августа Приамурский генерал-губернатор Гондатти послал телеграмму военному губернатору в Благовещенск «Пришлите мне дела о смерти китайки Юнхуа и об избииении китайца Лиюнсуну»⁵⁵.

Военный губернатор отреагировал стремительно: уже 25 августа он препроводил в канцелярию генерал-губернатора дело об избииении Ли-юн-суна и сообщил, что приказал полицеймейстеру уволить всех сторожей.

Группировка полицеймейстера не замедлила предпринять контрмеры, желая, видимо, сохранить такого «ценного кадра» как Ван-го-дун. 27 августа Баранов передал военному губернатору ходатайство благовещенских китайских купцов об оставлении Ван-го-дуна в должности переводчика-посредника: «<...> Исполняя обязанность переводчика-посредника вполне безупречно, он зарекомендовал себя во мнении китайского населения с лучшей стороны как по по-

ведению, так и по нравственным качествам, а также по внимательному и усердному исполнению возложенной на него должности, отличается достаточной грамотностью, полной осведомленностью в переводах»⁵⁶.

Благовещенский полицмейстер сопроводил ходатайство своим письмом, в котором поддержал ходатаев: «Ходатайство заслуживает удовлетворения, так как оно возбуждено представителем китайского населения и торговцами лучших фирм»⁵⁷.

* * *

3 сентября, уже после высылки своих «соратников по борьбе», Андреев написал доклад Приамурскому генерал-губернатору: видимо, он понял, что исчерпал все возможности изменить ситуацию, обращаясь к военному губернатору.

В нем он подробно изложил свое видение и все перипетии дела – случай с избиением Ли-юн-суна, убийством китайки Юн-хуа, историю высылки своих свидетелей, а также безрезультатные обращения к военному губернатору.

Остановился он и на личности представителя китайского населения и его опровержении в газете истории убийства Юн-хуа. По его словам, Чин-фа-сян «<...> идеализирует себя, приписывая свое избрание за свои высокие нравственные качества всему народонаселению китайской колонии в гор. Благовещенска. Во-первых, такой колонии <...> в юридическом смысле не существует, а во-вторых, на почетную и ответственную должность представителя китайского квартала он, Чин-фа-сян, был избран не всеми китайцами, проживающими в городе, а только теми, которые проживают в китайском квартале. Порядочные-же люди из китайцев в китайском квартале не проживают, а проживают в самом городе; контингент же обывателей китайского квартала в своем подавляющем большинстве состоит из различного чернорабочего сброда и из многочисленной шайки притоносодержателей, контрабандистов и других представителей преступных профессий, и вот этими последними он и был избран своим представителем и ни за какие-либо свои высокие духовные качества, а просто на просто потому, что “рыбак рыбака видит из далека”»⁵⁸.

Далее он подробно изложил собранные им сведения о величине поборов и о том, кому они поступали. Местами прошение Андреева написано весьма высокопарно и эмоционально: «<...> Но доколе на Руси есть правда в судах и у Высшего Начальства я лично за себя не боюсь последствий, как за этот свой доклад, так и за все свои прошения, поданные мною г. Губернатору, так как в них одна только правда и одна только цель оградить общество и государство от тех шаек преступников, которые свили себе прочное гнездо в китайском квартале. Но у меня и теперь становится волос дыбом при мысли, какую чашу испить угоновили при содействии гг. Барановых

и Арцыбашевых атаманы этих шаек Ван-го-тун и Чин-фа-сян своим соотечественникам Ли-юн-суну, Гуан-юй-цину и их товарищам за то, что они из одной только преданности к России осмелились разоблачить их преступную организацию, выходящую уже и теперь из пределов общеуголовных наказаний. Я никогда не предполагал, чтобы действительность могла бы дойти до такого безобразного цинизма. Никогда не предполагал, чтобы русская полиция в погоне за китайским рублем была бы способна не только продать алчным китайским авантюристам благополучие вверенного ее заботам населения, но еще и вымолить у китайских властей позор и пытки для тех честных китайцев, которые осмелились разоблачить преступную авантюру своих соотечественников на русской территории <...>»⁵⁹.

Кроме письма, наверняка сам Андреев послал генерал-губернатору и копию со свидетельских показаний Гуан-юй-цина об убийстве Юн-хуа: их получение было зарегистрировано в канцелярии 10 сентября 1914 г.⁶⁰

Именно после этого, 15 сентября, генерал-губернатор направил в Благовещенск ревизию из чиновников своей канцелярии Л.Г. Ульяничского и Н.П. Щербакова.

Даты проведения ревизии и доклада о ее результатах в деле отсутствуют, копия доклада не датирована. В ходе ревизии проводились облавы, обыски и выемки приходно-расходных книг китайских заведений (датированы с 25 сентября по 4 октября).

Их результаты, по мнению ревизоров, свидетельствовали: «<...> действительно в гор. Благовещенске процветает опиекурение, существуют тайные притоны, причем полиция как будто бы покровительствует им. Благодаря благожелательному отношению полиции к содержателям опиекурилен, в последнее время масса китайцев из Сахалина, где оно строго карается, приезжает в гор. Благовещенске покурить, что увеличивает количество беспаспортных китайцев, свободно проживающих в китайских притонах <...>»⁶¹.

Ревизоры уверенно пришли к заключению о существовании системы поборов в городе: «Принимая во внимание записи в приходо-расходных книгах, а также показания содержателей опиекурилен, мы полагаем, что должностные лица действительно берут взятки с содержателей разных притонов, а именно: сын Полицмейстера – Вадим Баранов, Пристава 1, 2 и 6-го участков, Помощник Пристава 6-го уч. Арцыбашев, полицейский надзиратель Сысского отделения кореец Хан, «новый» и «маленький новый» полицейский надзиратель 1 уч., помощник пристава 2 уч. Мартинович, старшие городовые 1, 2 и 6-го участка, акцизный чиновник Полетаев («маленький корявый») и таможенный чиновник «большое брюхо» (он же «большая борода»), переводчик Ван-го-дун, при этом для разных должностных лиц собирают взятки особые китайские сборщики: Ко-цзы-хен, Го-цзы-сян, Тан-лао-у, Тен-юн-цзи и Ку-лан»⁶².

Ни та, ни другая сторона конфликта не отрицали составление

приходно-расходных книг как обычную практику в китайских заведениях (законных и незаконных, на русской и китайской стороне). При этом полицмейстер и его сообщники утверждали, что записи о поборах во многих книгах были подделаны, то есть вписаны позднее, другой рукой и другими чернилами, а потому не могут доказывать взяточничество чинов полиции и таможни. Однако книги и сами по себе являются достаточно говорящими доказательствами вины полиции, ибо в них, кроме указанных якобы поддельных записей, были сведения о фактически ежедневном поступлении во все заведения опиума, а полиция не утверждала, что сами книги являются поддельными и изготовлены специально, чтобы ее опорочить.

Иными словами, эти книги подтверждали наличие в городе тайных притонов опиекурения и морфинистов, и, если подобные притоны не были ни для кого секретом, то, следовательно, полиция не предпринимала сколько-нибудь серьезных усилий, чтобы бороться с ними. Следовательно, налицо было если не покровительство притонам, то халатное отношение к своим обязанностям. Многие должностные лица местных учреждений признавали, что во всех дальневосточных городах существовали тайные китайские притоны, которые являлись «благодатным полем, с которого кормилась местная полиция».

Наглядным доказательством существования китайских притонов ревизоры посчитали и протоколы обысков, проведенных в китайском квартале: в некоторых из осмотренных домов «ничего преступного» обнаружить не удавалось, а в других были найдены игральные карты, приспособления для опиекурения, нелегальные проститутки. Осмотрами были выявлены многочисленные случаи проживания в домах китайцев без видов на жительство и не зарегистрированных по адресному столу и домовым книгам⁶³.

Когда же в ходе осмотра, проведенного 25 сентября, чиновник для особых поручений коллежский секретарь Рябов проявил особую тщательность, удалось обнаружить на крыше дома № 55 Фушен-гуна шесть безбилетных китайцев, пытавшихся сбросить вниз «большой таз, наполненный слитками на вид переваренной клейкой глины». После этого приступили к более тщательному досмотру всего помещения.

Об обнаруженном далее Рябов в протоколе писал: «Городовой Щеголев, по моему поручению желая проверить, нет ли чего особенного в жестяной банке с помоями, ткнул шашкой в наполненную доверху банку с помоями и почувствовал, что дно банки как будто выше, чем оно должно быть, доложил мне об этом и вылил по моему приказанию из этой банки помой. Тогда только пришлось убедиться, что в этой банке находится плотно вставленная вторая банка высотой в половину помойной банки. Вынув эту банку и тряхнув ее, там нашли 13 опиекурительных лампочек, оказавшихся разбитыми, так как сначала пришлось шашкой разбивать эту банку. После

этого начали тщательно осматривать табуретки и столик-шкафчик. Обнаружив в одной из табуреток под сиденьем секретный ящик, устроенный посредством прибития под сиденьем табуретки второй дощечки, и не найдя в ней ничего, взломали под сиденьем вторую табуретку, в которой оказалось 19 плиток-палочек приготовленного опиума. Взломав столик, нашли около 1/2 коробки из-под гильз опиума в порошке. Там же обнаружено 4 головки от курительных трубок и небольшой в бумажке сверточек опиума в густом виде»⁶⁴.

Кроме того, в своем докладе ревизоры обратили внимание на «весьма близкие отношения» между представителями Благовещенской полиции, верхушкой китайского квартала и Айгунским уездным начальником, которые «иногда отражаются на интересах дела <...>, благодаря установившимся отношениям, представители китайского населения в курсе всех дел, имеющих отношение к китайцам <...>»⁶⁵.

Они особо отметили, что руководители китайского квартала были явно оповещены о прибытии ревизоров: «Когда мы приехали в гор. Благовещенск то, по всей вероятности, представитель китайского населения также был поставлен в известность о цели нашего приезда с указанием на необходимость реабилитировать полицию и представителей китайского населения. Через несколько дней после приезда в гор. Благовещенск Старший Помощник Делопроизводителя Ульяницкий посетил представителя китайского населения г. Чжан-ли-вея. Последний в своем разговоре все время хвалил Полицеймейстера и вообще чинов полиции, при этом он говорил, что ему, как представителю китайского населения, весьма трудно работать, так как разного рода клязники стараются подорвать доверие Губернатора к нему»⁶⁶.

Далее в докладе говорилось: «<...> По словам вице-консула Никитина, Полицеймейстер Баранов и другие чины полиции часто бывают в Сахалине и чувствуют себя в Сахалине, как дома. Это подтверждают проживающие в гор. Сахалине русские купцы Портнов и Катык, причем последние утверждают, что Баранов совместно с Пан-дьян-бао устраивает китайские дела, при этом в таких случаях командирован в Сахалин Помощник Пристава Арцыбашев. Айгунский уездный начальник Пан-дьян-бао также бывает у Полицеймейстера Баранова, причем они иногда посещают председателя китайского общества, бывают и в китайском квартале...»⁶⁷.

В докладе подробно изложена и история высылки в административном порядке трех китайцев, свидетелей Андреева, на китайскую сторону. По мнению ревизоров, и неоднократные ходатайства китайской администрации, и поспешное издание военным губернатором постановлений свидетельствуют как о заинтересованности полиции, так и о существовании системы неформальных отношений и общих интересах заправил китайского квартала, некоторых представителей китайской администрации на китайской стороне и

благовещенской полиции.

Впрочем, судя по пометкам на докладе, сам Приамурский генерал-губернатора не считал сложившуюся систему однозначно порочной⁶⁸.

Весьма показательной для иллюстрации практик сращивания местной полиции и верхушки китайского квартала является личность переводчика Ван-го-дуна. Ревизоры считали, что последний, благодаря близости к Благовещенскому полицеймейстеру, был «в курсе всех китайских дел». И это положение он постарался использовать – стал «ходатаем по всем китайским делам», «с содержанием опекурилен, банковок и прочих притонов установил взятки». И заключили: «Деятельность Ван-го-дуна мы, со своей стороны, находим вредной и состояние его на русской службе несоответствующим интересам дела»⁶⁹.

Из документов видно, что полицмейстер Баранов оказывал личное покровительство Ван-го-дуну вплоть до помощи в смене подданства на российское. Жена последнего и заведующий регистрационной конторой Римский-Корсаков были крестными родителями Ван-го-дуна при переходе его в православие⁷⁰. Личность переводчика подробно исследована Е.И. Нестеровой⁷¹.

* * *

Материалы изученного нами дела создают впечатляющую картину системы формальных и неформальных взаимоотношений китайских иммигрантов и представителей местной власти и общества. В условиях трансграничного региона и тесного межкультурного контакта постепенно сформировался слой представителей русского и китайского населения – «культурные брокеры» – которые овладели чужими языками (переводчики, один из таможенных чиновников, Андреев брал уроки китайского языка) и постоянно общались с представителями чужой группы по долгу службы или в силу своей профессии (присяжные поверенные, защищавшие права китайцев в суде или пишущие для них прошения; полицейские и чиновники разных ведомств; предприниматели).

Наиболее тесное «сотрудничество» наладилось между, с одной стороны, должностными лицами карательных и правоохранительных органов (полицейстер Благовещенска, заведующий китайским кварталом, полицейские и таможенные чины разного уровня), а с другой – верхушкой китайского населения Благовещенска (представитель китайского квартала и переводчики-посредники, сторожа квартала, держатели тайных притонов) вместе с Айгунским уездным начальником. Связи между ними были взаимовыгодными, участники сформировавшегося сообщества оказывали друг другу взаимные услуги и почести, а сложившаяся в городе теневая криминальная экономика – тайные притоны – давала доход, выступала

средством обогащения для этого круга лиц, финансовым базисом существующей системы взаимоотношений.

Борьба бывшего полицейского, «присяжного стряпчего» Ф.И. Андреева с коррупцией полиции не была единичным явлением. В этом случае, как и в других подобных делах в дальневосточных городах, дело становилось известным общественности и вышестоящей власти из-за борьбы двух сторон, двух групп⁷².

Обе группы использовали во многом сходные методы борьбы.

Ф.И. Андреев, руководитель обвиняющей стороны, вероятно, использовал свой опыт полицейского, привлекал китайцев, являвшихся «своими» в китайском квартале в качестве свидетелей и осведомителей, обращался с прошениями и жалобами к начальствующим лицам области, а когда эти обращения не достигали цели, взывал к общественности через печать. По мнению противной – обвиняемой – стороны, он для придания веса своим действиям мошеннически представлялся «тайным агентом полиции» и ссылался на покровительство товарища министра внутренних дел, подговаривал свидетелей к даче ложных показаний и оказывал на них давление угрозами ареста и высылки.

Ф.И. Андреев с соратниками в определенной степени достигли своей цели: генерал-губернатор прислал в областной центр ревизию, и ревизоры пришли к выводу о существовании тайных китайских притонов и системы поборов с них.

Не вполне понятно, кто стоял во главе противоположной группы – полицмейстер города и заведующий китайским кварталом или переводчик и выборный представитель китайского квартала. Все же думается, благовещенские полицейские чины играли в ней ключевую роль. Полицейстер и его сторонники использовали такие методы, как выставление альтернативных свидетелей, составление протоколов, жалобы, прошения, ходатайства, донесения военному губернатору с последующими просьбами о принятии постановлений о высылке неугодных лиц на китайскую сторону или арестах и штрафах, дискредитация противников вбрасыванием ложных сведений через подставных свидетелей, подбор и давление на свидетелей, опровержение через печать. Группа также достигла некоторых положительных для себя результатов: все свидетели были высланы на китайскую сторону и оказались там «за решеткой», а никто из полицейских и чиновников не оказался под судом.

Ключевым моментом в деле, который вызывает сомнения в отсутствии злого умысла и преступления по должности в действиях полицмейстера и его сторонников, выступает система устранения свидетелей с помощью ускоренного издания военным губернатором постановлений о высылке на китайскую сторону. Если показания свидетелей были ложью, почему бы не рассматривать это дело в суде, привлечь их за клевету, привести доказательства собственной правоты? Но полицмейстер и его сторонники (подельники?) прибег-

ли к иному способу действий.

Кстати, практика ускоренного принятия постановлений против неугодных лиц, а также затягивания и приурочивания к праздникам для отмены наказания лиц, согласных давать взятки, существовала и во Владивостоке в 1913 г. Она была взята на вооружение Г.Г. фон Ундрицем и эффективно действовала против лиц, не желавших давать взятки или встававших у него на пути⁷³.

Такое совпадение вызывает серьезные вопросы. Напрашивается вывод о прямых заимствованиях. Однако, скорее всего, дело в другом: единая система и общие условия вырабатывали сходные механизмы обхода правил и запретов ради корыстных интересов.

Материалы дела не позволяют однозначно и доказательно судить, что данные группы (одна из них или обе) были устойчивыми преступными сообществами, занимавшимися рэкетом и «крышеванием» притонов, хотя большинство исследователей склонны писать о таких случаях как фактически доказанном деянии. Конечно, постоянная повторяемость таких скандалов склоняет к мысли, что подобные мафиозные структуры действительно существовали повсеместно в дальневосточных городах, хотя и в этом деле, и в других подобных делах подозреваемые не были отданы под суд, их вина в ходе судебного следствия не была доказана.

Более того, в этом деле никто их фигурантов не был даже отстранен от службы. В жертву, как это обычно случалось, принесли «мелкую сошку» – сторожей китайского квартала.

Н.А. Баранов, прослуживший Благовещенским полицмейстером два с половиной года, был переведен на должность полицмейстера во Владивосток, куда прибыл 23 июля 1915 г.⁷⁴ и прослужил до упразднения полиции после Февральской революции 1917 г. Такое назначение выглядит тем более сомнительным, что на новом месте существовало еще более обширное поле для сращивания с заправилами китайских кварталов.

Некоторые другие фигуранты дела продолжали служить в благовещенской полиции.

Притоны не были ликвидированы ни в 1915 г., ни в 1917 г., а Приамурский генерал-губернатор вновь и вновь был вынужден направлять ревизии, а также запросы и распоряжения в адрес военного губернатора Амурской области.

В ходе одной такой ревизии делопроизводителем канцелярии генерал-губернатора Щербаковым вновь было выявлено существование многочисленных притонов, безобразная постановка дела регистрации китайцев и нумерации домов в китайском квартале. И по-прежнему в материалах расследования фигурировал заведующий китайским кварталом Арцыбашев и кандидат на околоточного надзирателя Проскура⁷⁵.

Похоже, безнаказанность лиц, причастных к подобным скандалам, и сохранение на службе чиновников с явно подмоченной ре-

путацией являлось одной из ключевых причин постоянного воспроизводства различных схем обхода законов в корыстных целях, создания подобных группировок, отсутствия результатов борьбы полиции с притонами и продолжавшиеся обвинения представителей власти в коррупции.

Как результат в обществе росло разочарование и убежденность в коррумпированности всей власти снизу доверху, а репутационные издержки для власти на деле были гораздо больше, чем ей казалось.

Примечания Notes

¹ Буяков А.М., Буяков О.А. Китайская полиция во Владивостоке в начале XX века // Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXIV. Владивосток, 2000. С. 69–79; Позняк Т.З. Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 80–89.

² Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX – начало XX вв.). Омск, 1999; Ларин А.Г. Китайцы в России. Москва, 2000; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004; Петров А.И. История китайцев в России: 1856 – 1917 годы. Санкт-Петербург, 2003.

³ Позняк Т.З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2013. № 2. С. 7–24; Сорокина Т.Н. Изменения правил перехода границы для китайцев в Приамурском крае в 1911 – 1912 гг. и «Сахалинский инцидент» // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: Рубежи XIX – XX и XX – XXI веков. Иркутск, 2010. С. 184–202.

⁴ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 760. Л. 100–101; Памятная книжка Амурской области на 1914 год. Благовещенск, 1914. С. 51–58, 89–92.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 168л.

⁶ Позняк Т.З. «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21–33.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 98, 98об.

⁸ Там же. Л. 46–52.

⁹ Там же. Л. 28–30.

¹⁰ Там же. Л. 46, 92–93.

¹¹ Там же. Л. 46, 46об.

¹² Там же. Л. 47–48.

¹³ Там же. Л. 53об.–56.

¹⁴ Там же. Л. 58–60.

¹⁵ Там же. Л. 57, 57об.

¹⁶ Там же. Л. 60.

- ¹⁷ Там же. Л. 61, 61об.
¹⁸ Там же. Л. 20об., 21.
¹⁹ Там же. Л. 98–99.
²⁰ Там же. Л. 22.
²¹ Там же. Л. 36.
²² Там же. Л. 34, 34об.
²³ Там же. Л. 34об.
²⁴ Памятная книжка Амурской области на 1913 г. Благовещенск, 1913. С. 22.
²⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 35.
²⁶ Далекая окраина (Владивосток). 1909. 30 июля; 1910. 21 мая; 1911. 2 марта; 1915. 6 янв.
²⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 22об., 23.
²⁸ Там же. Л. 37.
²⁹ Там же. Л. 12об., 13.
³⁰ Там же.
³¹ Там же. Л. 147об., 148.
³² Там же. Л. 14.
³³ Там же. Л. 23об.
³⁴ Там же. Л. 38–40.
³⁵ Там же. Л. 150, 150об.
³⁶ Там же.
³⁷ *Позняк Т.З.* Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 80–89; *Позняк Т.З.* «Культурные брокеры» и межкультурное взаимодействие в пространстве трансграничья во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 21–33.
³⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 70, 70об.
³⁹ Там же. Л. 74, 74об.
⁴⁰ Там же. Л. 75, 75об.
⁴¹ Там же. Л. 68–87.
⁴² Там же. Л. 2, 2об.
⁴³ Там же. Л. 2об.
⁴⁴ Там же. Л. 44–45.
⁴⁵ Там же. Л. 44, 141об., 142.
⁴⁶ Там же.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 663. Л. 11.
⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 477. Л. 14об., 16.
⁵⁰ Там же. Л. 41, 41об.
⁵¹ Там же. Л. 41об., 42, 43.
⁵² Там же. Л. 43об.
⁵³ Там же. Л. 3.
⁵⁴ Там же. Л. 6, 6об.
⁵⁵ Там же. Л. 42.
⁵⁶ Там же. Л. 17об.
⁵⁷ Там же. Л. 18.
⁵⁸ Там же. Л. 23.

- ⁵⁹ Там же. Л. 25, 25об.
⁶⁰ Там же. Л. 34–35об.
⁶¹ Там же. Л. 2.
⁶² Там же. Л. 10об., 11.
⁶³ Там же. Л. 101–109.
⁶⁴ Там же. Л. 106, 106об.
⁶⁵ Там же. Л. 17.
⁶⁶ Там же. Л. 18.
⁶⁷ Там же. Л. 11.
⁶⁸ Там же. Л. 17–18об.
⁶⁹ Там же. Л. 19.
⁷⁰ Там же. Л. 157–160.
⁷¹ *Нестерова Е.И.* Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток, 2004. С. 304–307.
⁷² *Позняк Т.З.* Китайские иммигранты и коррумпированность чиновников на российском Дальнем Востоке в начале XX века // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 3. С. 80–89
⁷³ *Позняк Т.З.* Китайские иммигранты и принимающее общество: Парадоксы межкультурного взаимодействия на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Проблемы межнационального взаимодействия на Дальнем Востоке России: История и современность. Хабаровск, 2011. С. 33–40.
⁷⁴ Далекая окраина (Владивосток). 1915. 12, 23 июля; Памятная книжка Приморской области на 1916 год. Владивосток, 1916. С. 13.
⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 151. Л. 91–95об.

Автор, аннотация, ключевые слова

Позняк Татьяна Зиновьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии Наук (Владивосток)

tzpoznyak@mail.ru

В статье на основе архивных документов рассматривается одно из многочисленных дел о коррупции благовещенской полиции и чиновников других учреждений на российском Дальнем Востоке в начале XX в. История всплыла наружу в результате жалоб и докладов отставного полицейского чиновника Ф.И. Андреева военному губернатору Амурской области и Приамурскому генерал-губернатору о поборах полиции Благовещенска с тайных китайских притонов, в которых процветали курение опиума и проституция. Результатом ревизии, посланной в Благовещенск Приамурским генерал-губернатором, не стало предание суду полицейских и чиновников других учреждений по обвинению в преступлении по должности. По этой причине автор стремится к объективному изложению и анализу версий обеих противоборствующих сторон – обвинителей и обвиняемых. Автор приходит к выводу, что материалы дела не позволяют однозначно доказать, что в Благовещенске действовало устойчивое преступное сообще-

ство, занимавшееся вымогательством и «покровительством» тайных при-тонов. Однако, по ее мнению, повторяемость подобных скандалов все же склоняет к заключению, что «взаимовыгодное сотрудничество» китайской преступности и российского коррумпированного чиновничества в начале XX в. существовало и в Благовещенске, и в других городах Российского Дальнего Востока. Сохранившиеся в архиве разнообразные документы – жалобы, протоколы обысков, доклад о результатах ревизии и другие – дают уникальную возможность не только вникнуть в детали данного дела, но и воссоздать практику формальных и неформальных взаимоотношений между китайскими мигрантами и местным чиновничеством, включая полицию, в условиях трансграничного региона.

Российский Дальний Восток, Приамурское генерал-губернаторство, Амурская область, Благовещенск, полиция, таможня, чиновничество, китайские мигранты, Китайский квартал, коррупция, организованная преступность, межкультурное взаимодействие, иммиграционная политика.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Poznyak T.Z. Kitayskie immigranty i korrumpirovannost chinovnikov na rossiyskom Dalnem Vostoke v nachale XX veka [Chinese Immigrants and Corruption among Officials in the Russian Far East in the Early 20th Century.]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2011, no. 3, pp. 80–89. (In Russ.).
2. Poznyak T.Z. “Kulturnye brokery” i mezhkulturnoe vzaimodeystvie v prostranstve transgranichya vo vtoroy polovine XIX– nachale XX v. [“Cultural Brokers” and Intercultural Interaction in the Cross-Border Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2016, no. 2 (30), pp. 21–33. (In Russ.).
3. Poznyak T.Z. Rossiyskaya immigratsionnaya politika v otnoshenii vykhodtsev iz Kitaya na Dalnem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Russian Immigration Policy towards Chinese Immigrants in the Far East in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 2013, no. 2, pp. 7–24. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Buyakov A.M., Buyakov O.A. Kitayskaya politiya vo Vladivostoke v nachale XX veka [Chinese Police in Vladivostok in the Early 20th Century.]. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraya* [Notes of the Society for the Study of the Amur Region.]. Vladivostok, 2000, vol. 34, pp. 69–79. (In Russ.).
5. Poznyak T.Z. Kitayskie immigranty i prinimayushchee obshchestvo: Paradoksy mezhkulturnogo vzaimodeystviya na rossiyskom Dalnem Vostoke vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Chinese Immigrants and the Host Society: Paradoxes of Intercultural Interaction in the Russian Far East in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries.]. *Problemy mezhetnicheskogo vzaimodeystviya na Dalnem Vostoke Rossii: Istoriya i sovremennost* [Problems of Interethnic Cooperation in the Russian Far East: History and Modernity.]. Khabarovsk, 2011, pp. 33–40. (In Russ.).

6. Sorokina T.N. Izmeneniya pravil perekhoda granitsy dlya kitaytsev v Priamurskom kraye v 1911 – 1912 gg. i “Sakhalyanskiy intsident” [Changes in Border Crossing Regulations for the Chinese in the Amur Region in 1911 – 1912 and the “Sakhalyan Incident”]. *Migratsii i diaspory v sotsiokulturnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri: Rubezhi XIX – XX i XX – XXI vekov* [Migrations and Diasporas in the Social, Cultural, Political, and Economic Space of Siberia: The Turn of the 19th and 20th and the 20th and 21st Centuries.]. Irkutsk, 2010, pp. 184–202. (In Russ.).

(Monographs)

7. Larin A.G. Kitaytsy v Rossii [The Chinese in Russia.]. Moscow, 2000, 124 p. (In Russ.).
8. Nesterova E.I. Russkaya administratsiya i kitayskie migranty na yuge Dalnego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Russian Administration and Chinese Migrants in the Southern Russian Far East (the Second Half of 19th and Early 20th Centuries).]. Vladivostok, 2004, 372 p. (In Russ.).
9. Petrov A.I. Istoriya kitaytsev v Rossii: 1856 – 1917 gody [A History of the Chinese in Russia, 1856 – 1917.]. St.-Petersburg, 2003, 960 p. (In Russ.).
10. Sorokina T.N. Khozyaystvennaya deyatelnost kitayskikh poddannikh na Dalnem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraya (konets XIX – nachalo XX vv.) [The Economic Activities of Chinese Subjects in the Russian Far East and the Policy of the Amur Region Administration (Late 19th and Early 20th Centuries).]. Omsk, 1999, 262 p. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Tatyana Z. Poznyak – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of History, Archaeology, and Ethnology of the Nations of the Far East, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
tzpoznyak@mail.ru

The article based on archival documents examines one of numerous corruption cases among police in Blagoveshchensk and other bureaucracy in the Russian Far East in the early 20th century. The story became public as F.I. Andreev, a retired military police officer, wrote complaints and reports to the Military Governor of the Amur Region and to the Amur General Governor about the illegal exactions that police in Blagoveshchensk imposed on secret Chinese brothels where opium-smoking and prostitution were thriving. After the inspection was undertaken in Blagoveshchensk on the initiative of the Amur General Governor, the police and other civil officers were never prosecuted for official misconduct. Given this, the author tries to present and examine the evidence relating to either of the opposing sides, those of the accuser and the accused, as objectively as possible. The author arrives at the conclusion that the case files fail to provide a definite proof (fail to testify unequivocally) that there was a permanently operating criminal association in Blagoveshchensk practicing extortion and “patronizing” underground brothels. Nevertheless, she argues that the regular character of such scandals leads one to assume that

the early 20th century witnessed “a mutually beneficial cooperation” between Chinese criminality and Russian corrupted bureaucracy in Blagoveshchensk as well as other towns of the Russian Far East. The documents of various types available in the archives, such as complaints, search reports, the final inspection report, etc., provide a unique opportunity to delve deeper into the details of this case and, moreover, to reproduce the practice of formal and non-formal relationships between Chinese migrants and local officialdom, including police, in the specific conditions of the cross-border region.

Russian Far East, Amur (Priamurskiy) General-Governorship, Amur Region, Blagoveshchensk, police, custom, officialdom, Chinese migrants, China Town, corruption, organized crime, intercultural interaction, immigration policy.

Э.П. Бакаева

**ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
БУДДИСТОВ КАЛМЫКИИ И АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ:
ПРЕДЫСТОРИЯ И РЕШЕНИЯ
(1988 – 1991 годы)**

E. Bakaeva

**The First Conference of the Buddhists
of Kalmykia and the Astrakhan Region:
Background and Decisions
(1988 – 1991)**

В последние десятилетия в российской историографии появилось большое число работ по истории и культуре буддизма¹. Это обусловлено активными процессами возрождения буддийских институтов и буддийской культуры в России, особенно в Калмыкии, Бурятии и Туве, население которых традиционно являлось последователями буддизма.

Насильственная депортация калмыцкого народа привела к тому, что калмыки потеряли возможность практиковать буддийские обряды. После восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. буддизм в республике оставался «тайным». Буддийская церковь возобновила свое функционирование только после 1988 г. Особую роль в процессе возрождения буддизма в Калмыкии сыграла Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области, проведенная в Элисте в 1991 г.

Цель настоящей статьи – осветить предысторию, проведение и решения Первой конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области, показать ее историческое значение для возрождения буддизма в Калмыкии и для развития российского буддизма в целом.

Статья основана на материалах как Национального архива Республики Калмыкия, так и личного архива автора, который включает хроникальные записи событий первых лет работы религиозной общины Элисты, а также протоколы конференций калмыцких буддистов.

* * *

В результате преследований религии и церкви в СССР буддисты пострадали особенно сильно. Ф.Л. Сеницын считает, что «наличие буддийского фактора в стране было для руководства СССР более чем нежелательным. Власть избрала путь тотальной ликвидации буддийской конфессии, что наряду с другими акциями <...> было призвано решить проблему советизации бурятского и калмыцкого

народов»².

Однако в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны коммунистическая власть отменила некоторые ограничения религиозной жизни. В мае 1944 г. постановлением Совета Народных Комиссаров СССР был образован Совет по делам религиозных культов при СНК СССР. Вслед за его созданием, в том же 1944 г., в ответ на письмо нескольких лам власти открыли буддийский храм в улусе Средняя Иволга Бурят-Монгольской АССР, разрешили деятельность буддийских священнослужителей. 21–23 мая 1946 г. в Улан-Удэ состоялся съезд 43-х представителей духовенства и верующих мирян из Бурят-Монгольской АССР, Читинской, Иркутской областей и Тувинской автономной области. Съезд обсудил и утвердил «Положение о буддистском духовенстве в СССР», создал Центральное духовное управление буддистов СССР (ЦДУБ СССР)³.

После создания ЦДУБ СССР и до конца 1980-х гг. Бурятская АССР фактически выполняла роль буддийского центра страны, так как там действовали буддийские храмы и находилось руководство ЦДУБ СССР. Его уставом определялось: «§ 1. Центром религиозных объединений верующих буддистов, проживающих в Советском Союзе, является Духовное управление буддистов СССР с местопребыванием в Иволгинском дацане Бурятской АССР»⁴. Духовное управление буддистов в составе 11 человек избиралось верующими и служителями культа на съездах и возглавлялось Бандидо Хамбаламой.

При этом в Туве до конца 1980-х гг. отсутствовали храмы, не было зарегистрированных буддийских общин. В Калмыкии первая община появилась только в 1988 г., и ко времени ее официальной регистрации в республике проживали лишь несколько бывших монахов весьма почтенного возраста⁵.

Ситуация в Калмыкии осложнялась тем, что с 1943 по 1957 гг. калмыцкий народ в результате насильственной депортации был расселен по всему востоку СССР, прервались традиционные связи, в том числе между общинами и их духовными учителями. Ко времени восстановления автономии Калмыкии и возвращения калмыцкого народа в места прежнего расселения в 1957 г. в СССР, уже при Н.С. Хрущеве, был достигнут пик новой волны антирелигиозной политики. В результате в Калмыкии особенно активно проводилась антирелигиозная пропаганда, партийными и советскими властями не допускались открытие храмов и регистрация буддийских общин. Любые подобные попытки пресекались, а с авторами «писем во власть» на эту тему проводилась «разъяснительная работа».

Поскольку официально буддизм в Туве и Калмыкии в период после антирелигиозной борьбы в 1930-х гг. и до горбачевской перестройки не был признан в СССР, официальные делегации из этих республик на съезды духовенства не могли быть направлены, хотя еще на съезде 1946 г. присутствовали представители из Тувы, а

ЦДУБ СССР имело статус общесоюзной организации⁶.

Последующие события, связанные с возрождением буддизма в СССР, развивались не только в русле «централизованной» организации.

* * *

В октябре 1988 г. в Калмыкии после полувекового отсутствия храмов и общин впервые была зарегистрирована буддийская религиозная организация. В состав новой буддийской общины вошли миряне во главе с активом – около 10 человек, – включая специалиста по тибето-монгольской филологии, первого послушника из числа калмыков В.О. Чуматова (имя при первом посвящении – Гюр-Базыр), который позже получил посвящение от Кушок Бакулы Ринпоче и стал известен под религиозным именем Ринчен Дагва.

Перед общиной сразу же остро встали вопросы подготовки кадров, возрождения этнических обычаев, обрядов, обеспечения канонической литературой и ее переводами. На первых порах миряне сами решали все вопросы, избрав хурульный совет, занимавшийся многими организационными делами. На посту главы хурульного совета за короткое время сменились три председателя: с октября 1988 г. по январь 1989 г. – О.Э. Болдырев, с января по май 1989 г. – М.Л. Манкиров, с мая 1989 г. – Л.Л. Максимов⁷.

Все началось «с нуля», поскольку по всей республике отсутствовали кадры, религиозная литература, предметы культа, а уж тем более храмы.

Первый молитвенный дом в Элисте открылся в арендованном помещении из саманного кирпича, которое вскоре было выкуплено, а затем община приобрела для этой цели более добротный дом (площадью 120 кв.м.) из силикатного кирпича⁸. С 5 января 1989 г. «служителем культа Элистинского общества буддистов» (так было записано у его «учетной карточке на служителя культа») являлся В.О. Чуматов⁹, которого верующие при поддержке Н.Н. Кекеева, уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Калмыцкой АССР, направили в Иволгинский дацан для «стажировки и получения документа служителя буддийского хурула»¹⁰.

В первые месяцы жизни общины для оказания содействия в организации религиозной жизни и проведения религиозных обрядов в Калмыкию четырежды приезжали в краткосрочные командировки бурятские ламы, в том числе Туван Доржи (В.Р. Цымпилов), который с июля 1989 г. исполнял обязанности главы хурула. Должность настоятеля сам Туван Доржи называл по бурятской традиции «ширетуй-лама», хотя этот термин так и не был принят буддистами-калмыками¹¹.

21–24 июля 1989 г. впервые состоялся визит высокопоставлен-

ного монаха, религиозного и политического деятеля – Кушок Бакула Ринпоче. Он даровал учение, дал посвящения и освятил молитвенный дом. Этот факт был воспринят как официальное открытие действующего храма, после чего 27 июля 1989 г. собрание религиозного общества буддистов объявило о передаче координирующей функции хурульному совету, который был избран в составе 5 человек во главе с ширетуй-ламой Калмыцкого хурула Туван Доржи. В состав совета были включены два ламы, бурят Базарсад и калмык Ринчен Дагва, и два активных члена общины, в том числе ее председатель Л.Л. Максимов и архитектор Ю.И. Сангаджиев¹².

До созыва Первой конференции буддистов религиозная жизнь регулировалась хурульным советом, осуществлявшим связь с государственными учреждениями через уполномоченного по делам религии Н.Н. Кекеева. Регулярно проводились религиозные службы в молитвенном доме, верующие получили возможность обращаться к буддийским священнослужителям за исполнением обрядов. Обсуждались вопросы обеспечения кадрами, литературой, предметами культа, а также проблемы этнических особенностей буддизма у калмыков.

Однако уже с конца 1989 г. в руководстве буддистов Калмыкии начались процессы, следствием которых стали решения, принятые в последующие годы на форумах буддистов.

Так, расширенное собрание религиозного общества буддистов Элисты и хурульного совета (присутствовало 63 человека) 15 декабря 1989 г. обсуждало отчет о проделанной работе и о добровольном сложении полномочий ширетуй-ламы Туван Доржи в связи с отдельными нарушениями. Согласно протоколу собрания, к нему возникли серьезные претензии.

Во-первых, по поводу поездки в Монголию для достижения договоренности с руководителем монгольских буддистов Хамбо-ламой Гааданом о чтении молитв за счет Калмыцкого хурула и якобы необоснованного распоряжения ширетуй-ламой Туван Доржи финансами ЦДУБ СССР (претензии со стороны М. Мулонова, уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР)¹³.

Во-вторых, в связи с длительным отсутствием ширетуй-ламы Туван Доржи в Калмыкии – в течение 78 дней после положенного отпуска (претензии со стороны заместителя Хамбо-ламы из Бурятии).

Как заявил Туван Доржи, он прибыл в Элисту для сложения полномочий «с разрешения Дид-Хамбо-ламы Эрдэма», после чего «должен выехать в г. Улан-Удэ» (Эрдэм Цыбикжапов в это время являлся заместителем Хамбо-ламы – дид-Хамбо-ламой). «Прогулы» настоятеля им объяснялись вынужденным ожиданием возвращения из отпуска Мулонова, который, по словам Туван Доржи, настаивал на его возвращении в Иволгинский дацан, что было поддержано заместителем Хамбо-ламы Эрдэмом Цыбикжаповым. Однако офи-

циальные письма об отзыве настоятеля не поступали, о чем свидетельствует выступление члена хурульного совета и председателя Элистинского общества буддистов Л.Л. Максимова «...Я не думаю, что такая серьезная организация, как ЦДУБ, способна менять однажды принятое ими решение через такой малый срок. Это было бы очень печально. Если такое произойдет, то кому же нам останется верить»¹⁴.

В выступлениях членов религиозной общины поднимались и обсуждались вопросы определения статуса хурула и его независимости от действий уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР, а также о некотором противодействии, оказанном М. Мулоновым делегации элистинского религиозного общества, направленной из Калмыкии в Иволгинский дацан для встречи с Кушок Бакулой Ринпоче¹⁵.

Расширенное собрание обращало внимание на то, что Туван Доржи был утвержден ЦДУБ СССР в качестве настоятеля хурула на три года, связало вопрос о сложении полномочий настоятеля и соответственно отъезде Туван Доржи с вопросом о сохранении статуса хурула: еще свежа была память о годах, когда в Калмыкии не было ни одного официального молитвенного дома. Поэтому единодушно были приняты решения о непринятии сложения полномочий настоятеля и об извещении ЦДУБ СССР и Хамбо-ламы Ж.-Ж. Эрдынеева о принятом решении телеграммой, а также о выдвижении кандидатуры Туван Доржи в депутаты Верховного Совета Калмыцкой АССР (17 марта 1990 г., в ходе второго этапа выборов, В.Р. Цымпилов (Туван Доржи) был избран депутатом Верховного Совета Калмыцкой АССР). Одновременно на собрании был поставлен вопрос о необходимости обеспечения настоятеля жильем, и эта проблема была скоро разрешена: Исполком городского Совета выделил квартиру Элистинскому обществу буддистов¹⁶.

Таким образом, совет Калмыцкого хурула не согласился с отставкой своего настоятеля, которую предложили в Бурятии, и поставил ЦДУБ СССР перед свершившимся фактом. Духовному управлению буддистов пришлось согласиться с мнением верующих калмыков, о чем свидетельствует письмо Бандидо Хамбо-ламы Ж.-Ж. Эрдынеева от 27 декабря 1989 г. В нем отмечалось: «Решением собрания лам Иволгинского дацана от 26.12.1989 г. подтверждена [Подчеркнуто нами. – Э.Б.] кандидатура Цымпилова Туван-Доржи на посту настоятеля Калмыцкого хурула сроком 3 (три) года. Решение единогласное и может быть отменено только ЦДУБ СССР»¹⁷.

Письмо Бандидо Хамбо-ламы можно рассматривать как достижение консенсуса. Вместе с тем в этом документе решение ЦДУБ СССР, согласившегося с мнением калмыцкого хурульного совета, рассматривается как указание высшего органа управления, что должны были принять буддисты Калмыкии.

Но на собрании решался не только вопрос об отставке настоя-

теля Калмыцкого хурула: калмыцкие буддисты продемонстрировали наличие собственной позиции в решении судьбы своей общины. Особый интерес вызывает место в протоколе собрания, где настоятель хурула сообщал: «О поездке в Монголию: ее результатом стала договоренность с Хамбо-ламой Гааданом о прочтении молитв в счет калмыцкого хурула, за которые калмыцкий хурул должен будет перечислить символическую сумму в Монголию. Следовательно, претензии о мнимом распоряжении мною финансами ЦДУБ СССР необоснованны»¹⁸.

Можно сделать вывод, что позиция по данному вопросу М. Мулонова, уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР, свидетельствовала о стремлении к централизации управления, которое означало включение финансовых вопросов в сферу компетенции ЦДУБ СССР как центрального органа управления. Решение калмыцких буддистов же свидетельствовало о стремлении к самостоятельности во всех вопросах религиозной жизни, несмотря на отсутствие собственных кадров. Подотчетный ЦДУБ СССР, Туван Доржи вначале заявил о сложении полномочий по требованию дид-Хамбо-ламы, то есть на словах он согласился с решением вышестоящего для него лица. Однако на деле он ратовал за финансовую независимость буддистов Калмыкии от ЦДУБ СССР, что привело к неясной передаче калмыцкому хурульному совету смысла претензий бурятского уполномоченного по делам религии, которые для хурульного совета, что совершенно очевидно, остались не вполне понятными.

Таким образом, конфликт стал показательным для ситуации, сложившейся в буддийских республиках: с одной стороны, ЦДУБ СССР, контролирующей настоятеля Калмыцкого хурула и утверждающий его в этой должности, – с другой стороны, хурульный совет и верующие, не предполагавшие, что на повестке дня уже стоял вопрос о централизации религиозного управления и возможном подчинении религиозному центру, сложившемуся на территории Бурятии. Намерение бурятского ламы Туван Доржи заключить соглашение с монгольскими буддистами было расценено уполномоченным Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Бурятской АССР М. Мулоновым как распоряжение финансами ЦДУБ СССР. Отсутствие предмета для спора калмыцкие буддисты видели в тот момент в том, что на самом деле речь шла о средствах Калмыцкого хурула.

В течение 1990 г. религиозное общество Элисты и хурульный совет продолжили активную разностороннюю работу. Состоялся второй визит Кушок Бакулы Ринпоче. Во время масштабного празднования 550-летия народного героического эпоса «Джангар» была проведена большая служба по закладке *обоо* на месте будущего хурула, в которой приняли участие Хамбо-лама Монголии, ответственный представитель ЦДУБ СССР в Москве В. Ламажапов

(лама Базарсад), представители дацанов Монголии и Бурятии. В г. Лагань Каспийского района, пос. Цаган Аман Юстинского района Калмыцкой АССР и в с. Зензели Лиманского района Астраханской области были зарегистрированы религиозные буддийские общины, что в этот период являлось значимым шагом в возрождении и развитии буддизма. В Монголию и Бурятию для обучения в буддийских образовательных учреждениях были направлены 14 человек¹⁹.

Прошло чуть более года со времени принятия на хурульном совете решения об отказе калмыцких буддистов подчиниться ЦДУБ СССР и согласиться с отзывом настоятеля в Иволгинский дацан Бурятии. Проблемы, обусловившие постановку вопроса об отставке командированного ламы, сохранялись, поскольку они имели не только личностный характер. В целом активисты буддийской общины проявляли стремление к образованию самостоятельной буддийской сангхи, что соответствовало как историческим традициям буддизма калмыков, так и процессам возрождения этнических культур в постперестроечный период, которые отражали рост интереса многих народов СССР к своей этнической идентичности. В условиях нарастания экономического кризиса, особенно инфляции, обострялись и усложнялись финансовые аспекты деятельности: главной заботой верующих оставалось строительство нового буддийского храма, но по разным причинам, в том числе и финансовым, проектирование не начиналось, затягивалось и в целом решение о начале строительства Калмыцкого хурула²⁰.

И уже в начале 1991 г. в хурульном совете Калмыцкого хурула, по предложению его председателя Л.Л. Максимова и молодых послушников, был поставлен вопрос о смещении Туван Доржи с должности настоятеля Калмыцкого хурула и возможности приглашения на этот пост главы хурула престарелого калмыцкого монаха, известного как Санджи-гелюнг (С.У. Уланов; 1903 – 1996). Со своей стороны, настоятель Калмыцкого хурула предложил вывести из состава хурульного совета председателя религиозной общины Элисты Л.Л. Максимова. Но собрание 4 марта 1991 г. приняло решение лишь о введении в его состав по предложению Туван Доржи двух новых членов²¹.

В июле 1991 г. в Бурятии намечалось празднование 250-летия официального признания буддизма в России (хотя историю буддизма в России следует начинать с начала XVII в. и вхождения в ее состав калмыков, которые были буддистами). Проводилась работа по подготовке визита Далай-ламы XIV в СССР, значительно укреплялись связи с буддистами других стран, прежде всего через организацию «Азиатская буддийская конференция за мир» (АБКМ). В Калмыкии уже были зарегистрированы две районные религиозные буддийские общины, еще одна буддийская община появилась в Астраханской области, президиум Совета народных депутатов Целинного района Калмыкии также принял постановление о разрешении строительства хурула в пос. Ленинский (ныне Ики-Чонос), где в прошлом рас-

полагалась высшая буддийская духовная академия – Чёря²².

ЦДУБ СССР, по направлению которого работал в качестве настоятеля Калмыцкого хурула (называвшегося обычно Элистинским по месту расположения) Туван Доржи, рассматривало себя, согласно своему уставу, как «центр религиозных объединений верующих буддистов»²³.

В этой ситуации ЦДУБ СССР приняло решение о необходимости принятия всеми буддийскими общинами уставов, что должно было стать этапом в утверждении единых правил и единой структуры управления верующими буддистами страны, обретения буддийскими объединениями Калмыкии и Тувы статуса, соответствующего республиканскому отделению объединения буддистов страны.

* * *

23 июня 1991 г. состоялась Первая конференция буддистов Калмыкии и Астраханской области, в работе которой приняли участие представители буддийских общин Элисты, г. Лагани Каспийского района и пос. Цаган Аман Юстинского района Калмыцкой ССР, религиозной общины в с. Зензели Лиманского района Астраханской области, а также четырех общин, которые ожидали официальной регистрации – пос. Цаган Нур Октябрьского района, пос. Ханата Малодербетовского района, пос. Ленинский Целинного района и пос. Хомутниковский Ики-Бурульского района Калмыкии (КАССР в мае была переименована в Калмыцкую ССР, а в феврале 1992 г. – в Республику Калмыкия – Хальмг Тангч).

Примечательно, что «астраханские калмыки» – население двух калмыцких районов, не возвращенных Калмыкии после восстановления ее автономии в 1957 г., – приняли участие в работе конференции, а также через своего представителя обратились с просьбой не забывать о них при решении религиозных вопросов²⁴.

Следует учесть, что накануне конференции большим событием стало принятие 26 апреля 1991 г. Верховным Советом РСФСР закона «О реабилитации репрессированных народов», объявившего незаконными все принятые в их отношении репрессивные акты.

Повестка заседания конференции включала вопросы об отчете настоятеля Элистинского хурула о проделанной работе и о принятии Устава буддийского объединения в соответствии с решением ЦДУБ СССР.

Отчет настоятеля Туван Доржа в большей степени отражал финансовое положение, что вполне объяснимо в свете экономической ситуации в СССР, а также вопросами, обсуждавшимися на отчете за предыдущий год. Элистинский хурул располагал сравнительно немалыми средствами. Так, на расчетном счете хурула к моменту Первой конференции находилось 685 тыс. руб., из них организациями и частными лицами было перечислено в фонд хурула 190 тыс.

руб., а 495 тыс. руб. были получены за счет ежедневного исполнения обрядов в хуруле. В первый год функционирования хурула чистый доход составил 242 тыс. руб., в 1990 г. он был увеличен до 364 тыс. руб., а лишь за 5 месяцев 1991 г. прибыль составила 128 тыс. руб.²⁵

Таким образом, хурул являлся экономически самостоятельным, что позволяло надеяться на возведение нового буддийского храма в ближайшее время. Тем более что религиозным общинам оказывалась значительная поддержка со стороны государства, в том числе организационная и финансовая²⁶. В буддийских монастырях Бурятии и Монголии обучались 14 человек, что позволяло надеяться на решение кадрового вопроса в будущем, но выступавшие в прениях председатель общины г. Лагани Е.Н. Убушаев, председатель религиозной общины с. Зензели Э.О. Надбитов ставили вопрос о необходимости срочного обеспечения этих буддийских обществ монахами.

В связи с этим уполномоченный Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Калмыцкой ССР Н.Н. Кекеев сообщил, что из старых гелюнгов остались в Калмыкии только трое (Бада Павлович Павлов в пос. Ханата, Зодва Лозуткаевич Натыров в совхозе им. Володарского, Санджи Уланович Уланов в Элисте), но, кроме 14-ти учащихся, готовится набор для направления на учебу в тибетские монастыри Индии. Профессор Калмыцкого университета А.Ш. Кичиков обратил внимание на вопросы, поднимавшиеся им в статье в республиканской газете «Хальмг үнн»: необходимость проведения переводческих работ, восстановления ойратско-монгольской буддийской терминологии, издания хурулом книг и брошюр, знания монахами калмыцкого языка.

Представитель Верховного Совета Калмыцкой ССР Н.Г. Очирова сообщила о подготовке письма к мэру Ленинграда А.А. Собчаку о передаче буддийских предметов культа, хранящихся в Музее истории и религии, Калмыцкому хурулу.

Учитывая мнение делегатов конференции, настоятель Калмыцкого хурула сообщил о намерениях с началом учебного года открыть при хуруле воскресную школу для мальчиков с преподаванием тибетского языка, разговорного калмыцкого языка, старокалмыцкой (ойратской) письменности «тодо бичиг», а также проводить по воскресным дням в хуруле проповеди.

Конференция выявила наличие острых вопросов в хурульной жизни, в том числе вопроса о безбрачии монахов. В дореволюционной Калмыкии буддийские священнослужители придерживались строгого celibата, в связи с чем было принято ранее решение о безбрачии монахов Элистинского хурула. Туван Доржи (В.Р. Цымпилов), проживавший в Элисте с семьей, объявил, что в течение полугода либо решит этот вопрос, либо прервет командировку и возвратится в Иволгинский дацан. Таким образом, указание Бандидо Хамбо-ламы, в декабре 1989 г. отмечавшего, что отмена назначения

настоятеля Калмыцкого хурула возможна лишь по решению ЦДУБ СССР, не принималось во внимание ни калмыцкими буддистами, ни самим ширетуй-ламой²⁷.

Но значимость Первой конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области в истории российского буддизма связана не с бурными обсуждениями насущных вопросов, в которых приняли участие многие делегаты.

Ее историческое значение состоит прежде всего в том, что собрание верующих мирян приняло судьбоносное решение об учреждении Объединения буддистов Калмыкии и принятии документов новой организации. Наиболее важным явилось принятие Устава Объединения, которое, по предложению председателя конференции, ширетуй-ламы Туван Доржи, представителя Иволгинского дацана, должно было стать региональным центром ЦДУБ СССР. Но обсуждавшийся проект устава соответствовал Уставу ЦДУБ СССР, принятому в 1984 г., когда в Калмыкии еще не было ни одной религиозной общины буддистов, и не отражал изменений, происшедших в стране²⁸.

Поэтому путем открытого голосования две трети участников конференции буддистов приняли иной вариант устава, в котором Объединение буддистов Калмыкии объявлялось самостоятельной организацией, сотрудничающей с другими объединениями и организациями, как общественными, так и религиозными. Немаловажным моментом являлось то, что Калмыцкий хурул являлся экономически самостоятельным, а республиканские власти оказывали значительную поддержку его деятельности.

Основным же аргументом стало стремление калмыцких буддистов к созданию в Калмыкии самостоятельного центра буддизма, что соответствовало историческим традициям: предки калмыков – ойраты – добровольно вошли в состав Российского государства в XVII в., будучи последователями буддизма, а в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей и духовенства буддизм был объявлен официальной религией. Калмыцкие буддисты также хотели возродить характерную для этнической культуры форму религии и установить самостоятельные связи с руководителями тибетских буддистов.

* * *

Таким образом, в решениях Первой конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области отразились последствия горбачевской перестройки. Возрождение буддизма в российских регионах его традиционного распространения обусловило и обращение его последователей к собственной истории и культуре. Хотя статус ЦДУБ СССР предполагал включение вновь организованных объединений в его структуру, реалии постперестроечного периода в обществе, где развивались демократические процессы, были иными.

Восстановление справедливости в отношении репрессированного калмыцкого народа требовало восстановления его во всех правах, в том числе и в праве на свободное отправление культов. Благодаря этим процессам в Калмыкии появилась новая самостоятельная буддийская организация.

Объединение буддистов Калмыкии создавалось как централизованная организация буддистов, проживающих в Калмыкии и Астраханской области. В период проведения Первой конференции буддистов важным представлялось объединение всех калмыков-буддистов, статус общин которых рассматривался как самостоятельный, хотя ЦДУБ СССР считало их частью общесоюзной структуры.

Примечания Notes

¹ Бакаева Э.П. Исследования по истории буддизма в Калмыкии на современном этапе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 72–88; *Bakaeva E.P. Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2014. Vol. 53. No. 4. P. 21–46.*

² Синицын Ф.Л. Красная буря: Советское государство и буддизм в 1917 – 1946 гг. Санкт-Петербург, 2013. С. 114.

³ Абаев Н.В., Бакаева Э.П., Бичелдей У.П., Ванчикова Ц.П., Лепехов С.Ю. Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.) // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985 – 1999 гг. Москва, 2010. С. 55, 56.

⁴ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 71.

⁵ Бакаева Э.П. Буддизм в Калмыкии (1957 – 1988 гг.) // Память мира: Историко-документальное наследие буддизма. Москва, 2011. С. 118–136.

⁶ Абаев Н.В., Бакаева Э.П., Бичелдей У.П., Ванчикова Ц.П., Лепехов С.Ю. Краткий очерк истории буддизма на территории России (до 1985 г.) // История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985 – 1999 гг. Москва, 2010. С. 55–67.

⁷ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 3–5.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 9об.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ Личный архив автора.

¹² Там же.

¹³ Личный архив автора; НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 30–34.

¹⁴ Личный архив автора.

¹⁵ Личный архив автора; НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 30–34.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 67.

¹⁷ Там же. Л. 10.

¹⁸ Там же. Л. 30, 31.

¹⁹ Личный архив автора.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 36.

²³ Там же. Л. 71.

²⁴ Личный архив автора

²⁵ Там же.

²⁶ НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2174. Л. 64, 66.

²⁷ Личный архив автора

²⁸ Бакаева Э.П. Между Центральным духовным управлением буддистов и Объединением буддистов Калмыкии: Буддизм в Калмыкии в 1988 – 1991 гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2015. № 1 (25). С. 10–11.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бакаева Эльза Петровна – докт. ист. наук, заместитель директора Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста) ebakaeva@yandex.ru

Статья посвящена истории первых лет возрождения буддизма в конце XX в. в Калмыкии, одной из трех «буддийских» республик России, после более чем полувекового отсутствия храмов и буддийских общин. Особенности истории возрождения буддизма в Калмыкии определены последствиями политики «воинствующего атеизма» в 1930-х гг. и насильственной депортации калмыцкого народа в восточные районы СССР (1943 – 1957 гг.), когда была прервана традиция передачи религиозного знания. С регистрации первой буддийской общины в 1988 г. начался новый этап развития буддизма в Калмыкии. К анализу привлекаются ранее не использованные документы из фондов Национального архива Республики Калмыкия. Автор, принимавшая участие в первых акциях буддийской общины и наблюдавшая процессы, происходившие в среде верующих, также обращается к записям, хранящимся в ее личном архиве. Эти уникальные источники позволили раскрыть предысторию и решения Первой конференции буддистов Калмыкии и Астраханской области (1991 г.), которая определила путь дальнейшего развития буддизма в одной из буддийских республик России и стране в целом. Особое внимание уделяется вопросам становления регионального объединения буддистов и обретения им самостоятельного статуса, что способствовало превращению Республики Калмыкия в крупный центр российского буддизма. Автор приходит к выводу, что становление Объединения буддистов Калмыкии было обусловлено историческими условиями и стало возможным в результате процессов демократизации общества в России в 1990-е гг.

Калмыкия, религиозная политика, религиозное возрождение, буддизм, буддистское духовенство, калмыцкий буддизм, хурул, Элиста.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bakaeva E.P. Issledovaniya po istorii buddizma v Kalmykii na sovremennom etape [The Current Stage of Research on the History of Buddhism in Kalmykia.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2014, no. 3, pp. 72–88. (In Russ.).

2. Bakaeva E.P. Mezhdru Tsentralnym dukhovnym upravleniem buddistov i Obedineniem buddistov Kalmykii: Buddizm v Kalmykii v 1988 – 1991 gg. [Between the Central Spiritual Board of Buddhists and the Association of the Buddhists of Kalmykia: Buddhism in Kalmykia, 1988 – 1991.]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2015, no. 1 (25), pp. 6–14. (In Russ.).

3. Bakaeva E.P. Research on the History of Buddhism in Kalmykia at the Present Stage. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2014, vol. 53, no. 4, pp. 21–46. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Abaev N.V., Bakaeva E.P., Bicheldey U.P., Vanchikova Ts.P., Lepekhov S.Yu. Kratkiy ocherk istorii buddizma na territorii Rossii (do 1985 g.) [A Brief Essay on the History of Buddhism in Russia (up to 1985).]. *Istoriya buddizma v SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1985 – 1999 gg.* [The History of Buddhism in the USSR and the Russian Federation, 1985 – 1999.]. Moscow, 2010, pp. 17–67. (In Russ.).

5. Bakaeva E.P. Buddizm v Kalmykii (1957 – 1988 gg.) [Buddhism in Kalmykia (1957 – 1988 gg.)]. *Pamyat mira: Istoriko-dokumentalnoe nasledie buddizma* [The Memory of the World: The Historical and Documentary Heritage of Buddhism.]. Moscow, 2011, pp. 118–136.

(Monographs)

6. Sinityn F.L. “Krasnaya burya”: Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917 – 1946 gg. [“Red Storm”: The Soviet State and Buddhism, 1917 – 1946.]. St. Petersburg, 2013, p. 114. (In Russ.).

Author, Abstract, Keywords

Elza P. Bakaeva – Doctor of History, Deputy Director, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Calmykia, Russia) ebakaeva@yandex.ru

The article is devoted to the first years of the revival of the Buddhism at the end of the 20th century in Kalmykia, one of the three “Buddhist” republics of Russia, after more than half a century existence without Buddhist temples and communities. The history of the Buddhism revival in Kalmykia was affected

by the “militant atheism” policy pursued in the 1930s and forced deportation of the Kalmyk people to the eastern regions of the USSR (1943 – 1957), after the tradition of transferring religious knowledge was interrupted. With the registration of the first Buddhist community in 1988, a new stage was launched in the development of the Buddhism in Kalmykia. The research is based on previously non-used documents from the collections of the National archives of the Republic of Kalmykia. The author who took part in the first activities of the Buddhist community and personally witnessed the processes undergoing in it refers to the records from her personal archive. These unique sources highlight the pre-history and the decisions of the First Conference of the Buddhists of Kalmykia and the Astrakhan Region (1991), which determined the path of further development of Buddhism in one of the Buddhist republics of Russia and the entire country. The author pays special attention to the formation of the regional Association of the Buddhists and their gaining an independent status, which made the Republic of Kalmykia the major centre of Russian Buddhism. The author comes to the conclusion that the Association of the Buddhists of Kalmykia was formed under specific historical conditions as a result of democratization processes in Russia in the 1990s.

Kalmykia, religious policy, religious revival, Buddhism, Buddhist clergy, Kalmyk Buddhism, khurul, Elista (City of).

РОССИЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ **Everyday Life in Russia**

А.В. Белова

«Я СТРАШНО ЗЛА НА МОЮ МАТЬ»: РЕПРОДУКТИВНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В СЕМЬЯХ РОССИЙСКИХ ДВОРЯН XVIII – XIX ВЕКОВ*

A. Belova

“I Am Terribly Angry at my Mother”: Reproductive Rivalry in Russian Noble Families, 18th – 19th Centuries

История репродуктивной политики – новое направление в современных исторических и этнологических исследованиях.

Помимо междисциплинарности, данная научная проблематика задает особый вектор в изучении сопряженности частной и публичной сфер, позволяет понять, как вопрос одной из традиционных функций семьи становится политической установкой государства. Вместе с тем особенности репродуктивной культуры¹ того или иного социального слоя, своеобразные сочетания внутренне присущих представлений и ожиданий с внушаемыми в процессе социализации одобряемыми общественными суждениями являются существенным фактором регулирования поведения. Причем как внутри семьи, так и за ее пределами.

Взаимоотношения матери и дочери позволяют судить не только о том, как происходили формирование, поиск и отстаивание женской идентичности в российской дворянской культуре, но и о том, как в повседневной жизни выстраивались иерархии социальных и гендерных ролей внутри дворянской семьи. Исторически обусловленный феномен материнства и отношения матери и дочери не раз становились предметом исследования в феминистских теориях психоанализа. По словам Эвелин Эндерлайн, французские феминистки «Люс Иригарей и Адриена Рич анализируют взаимоотношения матери и

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований в рамках научно-исследовательского проекта «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI – XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ» (№ 16-01-00136).

дочери как первостепенные, являющиеся прототипом пары»², что, бесспорно, указывает на их значимость.

Цель статьи – выявить в российской дворянской культуре XVIII –XIX вв. трудности поиска женской идентичности в рамках осложненных отношений матери и дочери, определить причины внутренних конфликтов этих отношений, понять их властную составляющую и выяснить, в какой мере эти отношения определяли механизм социального конструирования гендера.

Логика аргументации включает в себя последовательное обращение к следующим вопросам:

восприятие детства в контексте отношений матери и дочери – соотношение материнской любви и власти матери;

сложности отделения от матери в период девичества – материнский контроль за сексуальностью и социальное бессилие дочери;

конфликт идентичностей при переходе к «зрелости» дочери – обретенная и обретаемая сексуальность как пространство взаимных угроз;

механизм социального конструирования гендера в период девичества в контексте отношений матери и дочери.

Подходы истории повседневности как «пережитой» истории, или истории «изнутри», основанной на анализе «субъективных источников»³ – мемуаров (Н. Долгорукой, Е.Р. Дашковой А.Е. Лабзиной, Г.И. Ржевской, В.-Ю. Крюденер, Н.А. Дуровой С.В. Капнист-Скалон, А.П. Керн, А.В. Щепкиной, Е.Н. Ахматовой, Е.А. Сабанеевой, А.В. Стерлиговой, Е.Н. Водовозовой, А.Г. Достоевской, С.В. Ковалевской, М.А. Бекетовой, Т.Г. Морозовой и др.), писем, дневников – позволяют «увидеть» анализируемую проблему глазами самих женщин. При этом все, что касается переживаний, связанных с сексуальным и репродуктивным опытом, как правило, табуировалось и подлежало неявному проговариванию. Важные сведения по репродуктивной истории дворянства содержат генеалогические и родовые документы.

* * *

Как показывают документы личного происхождения, отношение дворянок к собственному детству по прошествии многих лет жизни определялось либо его идеализацией, либо негативизацией в зависимости, главным образом, от характера взаимоотношений девочки с матерью. Матери же, по представлениям дочерей, относились к ним очень по-разному: могли любить старшую дочь, своего первого ребенка, и недолюбливать младших (в особенности поздних, последних из своих многочисленных детей, например дочь, являвшуюся 19-м по счету ребенком), вообще быть недовольными рождением дочери ввиду ожидания сына⁴.

Свидетельства мемуаристок выявляют на протяжении столетия

– с середины XVIII в. до середины XIX в. – одну и ту же типичную реакцию дворянок на нежелательных дочерей: «огорченные» матери пытались потерять их из виду, вывести за пределы собственного зрения, симитировать их несуществование (как выражались сами мемуаристки, «не могли выносить присутствия» и «удаляли с глаз колыбель» (Г.И. Ржевская, 1759), «толкали с коленей» и «отворачивались» (Н.А. Дурова, 1783), «глядеть не хотели» (С.В. Ковалевская, 1850)). В этих случаях подраставшие девочки отдавали себе ясный отчет в отсутствии к ним материнской любви и воспринимали это как травмирующее переживание.

Тем не менее сами они впоследствии признавались, что любили своих матерей, сочувствовали их судьбам и даже восхищались ими. Став взрослыми, дворянки осмыслили подобное отношение к себе матерей как следствие нереализованного желания «иметь сына», компенсируемого любовью к другому ребенку, который мог быть как мужского пола, так и женского.

Однако даже такого рода случаи доказывают не собственно факт отсутствия материнской любви (матери, судя по ряду указаний, все-таки любили своих дочерей, находясь между тем в плену расхожих гендерных стереотипов, отдающих предпочтение сыну перед дочерью), а то, что отношение к ребенку, как и предшествующее отношение женщины к своей беременности⁵, представляло собой экстраполяцию ее внутренних мыслительных построений, восприятий, переживаний, оценок. Французская исследовательница, философ Элизабет Бадинтер, изучая историю семейных отношений с XVII в. до настоящего времени, обосновала вывод об исторической эволюции понятия «материнская любовь» в специальной работе, переведенной на многие языки⁶. Смысловое наполнение этого понятия различалось в отдельные исторические эпохи, в разных культурах и социальных средах.

Даже в тех случаях, когда женщины, овдовев, утрачивали власть мужей над собой, они не переходили на партнерскую модель отношений с дочерьми, а продолжали либо их игнорировать, либо применять к ним репрессивную стратегию воспитания. В то время как сын ассоциировался с надеждами матери, воплощал для нее попытку создания «образа мужчины», которого она хотела бы видеть рядом с собой, дочь была олицетворением собственных неудач, несбывшейся мечты, например, связи с мужем, не принесшей счастья и, наконец, безысходности от предчувствия повторения того же жизненного сценария. Досада на невозможность изменить к лучшему свою жизнь и неспособность внутренне согласиться с собственными страданиями вымещалась матерью именно на дочери, которая воспринимала ее отношение как нелюбовь к себе. Это свидетельствует о том, что само материнство носило, по большей части, функциональный, вынужденный характер⁷.

При господстве расхожих репродуктивных представлений о том,

что рождение ребенка – не собственно женский, шире родительский, выбор, а «естественная» необходимость, ситуация, в которой от «главной исполнительницы» практически ничего не зависело, отношение дворянок к «материнским обязанностям» воплощало дань социальным устоям и зачастую не включалось ими в опыт индивидуальной идентичности.

Известный парадокс состоит в том, что, с одной стороны, судьба женщины программировалась как репродуктивная (а, скорее всего, именно вследствие этого), с другой, – материнство не было осознанным индивидуальным женским проектом, по крайней мере в отношении дочерей, не являвшихся формальными продолжательницами дворянского рода. Исключение составляло материнство в послебрачный период, когда «отказываясь от повторного брака в условиях отсутствия контрацепции и сосредотачиваясь на материнских обязанностях в отношении детей от первого брака, дворянки изобрели и реализовывали собственный способ контроля над рождаемостью, который не вызывал общественного осуждения, поскольку обосновывался санкцией религиозного благочестия»⁸.

В историографии психоаналитических и гендерных исследований проблематизируется подростковый период в жизни женщины и его функция в становлении женской идентичности⁹. Немецкий психоаналитик Ева Полюда различает в «подростковом возрасте женщины» пубертатный и собственно подростковый периоды, отождествляемые ею с «ранней» и «зрелой» стадиями взросления¹⁰. Она трактует пубертатный период как «переход от защищенного тела ребенка к самостоятельному сексуальному телу взрослого»¹¹, что в случае с женщиной означает, по ее мнению, «пубертатный переход от материнской зависимости к новому периоду жизни как молодой женщины»¹².

В повседневной жизни дворянства взросление как «отделение от родителей» (Е. Полюда), отрыв от родительской семьи в большинстве случаев были для девушек «травмирующим обстоятельством». Переход во взрослое состояние не был эмоционально-психологическим обособлением при сохранении позиции дочери внутри семьи. Вследствие раннего замужества он выражался во внезапном, как им казалось, оставлении родительской семьи, которую, несмотря на известные оговорки, девушки считали зоной комфорта, и включении в новую группу, внушающую опасения своей неизвестностью.

Формально превращение из «дочери» в «жену» происходило при отсутствии у девушки сформированных навыков отстаивания собственной идентичности. Тогдашнее воспитание требовало не противиться воле старших – родительской власти и назиданиям гувернанток, – подчинять личные желания семейным обязательствам и общественным долгу. К этому добавлялось объективное старшинство супруга по возрасту. В то время обычной считалась разница в возрасте супругов в 10–20 лет, но могла быть и большей. Резкая

смена социальных ролей означала поэтому принятие роли дочери по отношению к мужу.

Мемуаристка С.В. Ковалевская вспоминала о своей матери, Елизавете Федоровне Корвин-Круковской, урожденной Шуберт (1820 – 1879): «Между нею и отцом была большая разница лет, и отец вплоть до старости продолжал относиться к ней, как к ребенку. Он называл ее Лиза и Лизок, тогда как она величала его всегда Васильем Васильевичем. Случалось ему даже в присутствии детей делать ей выговоры. “Опять ты говоришь вздор, Лизочка!” – слышали мы нередко. И мама несколько не обижалась на это замечание, а если продолжала настаивать на своем, то только как избалованный ребенок, который вправе желать и неразумного»¹³.

С этим сочетается и замечание мемуаристки М.А. Бекетовой (1862 – 1938), относящееся к ее сестре, девушке-невесте конца 1870-х гг.: «В 18 лет была она еще далеко не созревшая женщина, а девушка-ребенок, которому слишком рано выпал на долю брак с таким интересным, трудным, сложным и неудержимо жестоким человеком, каким был Александр Львович Блок»¹⁴.

Судя по переписке дворян Лихаревых, взросление девушек характеризовалось высокой степенью эмоционально-психологической зависимости их от родителей, особенно матери, и семейного окружения даже в возрасте старше 20 лет¹⁵. Следствием этого становилось отсутствие опытов самостоятельного выстраивания межличностных отношений. Обыденная жизнь дворянских девушек зачастую подлежала тотальному контролю со стороны взрослых и жестким ограничениям свободы поведения и самовыражения.

По свидетельству мемуаристки Е.Н. Ахматовой, «Михаил Антонович [Горновский. – А.Б.] овдовел в 1809 г., три его дочери – сыновей у моего деда не было – до самой его смерти оставались при нем. Он учил их сам, держал строго, редко и по самым убедительным просьбам отпускал их погостить в семейство Ивана Антоновича, которого любил больше других братьев»¹⁶.

Подобное надзирание за дочерьми не только не позволяло им наладить личную жизнь, но и не предполагало наличия у них теоретических знаний о строении репродуктивной системы и физиологии сексуальных отношений. Сексуальность вне брака и вне репродуктивных функций оставалась для дворянок terra incognita. Крайняя степень непросвещенности в вопросах полового развития и сексуальных отношений становилась причиной отсутствия рефлексии собственной сексуальности, а, значит, и понимания изменений своей телесности и влияния этих изменений на поиски собственной идентичности.

Поскольку задача воспитания девушек сводилась к тому, «чтобы блюсти за <...> [Их. – А.Б.] нравственностью!» (Е.Н. Водовозова), все, что касалось сексуальной сферы жизни, табуировалось, и, следовательно, даже помышление о возможном нарушении этих запрете-

тов порождало у них подспудное чувство вины, не говоря уже об информации и опыте. В результате дворянские девушки оказывались неподготовленными и беззащитными перед любыми телесными практиками даже в контексте супружеских отношений, вызывавших у них безотчетные страхи и опасения, а, потому, не приносивших им ощущения радости и счастья¹⁷.

Речь идет о сдерживаемой, подавляемой сексуальности как средстве социального контроля, как способе удержания молодых представительниц женского пола в подчинении внутри существующего властного и символического порядка в масштабах как семьи, так и общества в целом. Традиционный вопрос «не противен ли он?»¹⁸, с которым сватавшиеся женихи обращались к своим слишком сдержанным юным избранницам, показывает, что для первых, в отличие от вторых, именно телесный, сексуальный аспект брака превалировал. От дворянской девушки в браке ожидали и требовали того, к чему ее не только не готовили в девичестве, но и за что строжайше наказывали или порицали, категорически пресекая любую, даже потенциальную, возможность самого невинного естественного обретения ею соответствующего жизненного опыта. Удачный выход дворянской девушки из подросткового возраста, так или иначе воплощавшийся в «счастливом» браке, был обусловлен ее интеллектуальными поисками и общим уровнем самообразования в не меньшей степени, чем нашедшим взаимность эмоциональным и телесным влечением к близкому по возрасту молодому человеку и отсутствием контролирующей ее матери.

В некоторых случаях матери, испытавшие в своей жизни немало эмоционально-психологических ограничений и лишений, с куда большим пониманием, чем отцы или отчимы, относились к практическим опытам межполовой коммуникации своих дочерей, определяя, однако, для них границы дозволенного. Н.Н. Пушкина-Ланская писала мужу в защиту своих старших дочерей: «А теперь я возвращаюсь к твоему письму, к тому, где ты пишешь о моих девушках. Ты очень строг, хотя твои рассуждения справедливы. Кокетство, которое я разрешила Мари, было самого невинного свойства, уверяю тебя, и относилось к человеку, который был вполне подходящей партией. Иначе я бы не разрешила этого, и в этом не было ничего компрометирующего, что могло бы внушить молодому человеку плохое мнение о ней»¹⁹.

То есть речь в данной ситуации идет о контролируемой сексуальности, мера осознания которой девушкой регламентировалась извне ее матерью. При внешней заданности допустимого поведения оно трактовалось как потенциально ориентированное исключительно на матримониальный результат²⁰. Если интерпретировать кокетство не как предложение себя в качестве сексуального объекта, а как «открытие» своего тела, поиск гармонии с ним, обнаружение и освоение собственной сексуальности, компенсацию внутренней

психологической неуверенности и преодоление подавленности, то окажется, что для дворянских девушек это мог быть совсем небесполезный опыт.

В процессе социализации дворянским девушкам внушались идеи замужества и репродукции как женского «предназначения». Им прививали взгляд на себя как на объект мужского внимания, в том числе и сексуального (хотя, в большинстве случаев это выражалось эвфемистически). При этом не находит рационального объяснения тот факт, что в них сознательно блокировалось обретение и развитие собственной сексуальности. Семья, культура, общественная мораль всячески препятствовали превращению их «детских» тел в «сексуальные». Из дворянской девушки формировали женщину-ребенка, не осознающую ни своего тела, ни телесных желаний и возможностей, ни, следовательно, в полной мере собственной идентичности, соотносимой с полом.

При этом существовало принципиальное различие взглядов на брак мужчины и женщины. Если муж ожидал от «жены-ребенка» сексуальной активности и раскрепощенности (для которых нужны, как минимум, телесный опыт и эмоциональная симпатия), то она воспринимала замужество прежде всего с религиозно-нравственной точки зрения: как «поле» новых обязательств, ответственности, духовного совершенствования и, вместе с тем, заботы о себе мужа, поведения с его стороны, адекватного ее высоким устремлениям²¹. В мысленных построениях юной дворянки брак обретал черты асексуального духовного союза, основанного на эмоциональной привязанности и близости интересов, то есть наделялся характеристиками пубертатного представления о любви, не пережитой ею до брака.

При том что замужество, даже раннее, формально отождествлялось со вступлением в «зрелый возраст», оно фактически не означало «взрослости» девушки. «Все невесты, которых Пушкин намечал себе, – по наблюдению П.К. Губера, – это совсем юные существа, с еще несложившейся индивидуальностью, *мотыльки и лилеи* [Курсив автора. – А.Б.], а не взрослые женщины. Таковы Софья Федоровна Пушкина, Екатерина Николаевна Ушакова, Анна Алексеевна Оленина и, наконец, Наталья Николаевна Гончарова, которая и стала в конце концов женой поэта»²². Взросление происходило уже в браке, что усугубляло психологическую нагрузку и ограничивало разнообразие стратегий «снятия» эмоциональных потрясений и поиска себя.

Только став обладательницей брачного опыта, не всегда удачного, пережив многочисленные беременности (некоторые дворянки рожали по 15, 19, 20 раз, и даже, как жившая в Тверской губернии Агафокля Полторацкая, 22 раза), но, вместе с тем, и обретя собственное «тело», некоторые дворянки совершали «удачный» выход из подросткового периода и уже на новом уровне осознания себя вступали в более равноправные и гармоничные отношения в новом

браке. Об этом, в частности, могут свидетельствовать примеры повторных браков А.Е. Лабзиной, А.П. Керн-Марковой-Виноградской, Н.Н. Пушкиной-Ланской и других.

По отношению к своим вторым мужьям они уже не были женщинами-детьми, а воспринимались ими, как, собственно, и ощущали себя, состоявшимися зрелыми женщинами. Этому способствовало и то, что во второй брак дворянки вступали не во втором десятилетии жизни (в 13, 16, 18 лет), а в четвертом-пятом (в 32, 36, 42 года), будучи почти в 2-3 раза старше себя, впервые выходящих замуж, и то, что часто они были старше и своих новых мужей. Так, А.Е. Лабзина была на 8 лет старше второго мужа А.Ф. Лабзина (1766 – 1825), их совместная жизнь продолжалась 30 лет, на 10 лет дольше, чем с первым мужем. А.П. Керн – на 20 лет старше А.В. Маркова-Виноградского (1820 – 1879), с которым она прожила почти 40 лет, в отличие от 9 лет жизни с первым мужем. Н.Н. Пушкина в обоих браках была младше мужей на 13 лет, в первом состояла 6 лет, во втором – почти 20. Вступая в повторный брак, дворянки осознанно и самостоятельно делали свой матримониальный выбор. Не случайно этот выбор (именно как автономный выбор женщины) в ряде случаев подвергался общественному осуждению, однако женщины после 30 лет, прошедшие матримониально-репродуктивный «кликбез», уже чувствовали в себе силы пренебречь им и обладали навыками отстаивания пространства своей внутренней свободы. 39-летняя Н.Н. Пушкина-Ланская при несогласии с мнением мужа могла заявить ему, что он «говорит вздор»²³.

Переживавшиеся юными дворянками сложности отделения от матери в период девичества были обусловлены материнским контролем за сексуальностью и своеобразным социальным бессилием дочери, которая не могла воспротивиться родительской власти. Традиционное общество, слабо индивидуализированное, призвано воспроизводить себя и в демографическом, и в символическом смысле. Устойчивые ментальные схемы воспитания социальной роли, в соответствии с которой не учитывался персональный выбор, вариативные жизненные стратегии навязывали дворянским девушкам единообразие жизненного сценария.

Целью его являлось дисциплинирование репродуктивного поведения женщины в рамках отведенного ей «предназначения». Вопросы репродуктивного поведения особенно контролировались в дворянском сообществе, построенном на основе принципа недопущения мезальянсов. В такой ситуации конфликт идентичностей при переходе к «зрелости» дочери становился практически неизбежным. Обретенная матерью и обретаемая дочерью сексуальность воспринимались обеими как пространство взаимных угроз.

Множественно повторявшиеся беременности, вплоть до 22-х, должны были способствовать восприятию их дворянками как своего естественного, обычного физиологического и психологического

состояния. К дворянской культуре вполне применим вывод этнографов, справедливый вообще для традиционных культур, о том, что в них «рождение ребенка не было событием исключительным, а только одним в долгой цепи других рождений»²⁴.

Было ли оно более отрефлексированным ввиду включенности в повседневную жизнь образованных носительниц письменной культуры – вопрос спорный.

Это приводило, в частности, к тому, что дворянки вновь переживали материнство, имея уже старших дочерей, вступивших в период фертильности, а, вместе с тем, к «странным» семейным коллизиям.

Вот несколько примеров.

Старшей дочери смоленской дворянки Екатерины Ивановны Мальковской, Любови Константиновне (родилась 7 февраля 1825 г.), к моменту рождения матерью младшего сына Петра (10 июля 1846 г.) уже исполнился 21 год²⁵.

Рязанская дворянка Варвара Александровна Лихарева (1813 – 1897) родила сына Павла (28 мая 1855 г.), будучи матерью 19-летней Анны (2 января 1836 г.), которая впоследствии так и не вышла замуж и не рожала²⁶.

Псковская дворянка П.А. Вульф-Осипова (1781 – 1859) родила дочь Марью в 1820 г. в возрасте 39 лет, когда ее старшей дочери Анне Николаевне Вульф (1799 – 1857), рожденной ею в 18 лет, исполнился уже 21 год.

Ее племянница А.П. Керн (1800 – 1879) упоминала об этом факте в своем знаменитом дневнике, обращенном к Ф.П. Полторацкой. Сама она, по иронии судьбы, впоследствии также в очередной раз стала матерью в 39 лет, родив сына от будущего второго мужа и своего троюродного брата А.В. Маркова-Виноградского (он был значительно моложе ее), но формально все еще состоя в браке с Е.Ф. Керном. При этом старшей дочери, Екатерине Ермолаевне, уже исполнился 21 год, и брак ее с М.И. Глинкой в это время не состоялся. Только спустя 10 лет после вторичного замужества матери (1842 г.), в 1852 г., в возрасте 34-х лет она вышла замуж за М.О. Шокальского. Причем воспоминания А.П. Керн наводят на мысль, что в общении с М.И. Глинкой она составляла определенную конкуренцию дочери, хотя та, по-видимому, не отвечала композитору взаимностью.

Ко времени рождения тетушкой младшей дочери А.П. Керн уже имела опыт родов и материнства, тогда как ее сверстница, двоюродная сестра и подруга А.Н. Вульф не была замужем и не рожала. В словах Керн имплицитно присутствует, несмотря на, казалось бы, «обычность» и «законность» ситуации (П.А. Вульф-Осипова состояла во втором браке и находилась в детородном возрасте, верхняя граница которого условно определялась тогда 45-ю годами), мотив некоего несоответствия репродуктивного поведения тети ее принадлежности к поколению «старших женщин» в семье, символический статус которых определялся выходом за пределы детородного воз-

раста и позиционированием себя как потенциальных бабушек.

В современной жизни подобные ситуации «пересечения» репродуктивных интересов матери и взрослой дочери встречаются довольно редко и, при том что они тотально не осуждаются, вызывают непровольное удивление ввиду смещения стереотипных представлений о символических ролях: женщина, которая должна принять на себя роль «бабушки», становится «матерью».

Примером из области литературы может служить нашумевшая в 1980-е гг. в СССР повесть Г. Щербаковой «Вам и не снилось...» (экранизированная в не менее известном одноименном художественном фильме). В повести 40-летняя мать главной героини-старшеклассницы, переживающей взаимную первую любовь, стремящуюся перерасти в брак, сама недавно вторично вышла замуж по любви и решила родить второго ребенка. Разрушая советские матримониально-репродуктивные стереотипы, она, обретя наконец личное счастье, вместе с тем испытывает своеобразный «комплекс вины» не только перед окружающими женщинами своего поколения в лице нерожавшей учительницы и других родительниц, от которых ожидает осуждения, но и, что важно, перед ставшей «несчастной» дочерью, трагически переживающей препону, чинимые многими взрослыми ее взаимоотношениям с возлюбленным.

Мотив невозможности одновременного матримониально-репродуктивного благополучия матери и дочери (причем, в повести Щербаковой этот мотив отнюдь не составляет главную интригу сюжета) имеет противоречивую архетипическую природу. Если в конце XX в. «позднее» материнство женщины при наличии достигшей фертильности дочери оценивается ее ровесницами как нарушение стереотипной нормы, то в первой половине XIX в. оно, с одной стороны, воспринималось как обычная практика, а, с другой, – подлежало имплицитному осуждению, напротив, ровесницами дочери, усматривавшими в нем безотчетную угрозу репродуктивным интересам своего поколения.

В действительности, 34-х, 39-ти и даже 42-летние матери взрослых дочерей сами еще были способны родить и, как показывает практика, не стремились сменить позицию «матери», так или иначе отождествляемую с сексуальной привлекательностью, на позицию «бабушки», нередко изображаемой в качестве асексуального существа в характерном чепце.

Скрытая оценка, разделяемая молодой женщиной поколения 1800-х гг., имеет глубинные мифологические корни. В разных традициях этнографами зафиксирована своеобразная «непересекаемость» родин: помогать при родах приглашались женщины, сами уже не рожавшие и даже не жившие половой жизнью, не вызывавшие никаких ассоциаций со статусом роженицы²⁷. По словам Г.И. Кабаковой, «женщина, способная к деторождению, воспринимается как конкурентка и матери, и ребенка»²⁸.

В дворянской семье с ее внутренней иерархией и функциональностью поколений, разграничением символических ролей каждой возрастной категории, любая инверсия должна была осмысляться как символическая подмена. По сравнению с рядом других примеров, в случае с матерью и дочерью Вульф это было особенно очевидно: первая дважды побывала замужем (во второй брак с И.С. Осиповым Прасковья Александровна вступила в 1817 г., когда ее дочь от первого брака Анна Николаевна Вульф достигла 18 лет, обычного брачного возраста девушки по стандарту того времени, и именно она, казалось бы, а не мать, вдвое ее старшая, должна была выйти замуж), в разном возрасте имела детей от обоих мужей (пятерых от первого брака, двоих от второго), вторая так и не вышла замуж и детей не имела. В представлении Керн, ее тетя и «счастлива» была как бы вместо своей старшей дочери.

В этой связи симптоматичен эпизод соперничества матери и дочери за расположение А.С. Пушкина, интерпретируемый в контексте осмысления психоаналитической природы межпоколенческого столкновения «молодых» матерей с их старшими дочерьми как безотчетное и, вместе с тем, осознанное конкурентное отстаивание собственной сексуальности.

В письме к А.С. Пушкину от начала марта 1826 г. Анна Николаевна Вульф писала: «Вчера у меня была очень бурная сцена с моей матерью из-за моего отъезда. Она сказала перед всеми моими родными, что решительно оставляет меня здесь, что я должна остаться и она никак не может меня [26-летнюю дочь(!) – А.Б.] взять с собою <...> Если бы вы знали, как я опечалена! Я право думаю, как и А.К. [Анна Керн. – А.Б.], что она одна хочет одержать над вами победу и что она из ревности оставляет меня здесь <...> Я страшно зла на мою мать; вот ведь какая женщина! <...> Я не знаю, куда адресовать вам это письмо, я боюсь, как бы на Тригорское оно не попало в руки мамы <...>»²⁹.

Существенно также и то, что не только дворянские девушки не стремились к избавлению «от материнской зависимости», но и матери не спешили отпускать их от себя, порождая тем самым сложности в отношениях, особенно со старшими дочерьми.

«Столкновение между матерью и дочерью» Е. Полюда объясняет «разрушением границ между поколениями при наступлении половой зрелости дочери»³⁰. Раннее замужество матерей и, соответственно, раннее же рождение первых дочерей, разница в возрасте между ними менее 20 лет (16, 17, часто 18) приводили к тому, что в известное время и те (еще), и другие (уже) оказывались в пределах репродуктивного возраста, однако дочери воспринимали положение матерей как преимущественное по сравнению с собственным.

Неопытность, а часто и полная неосведомленность в вопросах взаимоотношения полов, жесткий социальный контроль за вербальным и сексуальным поведением незамужних девушек, действитель-

но, ставили матерей в более выигрышную позицию. Послабления допускались только в отношениях с признанным в статусе официального «жениха», которому разрешалось наносить частые визиты и даже оставаться наедине с девушкой («короткость обхождения»). Не случайно последующий отказ жениться расценивался как «безславие», «безчестие», «обезславление девушки»³¹, хотя «короткость обхождения» подразумевала часто всего-навсего разговоры с глазу на глаз без постороннего присутствия. Впрочем, и для западноевропейских женщин разной социальной принадлежности «понятие чести имело всецело гендерное содержание»³². Но даже с женихом девушка не могла переписываться без домашней «перлюстрации» ее писем материю. В.В. Кунин, например, приводит свидетельство современницы о невесте А.С. Пушкина, согласно которому «мать не позволяла дочери самой писать к нему письма»³³.

Матери могли составлять конкуренцию дочерям ввиду большей искушенности в сексуальной сфере и меньшего опасения забеременеть. Внебрачную беременность все-таки было легче скрыть, чем добрачную, и отношение к ней было более лояльным. К тому же женщинам, переживавшим многочисленные беременности, тем не менее, вероятно, из опыта были известны какие-то «секреты» избежать этого состояния. Также для взрослой, побывавшей замужем, женщины считалось допустимым более раскованное коммуникативное поведение. Не случайно и П.А. Осипова, и А.П. Керн, как явствует из писем и мемуаров, составляли, прежде всего, словесную конкуренцию своим дочерям в общении с мужчинами, проявлявшими к ним интерес.

Если в одних историях «дружество» матерей с этими мужчинами оборачивалось несостоявшимися по тем или иным причинам романами или браками дочерей, то в других – превращалось в интеллектуальное общение тещи и зятя, которому оба придавали большее значение, нежели требовали формальные отношения свойства.

О.Е. Глаголева обращает внимание на то, что А.Т. Болотов, так и не сумевший приобщить к своим интеллектуальным занятиям юную жену, нашел «товарища»³⁴ по интересам «в ее матери, Марии Абрамовне Кавериной, которая, будучи ненамного старше его, стала его первой слушательницей и советчицей»³⁵, вдобавок, по его словам, «расположившейся жить всегда неразлучно» с ними и «быть в доме... до совершенного возраста жены... полною хозяйкою»³⁶.

В условиях замкнутости усадебной жизни, ограниченности круга общения и дефицита потенциальных женихов поколение старших дочерей испытывало ощущение безотчетной угрозы своим матримониально-репродуктивным интересам (своего рода сублимированной сексуальности, поскольку сексуальность вне контекста брака и рождения детей ими не мыслилась) со стороны матерей, обладавших к тому же еще и имущественной состоятельностью. В рамках полных семей подобные переживания сохранялись на уровне архетипиче-

ски обусловленных фобий: отец, персонифицирующий мужчину, способного к браку в данном локальном пространстве (дворянской семьи), уже «занят» матерью.

В обстановке дворянской жизни с четко закрепленными семейными ролями мать и дочь невозможно представить «подругами», а их общение строилось отнюдь не «на равных». Разрешением репродуктивного соперничества оказывавшихся одновременно в пределах детородного периода еще не пожилой матери и ее взрослой дочери могло быть только еще более жесткое акцентирование существующих гендерных ролей и позиций посредством их властного маркирования.

Внутренняя мотивация «устранения соперницы» вынуждала «молодых» матерей не признавать наступившей «зрелости» старшей дочери, что выражалось в эмоционально-психологическом «сопротивлении» ее переходу из категории детей в категорию взрослых. Об этом свидетельствует усиление властного нажима со стороны матерей именно на взрослых девушек и ужесточение диктата по отношению к ним, публичная демонстрация материнской власти над дочерью как возможности произвольного манипулирования ею. Ситуация, в которой мать в присутствии всех родственников заявляет, что «оставляет» 26-летнюю дочь, так как не может «взять» ее с собой, кодирует девушку как «ребенка», как существо пассивное, лишенное собственного волеизъявления и подчиняющееся решениям родителей³⁷. При этом любое представление девушки как «малого, неразумного ребенка» всегда воспринималось особенно болезненно. Преднамеренное удержание взрослой дочери в позиции «детей» символизирует отказ матери от собственного перехода в иную возрастную и ролевую категорию, таящую для нее угрозу утраты обретенной и осознанной сексуальности.

* * *

Итак, в контексте отношений матери и дочери механизм социального конструирования гендера в период девичества явно характеризовался репрессивностью: ограничение доступа к информации (чтению, образованию), в том числе касавшейся взаимоотношений полов; жесткий контроль за акциональным и вербальным поведением и самовыражением; запрет на внепубличную устную и письменную коммуникацию с представителями мужского пола; интериоризация представлений о постыдности телесного и сексуального, вплоть до низведения сексуальных отношений до уровня недочеловеческих («скотская любовь»); предписание требований «строгости воздержания», соблюдения «девичьей драгоценности»; гендерное понимание «чести» и «славы» в отношении девушки.

Особенно важно, что, несмотря на фиксируемые женской автодокументальной традицией переживания дворянками опытов кон-

струирования собственной идентичности, им не удавалось избежать внушаемых стереотипов о жизненном пути как об «участи», в решении которой им самим отводилась пассивная роль, об отождествлении «участи» женщины с замужеством, о «счастье» девушки как о ее невинности до брака, о «предназначении» как о деторождении. Внутренняя самооценка зачастую определялась внешними требованиями и реализацией социальных ожиданий и культурных предписаний.

Наблюдается явное противоречие между ориентацией девушки на замужество и деторождение и, вместе с тем, блокированием обретения и осознания ею собственной телесности и сексуальности. В то же время запрет на сексуальное «взросление» легко объясним тем, что сексуальность женщины считалась принадлежностью не ее самой, а мужчины, чьей женой она должна была стать. Речь идет о своего рода «отчужденной» сексуальности женщины как потенциальной жены и «сексуальной собственности» (термин Рэндала Коллинза) «мужа на ее тело»³⁸ в традиционных обществах.

Как выразилась исходя из анализа антропологических данных Гейл Рубин, «женская сексуальность в идеале должна отзываться на желания других, а не желать самой и не искать самостоятельно объект удовлетворения своей страсти»³⁹. В отсутствии ритуала, легитимирующего и, вместе с тем, облегчающего переход из девичества в зрелый возраст, задача «нормативной» культуры заключалась не в том, чтобы девушка обрела себя, осознала собственную идентичность, а в том, чтобы стала «привлекательным», востребованным «матримониальным продуктом», тем, что Гейл Рубин назвала «предметом обмена»⁴⁰.

Тем самым закладывались предпосылки удержания девушки/женщины в подчиненной позиции как основы гендерного контракта, при котором сохранялись ориентация дворянок на получение преимущественно минимума образования; отсутствие профессиональной реализации; маргинализация женщин, предпринимавших внехозяйственную деятельность для обеспечения средств к существованию; осуждение добрых связей; воспроизводство традиционной модели семейно-брачных отношений со старшинством и главенством, вплоть до «деспотизма», мужа, доходившего подчас до самых крайних негативных проявлений.

Какни парадоксально, модель отношений «мать – дочь» придавала каркас прочности традиционному дворянскому сообществу. Наличие властной составляющей этих отношений предопределяло неравноправность последующих отношений в браке. Репродуктивное соперничество являлось следствием сравнительно низкого брачного возраста дворянок, воспроизводимого каждым следующим поколением. Находясь сами в подчиненном положении, матери не стремились преодолеть это, выстроив иные внеиерархические

отношения со своими взрослыми дочерьми. Напротив, они либо компенсировали на них собственную несвободу, либо пытались сохранить от них с таким трудом обретенную внутреннюю свободу. Дочери усваивали, что статус материнства несет в себе, прежде всего, властную, а не эмоциональную составляющую, и воспроизводили данный опыт отстаивания идентичности в каждом следующем поколении.

Примечания Notes

¹ Белова А.В. Репродуктивная культура дворянской семьи как предмет изучения гендерной антропологии // Миссия антропологии и этнологии: Научные традиции и современные вызовы. Москва; Ижевск, 2017. С. 266.

² Эндерлайн Э. Своеобразие французского феминизма // Преображение. Вып. 6. Москва, 1998. С. 45–46.

³ Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности: Историографический и методологический аспекты // Российская повседневность в зеркале гендерных отношений. Москва, 2013. С. 25–67.

⁴ Белова А.В. Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX века: Конфликт идентичностей // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. Москва, 2011. С. 98.

⁵ Белова А.В. Беременность в структуре российской репродуктивной культуры дворянства в XVIII – середине XIX века // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2017. № 2. С. 4–23.

⁶ Badinter E. Die Mutterliebe: Geschichte eines Gefühls vom 17. Jahrhundert bis heute. München, 1982.

⁷ Белова А.В. Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX века: конфликт идентичностей // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. Москва, 2011. С. 100.

⁸ Белова А.В. Материнство в послебрачный период: Репродуктивное поведение российских дворянок // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2016. № 2. С. 4–23.

⁹ Полюда Е. «Где ее всегдашнее буйство крови?»: Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Москва, 2003. С. 101–133; Шоре Э. «Ничего так не ненавижу на свете, как материнство...»: Конструкты женственности и попытки преодоления их в воспоминаниях Любви Дмитриевны Менделеевой-Блок // Пол. Гендер. Культура. Москва, 2003. С. 233–249.

¹⁰ Белова А.В. Девичество российской дворянки XVIII – середины XIX века: Телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2006. № 4. С. 51.

¹¹ *Полюда Е.* «Где ее всегдашнее буйство крови?»: Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Москва, 2003. С. 102.

¹² *Полюда Е.* «Где ее всегдашнее буйство крови?»: Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Москва, 2003. С. 109.

¹³ *Ковалевская С.В.* Воспоминания детства // Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. Москва, 1974. С. 35.

¹⁴ *Бекетова М.А.* Александр Блок и его мать // Бекетова М.А. Воспоминания об Александре Блоке. Москва, 1990. С. 208.

¹⁵ Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 1063. Оп. 1. Д. 137. Л. 70–71.

¹⁶ *Ахматова Е.Н.* Несколько слов о Михаиле Антоновиче Горновском // Русская старина. 1898. Т. 94. № 5. С. 405.

¹⁷ *Белова А.В.* Конкуренция матери и старшей дочери в российской дворянской культуре XIX века: Конфликт идентичностей // Конструкты национальной идентичности в русской культуре: вторая половина XIX столетия – Серебряный век. Москва, 2011. С. 102.

¹⁸ *Керн А.П.* Из воспоминаний о моем детстве // Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания о Пушкине. А.М. Гордина. Москва, 1987. С. 371.

¹⁹ «В глубине души такая печаль...»: Письма Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому // Наше наследие. 1990. № 15. С. 104.

²⁰ *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург, 2010. С. 284.

²¹ *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург, 2010. С. 267.

²² *Губер П.К.* Дон-Жуанский список А.С. Пушкина. Харьков, 1993. С. 171.

²³ «В глубине души такая печаль...»: Письма Н.Н. Пушкиной-Ланской к П.П. Ланскому // Наше наследие. 1990. № 15. С. 105.

²⁴ *Кабакова Г.И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. Москва, 2001. С. 120.

²⁵ ГАТО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

²⁶ ГАТО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 32. Л. 67, 70–71.

²⁷ *Кабакова Г.И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. Москва, 2001. С. 111.

²⁸ *Кабакова Г.И.* Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. Москва, 2001. С. 112.

²⁹ Письма женщин к Пушкину. Подольск, 1994. С. 42, 43.

³⁰ *Полюда Е.* «Где ее всегдашнее буйство крови?»: Подростковый возраст женщины: «Уход в себя и выход в мир» // Пол. Гендер. Культура. Москва, 2003. С. 105.

³¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1509. Л. 1–7об.

³² *Репина Л.П.* «Новая историческая наука» и социальная история. Москва, 1998. С. 185.

³³ *Кунин В.В.* Примечания // Друзья Пушкина: Переписка. Воспоминания. Дневники. Т. 2. Москва, 1986. С. 621.

³⁴ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Москва, 1986. С. 503, 504.

³⁵ *Глаголева О.Е.* Горькие плоды просвещения: Три женских портрета XVIII века // Социальная история: Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. Москва, 2003. С. 311.

³⁶ *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. Москва, 1986. С. 505.

³⁷ *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. Санкт-Петербург, 2010. С. 272.

³⁸ *Коллинз Р.* Введение в неочевидную социологию. Глава V. Любовь и собственность // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 119, 120.

³⁹ *Рубин Г.* Обмен женщинами: Заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 111.

⁴⁰ *Рубин Г.* Обмен женщинами: Заметки по политэкономии пола // Антология гендерной теории. Минск, 2000. С. 112.

Автор, аннотация, ключевые слова

Белова Анна Валерьевна – докт. ист. наук, профессор Тверского государственного университета
belova_tver@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности репродуктивного поведения дворянок, обусловленные спецификой гендерной социализации в условиях российского общества. Впервые в отечественной историографии модель отношений «мать – дочь» интерпретируется как репродуктивное соперничество, обусловленное воспроизводством властных иерархий в дворянской семье XVIII – XIX вв. Автор приходит к выводу, что сексуальное взросление как наиболее консервативный аспект социализации дворянок, пронизанный наследием патриархальных норм и представлений, составляло основу традиционной репродуктивной культуры представителей привилегированного сословия. Модернизация дворянского общества не затронула такую консервативную сферу, как репродуктивные отношения. Политики воспроизводства характеризовались неограниченным числом деторождений, одобряемым предпочтением мужского потомства перед женским, практически полным совпадением биологического и социального репродуктивных периодов у женщин. Следствием этого

становилось своеобразное «стирание границ» между поколениями сравнительно «молодых» матерей, не вышедших из фертильного возраста, и их старших дочерей, уже вступивших в него. Способность к деторождению уравнивала мать и дочь в репродуктивном отношении и порождала более или менее выраженную конкуренцию между ними, сдерживаемую моральными табу и властным диктатом. Репродуктивное соперничество являлось следствием сравнительно низкого брачного возраста дворянок, воспроизводимого каждым следующим поколением.

Российское дворянство, дворянка, женская повседневность, семейные отношения, репродуктивное поведение, репродуктивная культура, сексуальность, материнство, гендерная социализация, гендерная история, женская история.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Belova A.V. Beremennost v strukture rossiyskoy reproduktivnoy kultury dvoryanstva v XVIII – seredine XIX veka [Pregnancy in the Structure of the Russian Reproductive Culture of the Nobility, the 18th to the Middle of 19th Centuries.]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2017, no. 2, pp. 4–23. (In Russ.).

2. Belova A.V. Devichestvo rossiyskoy dvoryanki XVIII – serediny XIX veka: Telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost [The Maidenhood of the Russian Noblewoman in the 18th to the Middle of the 19th Centuries: Corporeality, Sexuality, Gender Identity.]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2006, no. 4, pp. 45–63. (In Russ.).

3. Belova A.V. Materinstvo v poslebrachnyy period: Reproductivnoye povedeniye rossiyskikh dvoryanok [Motherhood in the Post-Matrimony Period: The Reproductive Behavior of Russian Noblewomen.]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 2016, no. 2, pp. 4–23. (In Russ.).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Belova A.V. Konkurenciya materi i starshey docheri v rossiyskoy dvoryanskoy kulture XIX veka: Konflikt identichnostey [Competition between Mother and Eldest Daughter in the Russian Noble Culture of the 19th Century: A Conflict of Identity.]. *Konstrukty natsionalnoy identichnosti v russoy kulture: vtoraya polovina XIX stoletiya – Serebryanyy vek* [The Constructs of National Identity in Russian Culture: The Second Half of the 19th Century – the Silver Age.]. Moscow, 2011, pp. 97–117. (In Russ.).

5. Belova A.V. Reproductivnaya kultura dvoryanskoy semi kak predmet izucheniya gendernoy antropologii [The Reproductive Culture of the Noble Family as a Subject of Study of Gender Anthropology.]. *Missiya antropologii i etnologii: Nauchnye traditsii i sovremennye vyzovy* [The Mission of Anthropology and Ethnology: Scientific Traditions and Contemporary Challenges.].

Moscow; Izhevsk, 2017, p. 266. (In Russ.).

6. Belova A.V. Zhenskaya povsednevnost kak predmet istorii povsednevnosti: Istoriograficheskiy i metodologicheskiy aspekty [Women's Everyday Life as a Subject of Everyday History: The Historiographical and Methodological Aspects.]. *Rossiyskaya povsednevnost v zerkale gendernykh otnosheniy* [Russian Everyday Life in the Mirror of Gender Relations.]. Moscow, 2013, pp. 25–67. (In Russ.).

7. Cheauré, Elisabeth. “Nichego tak ne nenavizhu na svete, kak materinstvo...”: Konstrukty zhenstvennosti i popytki preodoleniya ikh v vospominaniyakh Lyubovi Dmitriyevny Mendeleevoy-Blok [“There's Nothing in the World I Hate like Motherhood...”: Constructs of Femininity and Attempts to Overcome Them in the Memoirs of Lyubov Dmitrievna Mendeleeva-Blok.]. *Pol. Gender. Kultura* [Sex. Gender. Culture.]. Moscow, 2003, pp. 233–249. (In Russ.).

8. Enderlein, Evelyne. Svoyeobraziye frantsuzskogo feminizma [The Peculiarity of French Feminism.]. *Preobrazheniye* [Transformation.]. Moscow, 1998, vol. 6, pp. 34–47. (In Russ.).

9. Glagoleva O.E. Gorkiye plody prosveshcheniya: Tri zhenskikh portreta XVIII veka [The Bitter Fruits of Enlightenment: Three Female Portraits of the 18th Century.]. *Sotsialnaya istoriya: Ezhegodnik, 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya* [Social History: Yearbook, 2003. Women's and Gender History.]. Moscow, 2003, pp. 300–323. (In Russ.).

10. Kabakova G.I. Otets i povitukha v roditelnykh obryadakh Polesya [The Father and the Midwife in the Maternity Rites of Polesye.]. *Rodiny, deti, povitukhi v traditsiyakh narodnoy kultury* [Childbirth, Children, and Midwives in the Traditions of Folk Culture.]. Moscow, 2001, pp. 107–129. (In Russ.).

11. Collins, Randall. Sociological Insight: An Introduction to Non Obvious Sociology. Oxford University Press, 1982, 174 p. [Chapter 5: Love and Property, pp. 119–148.]. = Collins, Randall. Vvedeniye v neochevidnyuyu sotsiologiyu. Glava V. Lyubov i sobstvennost. *Antologiya gendernoy teorii* [An Anthology of Gender Theory.]. Minsk, 2000, pp. 114–140. (In Russ.).

12. Poluda, Eva. “Gde eye vsegdashneye buystvo krovi?»: Podrostkovyy vozrast zhenshchiny: “Ukhod v sebya i vykhod v mir” [“Where is Her Usual Riot of the Blood?»: A Woman's Adolescence: “A Withdrawal into Herself and A Going Out into the World”]. *Pol. Gender. Kultura* [Sex. Gender. Culture.]. Moscow, 2003, pp. 101–133. (In Russ.).

13. Rubin, Gayle. The Traffic in Women: Notes on the “Political Economy” of Sex. *Toward an Anthropology of Women*. Monthly Review Press, 1975, pp. 157–210 [pp. 169–183]. = Rubin, Gayle. Obmen zhenshchinami: Zametki po politekonomii pola. *Antologiya gendernoy teorii* [An Anthology of Gender Theory.]. Minsk, 2000, pp. 99–113. (In Russ.).

(Monographs)

14. Badinter, E. Die Mutterliebe: Geschichte eines Gefühls vom 17. Jahrhundert bis heute. München, 1982, 335 p. (In German).

15. Belova A.V. “Chetyre vozrasta zhenshchiny”: Povsednevnyaya zhizn

russkoy provintsialnoy dvoryanki XVIII – serediny XIX v. [“Four Ages of Women”: Everyday Life of Russian Provincial Noblewomen, 18th – Middle of 19th Centuries.]. St. Petersburg, 2010, pp. 267, 272, 284. (In Russ.).

16. Repina L.P. “Novaya istoricheskaya nauka” i sotsialnaya istoriya [The “New Historical Science” and Social History.]. Moscow, 1998, p. 185. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Anna V. Belova – Doctor of History, Professor, Tver State University (Tver, Russia)

belova_tver@rambler.ru

The article examines the specific features of the reproductive behaviour of noblewomen in relation to gender socialization in Russian society. This is the first study in Russian historiography to interpret the “mother – daughter” relation model as a reproduction rivalry determined by power hierarchies replicated in the noble family of the 18th – 19th centuries. The author comes to the conclusion that sexual maturity as the most conservative aspect of noblewomen’s socialization imbued with patriarchal norms and ideas formed the foundation of traditional reproductive culture of the female representatives of the privileged class. The modernization of noble society did not affect such conservative sphere as reproductive relationships. Reproduction policies were marked by an unlimited number of childbirths, with male offspring accepted as preferable compared to the female one, and by an almost full coincidence between biological and social reproductive periods among women. This resulted in a certain “deletion of boundaries” between the generations of comparatively “young” mothers who did not come out of fertile age and their elder daughters who already entered into fertile age. The childbearing ability was what equated a mother and a daughter in relation to reproduction and autocracy which was reproduced in each of the following generation.

Russian nobility, noblewoman, women’s everyday life, family relationships, reproductive behavior, reproductive culture, sexuality, motherhood, gender socialization, gender history, Women’s history.

РОССИЯ И МИР Russia and the World

А.А. Попов

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ: ПРОЕКТЫ ДОЛЕВОГО УЧАСТИЯ В СЫРЬЕВОМ СЕКТОРЕ (1950-е – 1960-е годы)*

А. Попов

From the History of the Council for Mutual Economic Assistance: Share Participation Projects in the Raw-Materials Sector (1950s – 1960s)

Среди сюжетов в истории периода Холодной войны экономические отношения СССР и стран Восточной Европы традиционно оставались на периферии исследовательского интереса, а представления об этих отношениях часто основывались на идеологических стереотипах. Однако в последние годы интерес к этой проблеме значительно возрос, началось ее глубокое научное изучение.

Стали появляться публикации, посвященные истории внешней торговли СССР¹, международным отношениям СССР и европейских государств в контексте интеграционных процессов², отношений внутри Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ)³.

Новые архивные документы и анализ статистических показателей заставили пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды на отношения внутри СЭВ и Организации Варшавского Договора (ОВД) как строго иерархичные, построенные на безусловном лидерстве СССР. Как оказалось, многие важные инициативы в сфере экономической кооперации, особенно в 1950-х – начале 1960-х гг., исходили не от СССР, а от других стран «Восточного блока» – Румынии, Польши, Чехословакии. В принципе, отношения между европейскими социалистическими странами в контексте новых данных представляются весьма многогранными, а многие их аспекты

* Статья написана при поддержке гранта Российского научного фонда «Изучение опыта реализации проектов долевого участия в рамках Совета экономической взаимопомощи как инструмента интеграции экономик с высокой ролью государственного сектора» (№ 17-78-10070).

остаются не проясненными.

Историю СЭВ, как в отечественной⁴, так и в западной историографии⁵, принято делить на три этапа: а) 1949–1953 гг. – когда организация существовала только на бумаге, а отношения между странами регулировались двусторонними соглашениями, б) 1953–1970 гг. – пред-интеграционный период, когда только возникали механизмы взаимодействия между странами и формировалась нормативная база организации, в) 1971–1991 гг. – период существования СЭВ как полноценного интеграционного объединения.

В данной статье рассматривается зарождение и эволюция на втором этапе существования СЭВ одной из малоизученных форм экономического сотрудничества между странами-участницами организации – проектов долевого участия в сырьевых отраслях экономики.

Под долевыми проектами (или проектами долевого участия) здесь понимаются только производства по добыче сырьевых ресурсов, в создании и функционировании которых принимали участие две и более стран-членов, то есть в том смысле, в каком оно встречается в документах середины 1950-х гг. Целью исследования был анализ конкретных условий реализации проектов долевого участия, попыток их стандартизации и причин ограниченного внедрения этой формы кооперации в экономическую практику СЭВ.

Исследование основано на документах Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива экономики. Наиболее ценные данные были получены из фондов СЭВ в РГАЭ, которые до сегодняшнего дня остаются практически не изученными.

* * *

В первой половине 1950-х гг. завершалась перестройка восточноевропейских экономик по советскому образцу через форсированное развитие тяжелой промышленности, что вместе с общеевропейским дефицитом угля⁶ привело к обострению сырьевой проблемы. При этом после смерти И.В. Сталина отношения внутри СЭВ начали меняться. Каждая страна, которая пыталась развивать собственную сырьевую базу для энергетики и металлургии, в той или иной степени сталкивалась с необходимостью тратить крайне ограниченные капитальные ресурсы на разработку бедных месторождений. Планирование взаимных поставок ресурсов также не могло решить эту проблему, поскольку часто страны просто не выполняли свои обязательства, накапливая взаимные долги и претензии. На этот факт, к примеру, в переговорах с руководством Госплана СССР указывали делегаты из ГДР⁷.

Впервые идея создания предприятий по добыче сырья объединенными силами заинтересованных стран-членов СЭВ была представлена Н.С. Хрущевым в январе 1956 г. на Совещании руково-

дителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии (позже название встречи было изменено на «Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран»). Тогда в процессе обсуждения взаимных поставок сырья, представители Польши озвучили проблему неэффективного использования капитальных ресурсов, направляемых в некоторых странах на разработку собственных, очень бедных, месторождений железной руды, и, соответственно, дефицит средств на разработку богатых запасов угля. В целом данная проблема была характерна для большинства европейских социалистических стран, включая Советский Союз, в силу специфики плановых экономик в данный период.

Хрущев предложил рассмотреть это предложение странам, заинтересованным в разработке железорудных месторождений СССР, каменноугольных месторождений Польши и Чехословакии⁸. Однако в 1956 г. эта инициатива не могла быть реализована. В Польше начался энергетический кризис, который быстро стал общеэкономическим, а затем и политическим. Советский Союз был вынужден пересмотреть неравноправный договор с Польшей о поставках угля, а также принять ряд важных политических условий⁹.

В 1957 г. на первое место среди сырьевых проблем восточноевропейских стран вышел дефицит коксующихся углей – одного из главных ресурсов металлургии. В отличие от энергетики, где уголь частично был замещен другими энергоносителями, для данного типа ресурса не было альтернатив, при том что для коксования годился только уголь определенных марок (на польских шахтах в этот период добывались только угли марок 33 и 34, которые относились к энергетическим, а для коксования требовался уголь марки 35-37, который добывался в СССР и Чехословакии). Дефицит сырья в металлургии грозил кризисом во всех отраслях тяжелой промышленности.

Выход из сложившейся ситуации страны уже не могли найти в ходе двусторонних переговоров. Логичным шагом была постановка соответствующей задачи перед профильными Комиссиями СЭВ. Это была площадка, на которой эксперты и политики могли обсуждать варианты сотрудничества на многосторонней основе.

С 1957 г. вопросом дефицита коксующихся углей занималась Постоянная Комиссия СЭВ по угольной промышленности, торфяной и сланцевой промышленности по вопросам сотрудничества стран-членов СЭВ в развитии угольной, торфяной и сланцевой промышленности. Однако вскоре стало ясно, что в рамках одной лишь отрасли данную проблему решить невозможно. Так, руководитель советской части этой Постоянной Комиссии А.Г. Первухин писал в начале октября 1958 г. заместителю представителя СССР в СЭВ Н.М. Силуянову, что, хотя, в Комиссии «были внесены предложения для снижения дефицита в этих [коксующихся] углях. Однако,

окончательно этот вопрос остался недоработанным и дефицит в коксующихся углях по ориентировочным расчетам <...> составит, примерно 1 млн тонн ежегодно»¹⁰.

Следующим шагом было начало работы с января 1959 г. специального совещания Постоянных Комиссий по угольной промышленности и черной металлургии, нацеленного на то, чтобы преодолеть дефицит коксующихся углей, в том числе за счет изменения технологии его использования¹¹. В итоге были намечены конкретные действия, что позволило руководству организации в Протоколе XI заседания Сессии СЭВ 13–16 мая 1959 г. указать, что «в соответствии с постановлением IX сессии СЭВ, добыча углей для коксования получает преимущественное развитие, в том числе и по отдельным странам»¹².

Конкретные мероприятия были одобрены только в середине лета 1959 г. на заседании Постоянной Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области угольной промышленности¹³. Для снижения дефицита коксующихся углей предполагался обмен технологиями между странами, помощь квалифицированными кадрами, поставки специализированного оборудования, изменение торговых поставок и развитие совместных предприятий. Данный проект четко описывал объемы и формы взаимодействия между конкретными странами в двустороннем формате, часто фиксируя уже существовавшие виды кооперации.

Первые заметные проекты долевого участия, когда заинтересованная страна или несколько стран вкладывали средства в развитие или создание производственных мощностей на территории другой страны, располагающей богатыми запасами дефицитного ресурса, были согласованы именно в рамках решения проблемы коксующегося угля. Например, предполагалось развитие поставок польского угля в ГДР и Чехословакию. Причем в последнем случае ситуация была особенно напряженной, поскольку польско-чехословацкие взаимные поставки по углю с 1956 г. не выполнялись в полном объеме из-за взаимных претензий стран, польская сторона требовала выполнения обязательств по поставкам чехословацкого коксующегося угля, а чехословацкая – по поставкам польского энергетического.

Наиболее распространенным способом «помощи» одной страны другой в разработке месторождений было предоставление кредита в товарной форме, с последующим (иногда одновременным) погашением его поставками соответствующего ресурса.

Так, в 1957 г. было заключено соглашение между Польшей и ГДР о развитии добычи бурого угля на польской территории. Германская сторона, имевшая богатый опыт в добыче бурого угля, поставила машины и оборудование и выполнила проектные работы общей стоимостью на 90 млн руб. Эта сумма была зафиксирована в качестве кредита, который польская сторона должна была погасить поставками каменного угля и кокса¹⁴.

В 1958 г. Чехословакия предоставила кредит Польше в размере 56 млн руб. с целью развития добычи энергетических углей. «Из этого кредита 65 % использовалось на приобретение машин и оборудования из ЧССР, которые поставлены в период 1958–1964 гг., а 35 % использовались на покупку других товаров (стекло, арматура, мотоциклы, велосипеды, текстиль, холодильники и другие), поставленных ЧССР в период 1958–1964 гг.»¹⁵. При этом погашение кредита осуществлялось исключительно поставками каменного угля, начиная лишь с 1963 г.

Появились и совершенно уникальные для плановых экономик формы сотрудничества.

Так, в 1959 г. польские и венгерские власти договорились о создании совместного акционерного предприятия «Халдекс». Основываясь на венгерских технологиях, предполагалось получить дополнительные 5 млн тонн угля из отвалов польских шахт¹⁶. Предприятие начало работу с 1961 г., а к 1963 г. вышло на проектную мощность. При этом между сторонами добытый уголь распределялся поровну¹⁷.

Впрочем, предоставление в качестве кредита комплекса технической документации, оборудования или конкретных видов работ было ведущей формой капиталовложений в добычу сырья на чужой территории.

В отраслях, где острота противоречий между странами была не столь высока, как в угледобыче, проекты целевого кредитования появились несколько раньше. В принципе, одним из первых соглашений подобного типа было соглашение 1956 г. о строительстве в Румынии целлюлозного комбината, кредиты на которое предоставили ГДР, Польша и Чехословакия. А в 1957 г. Чехословакия предоставила 22,5 млн руб. Польше на развитие производства серы¹⁸. Но если в середине 1950-х гг. участие стран в подобных проектах носило эпизодический характер, в конце десятилетия, по мере активизации деятельности СЭВ, взаимное кредитование сферы добычи сырья становилось все более распространенным.

Опыт расширения сотрудничества стран-членов СЭВ для преодоления проблемы дефицита коксующегося угля пришелся как нельзя кстати при решении возникшего следом дефицита цветных металлов. Наиболее заинтересованной стороной в данном случае оказалась Чехословакия, развитая машиностроительная отрасль которой нуждалась в большом количестве сырья.

В 1959 г. Чехословакия предоставила Болгарии оборудования на 11 млн руб. в кредит для строительства горнообогатительного комбината «Медет» и расширения действующего медеплавильного завода им. Г. Дамянова в счет будущих (с 1965 г.) поставок меди. В 1960 г. чехословацкая сторона предоставила кредит в 34 млн руб. СССР, который должен был быть погашен, начиная с 1966 г., поставками алюминия, меди, свинца и цинка. Наконец, в 1961 г. Чехосло-

вакия выделила кредит в 112,5 млн руб. Польше на строительство трех шахт по добыче медной руды в районе городов Любин и Глогув с условием погашения кредита поставками меди с 1969 г.¹⁹.

Правительства социалистических государств направляли капиталы за границу крайне ограниченно. Активность Чехословакии в конце 1950-х – начале 1960-х гг. была экстраординарной: страна предоставила кредитов по долевым проектам на сумму более 250 млн руб., что составляло примерно 2/3 из всех средств, выделенных на аналогичные проекты в тот период.

Другим крупным кредитором была Германская Демократическая Республика. Хотя в рамках двусторонних соглашений руководство ГДР, помимо участия в строительстве упомянутого целлюлозного комбината в Румынии, кредитовало только строительство целлюлозно-бумажного комбината в г. Оряхово в Болгарии²⁰ и нефтепровода «Дружба» на польской территории²¹.

Единственным проектом, средства на который выделило больше двух стран-членов СЭВ, стало, в первой половине 1960-х гг., строительство в СССР Кингисеппского фосфоритного рудника. Кредиты на его сооружение предоставили Болгария, Венгрия, ГДР, Польша и Чехословакия на общую сумму в 42 млн руб. «в форме материалов, оборудования и других товаров». Соглашение о сотрудничестве было заключено в 1963 г., а уже с 1965 г. Советский Союз начал поставки сырья по нему²².

Очевидно, что пиком распространения совместных проектов в сфере добычи сырья был конец 1950-х – начало 1960-х гг., после чего эта форма международного сотрудничества вплоть до начала 1970-х гг. угасала. Новые проекты в сфере разработки сырья после 1964 г. практически не появлялись, за исключением предложений Польши развивать ее месторождения.

Но это не означало, что об этой форме все забыли. Наоборот, именно в середине 1960-х гг. в СЭВ началось оживленное обсуждение возможности стандартизации подобного сотрудничества.

Изменение подходов к кооперации стран-членов СЭВ впервые четко проявилось в декабре 1961 г., когда на XV Сессии СЭВ советское руководство добилось принятия «Основных принципов международного социалистического разделения труда», а затем на XVI внеочередной Сессии СЭВ попыталось (хотя и безуспешно) убедить страны «увязать развитие СЭВ с развитием народнохозяйственных планов ее членов»²³. Инициативы СССР фактически закрепляли специализацию стран в рамках социалистической экономики, что вызывало беспокойство Болгарии и Румынии, находившихся в положении аграрных аутсайдеров и терявших шансы догнать промышленно развитые страны СЭВ²⁴.

Логичным продолжением линии на укрепление формальных оснований сотрудничества социалистических стран стала разработка нормативных документов, определявших рамки взаимодействия по

конкретным направлениям. По итогам Совещания первых секретарей ЦК коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран-членов СЭВ в июле 1963 г. и XVIII сессии Совета СЭВ, в графике работ Постоянной Комиссии по экономическим вопросам на следующий год была запланирована разработка «Основных принципов сотрудничества между заинтересованными странами-членами СЭВ в развитии добычи и переработки сырья в странах, располагающих благоприятными условиями, с целью правильного распределения между странами нагрузки, связанной с развитием сырьевой базы»²⁵. Причем в Комиссии уверенно планировали подготовить документ к февралю 1964 г., а уже в мае 1964 г. представить документ на рассмотрение Исполкома СЭВ.

Как показали дальнейшие события, намеченные планы были слишком оптимистичными.

Практические сразу Постоянная Комиссия по экономическим вопросам столкнулась с целым рядом противоречий, возникших как между странами, так и между структурами СЭВ.

Когда речь шла о конкретных проектах в условиях жесткого дефицита отдельных видов сырья и дефицита капиталов, страны-члены СЭВ имели достаточные стимулы для того, чтобы участвовать в них. Но попытка перевода этих проектов на стандартизированные (пусть даже в самом общем виде) условия требовала решения нескольких важных и, с точки зрения плановой экономики, весьма трудных вопросов.

Прежде всего, плановые органы стран испытывали затруднение в определении эффективности капиталовложений в другие страны. Решением этой проблемы в СЭВ занималась Отдел методологии и экономических исследований Секретариата СЭВ и та же Постоянная Комиссия по экономическим вопросам, в рамках которой была создана специальная рабочая группа по эффективности капитальных вложений. Эта рабочая группа в ноябре 1963 г. рассмотрела «Методические положения по вопросу о применении методики сравнения экономической эффективности капитальных вложений в странах СЭВ к случаям строительства объектов, представляющих интерес для нескольких стран»²⁶.

Советская часть Постоянной Комиссии придерживалась позиции, что данный документ должен быть основой для разработки «Основных положений». Но «Методические положения» не удовлетворяли многие страны-члены СЭВ. Критические замечания по данному документу поступили от Албании, Болгарии, Румынии, Чехословакии и Польши. К 1964 г. название документа, как и его статус, изменились. В письме польской стороны от марта 1964 г. речь шла уже о «Временной методике сравнения экономической эффективности капитальных вложений в странах-членах СЭВ». При этом в письме прямо заявлялось: «Ни один из предлагаемых методов, в том числе также и предложение польской делегации, не дает

правильного и убедительного решения вопроса метода определения экономической эффективности совместного строительства»²⁷.

Расчет рентабельности капиталовложений, помимо методологических проблем, был чрезвычайно сложен в практическом плане. Среди недостатков «Основных принципов» указывалось нечеткое «разграничение между принципами расчета эффективности капитальных вложений по расширению сырьевой базы в границах одной страны и расчетами эффективности в масштабе заинтересованных стран-членов СЭВ»²⁸. При этом даже страны, располагавшие крупными месторождениями ресурсов, не всегда были готовы создавать дополнительные производства или перераспределять имеющиеся объемы.

Во-первых, к середине 1960-х гг. в странах-экспортерах важнейших видов сырья проявилась проблема рентабельности месторождений.

Особенно остро данная проблема чувствовалась в угольной отрасли СССР и Польши, где нерентабельными было большинство предприятий, при том что требовались существенные капиталовложения в развитие социальной инфраструктуры²⁹.

В этих условиях страны-экспортеры стремились возложить максимум издержек при организации новых предприятий на страны-кредиторы. Например, Польша предлагала в 1964 г. всем заинтересованным странам поучаствовать в строительстве топливно-энергетического комбината «Белхатув» и предприятий по добыче медной руды в Легницко-Глоговском медном бассейне. В последнем случае страны могли участвовать в строительстве, «если они принимают участие в покрытии всех затрат, связанных с созданием указанных мощностей, а именно затрат на геологопоисковоразведочные работы, проектирование и строительство рудников, обогатительных фабрик и металлургических заводов, а также затрат на строительство жилых, коммунальных и социально-бытовых объектов. Это участие должно быть осуществлено в форме поставок всего необходимого оборудования, в частности бурового оборудования, оборудования для проходки стволов, компрессоров, подъемных установок и других, за исключением того оборудования, которое ПНР сама производит»³⁰.

Во-вторых, страны-члены СЭВ по-разному оценивали свою обеспеченность тем или иным видом сырья.

Особую роль здесь играла специфика внешней торговли европейских социалистических стран, которая состояла из двух секторов: торговли с капиталистическими и социалистическими странами. В отличие от товарообмена внутри блока, торговля с капиталистическими странами давала твердую валюту, доступ к технологиям и дефицитным потребительским товарам, при том что набор товаров для экспорта на западные рынки был жестко ограничен³¹.

Поэтому, если страна обладала «излишком ресурсов», это не оз-

начало, что она была готова и могла предложить его именно социалистическим партнерам. По крайней мере, именно такую логику предлагала польская делегация при обсуждении «Основных принципов» еще в декабре 1963 г. указывая, что следует из «излишков» вычесть величину экспорта в капиталистические страны, которая «зависит в преобладающей мере от общеэкономического положения, в каком находятся отдельные страны, от необходимости располагать определенным объемом и ассортиментом товарооборота с этими [Капиталистическими. – А.П.] странами, а также от имеющих место ограничений в этих оборотах». Подчеркивая дискуссионный характер такого определения объема торговли, польские делегаты предлагали «принять его в качестве величины, данной извне и как не подлежащей анализу»³².

Наконец, в-третьих, существовали и бюрократические преграды.

Отдельные Постоянные Комиссии видели в разработке «Основных принципов» посягательство на собственные полномочия. Уже в апреле 1964 г. критические замечания по документу в письме заведующему Отделом методологии и экономических исследований Секретариата СЭВ А.С. Алексееву представил заведующий Валютно-финансовым отделом К.А. Ларионов. После перечисления целого ряда существенных недостатков документа, советский чиновник сделал однозначный вывод: «Было бы целесообразным, чтобы Экономическая Комиссия сосредоточила внимание на основных вопросах, касающихся методов сотрудничества стран-членов СЭВ по расширению сырьевой базы, имея в виду главным образом координацию перспективных планов развития народного хозяйства в этой области». А все вопросы «Основных принципов», которые касались «финансирования, кредитования, вытекающих из этих расчетов», необходимо было, по его мнению, перепоручить Постоянной Комиссии СЭВ по валютно-финансовым вопросам³³.

В итоге разработка и согласование проекта документа затянулись почти на два года.

Финальную точку, по всей видимости, поставило Совещание экспертов стран-членов СЭВ и Секретариата Совета по подготовке проекта «Основных принципов», проходившее с 9 по 12 февраля в Москве. Совещание фактически констатировало провал проекта.

Эксперты ГДР отказывались соглашаться с проектом, поскольку «по отдельным проблемам настоящих основных принципов, оказалось невозможным разработать общие положения по разнообразным проблемам, поскольку страны смогут принять соответствующие необходимые решения лишь по конкретному объекту»³⁴.

Эксперты Чехословакии предпочли более обтекаемые выражения. Они отмечали, что «проект <...> еще не отвечает поставленной цели и не может в настоящей форме сыграть роль методического и практического пособия для развития экономического сотрудничества заинтересованных стран в данной области». Особые возраже-

ния со стороны чехословацких и польских делегаций вызвала попытка распространения действия «Основных принципов» не только на минеральные ресурсы, но и сельскохозяйственное сырье. Эта инициатива исходила от СССР³⁵ и, очевидно, была направлена на привлечение Болгарии к участию в долевым проектах.

Вероятной причиной провала проекта стала попытка навязать странам стандартные условия соглашений о сотрудничестве на фоне снижения остроты дефицита наиболее важных видов сырья, перехода западноевропейских стран к полной конвертации валют и, следовательно, расширения торговли с ними, а также начала внутренних реформ в середине 1960-х гг. в целом ряде стран-членов СЭВ. Стандартные условия были неприемлемы и для экспортеров капитала (Чехословакии и ГДР), и для его импортеров (Польши), при том что, в принципе, в новых условиях им было чрезвычайно трудно договориться о том, кто какие издержки несет.

Проблема эта, очевидно, обсуждалась в СЭВ и после 1966 г. В августе 1967 г. Отделом сводных экономических работ Секретариата СЭВ была подготовлена «Информация о развитии и формах сотрудничества в строительстве промышленных объектов совместными усилиями заинтересованных стран-членов СЭВ». В этом документе утверждалось, что размер кредита устанавливались «в зависимости от доли импортных потребностей страны-кредитора в данной продукции», а кредиты погашались «продукцией того объекта или отрасли, на строительство или развитие которых они были предоставлены заинтересованными странами», при сроке погашения кредитов в большинстве случаев «от 6 до 10 и более лет из расчета 2 % годовых»³⁶, что являлось попыткой представить все состоявшиеся долевым проектам де-факто типовыми.

В реальности же даже на объемы кредитов влиял целый ряд факторов, в числе которых были наличие конкретных технологий, оборудования, состояние торговых балансов между странами, качество предполагаемого сырья, имеющийся опыт сотрудничества и многие другие.

* * *

Таким образом, проекты долевого участия в сфере добычи сырья как форма сотрудничества между странами СЭВ возникли в значительной степени под влиянием энергетического кризиса и дефицита важнейших видов промышленного сырья в середине 1950-х гг.

Эти факторы стимулировали сотрудничество заинтересованных стран (прежде всего Чехословакии, ГДР, Польши и СССР) по расширению производства отдельных видов ресурсов.

Однако, по мере снижения остроты дефицита и появления регулярных форм взаимодействия в рамках СЭВ в середине 1960-х гг., количество новых проектов подобного типа сократилось. Логика

развития организации требовала стандартизации практики проектов долевого участия, но в изменившихся условиях плановым экономистам нужны были дополнительные, уникальные в каждом случае стимулы для взаимных инвестиций. Поэтому первые попытки создать нормативную базу для этой формы сотрудничества провалились.

Только после принятия в 1971 г. Комплексной программы социалистической экономической интеграции интерес стран-членов СЭВ к участию в проектах долевого участия возродился. Для реализации Комплексной программы была разработана и внедрена «новая пионерная и многообещающая форма интеграции стран мирового социализма» – разработка планов согласованных интеграционных мероприятий (СПИМов) и долгосрочных целевых программ сотрудничества (ДЦПС)³⁷.

Однако теперь в сырьевом секторе эти планы и программы были сориентированы прежде всего на нефтегазовый сектор. И уже в 1975 г. советские экономисты сетовали на недостаточный уровень сотрудничества стран СЭВ в угольной промышленности, где «до сих пор не получила должного развития такая прогрессивная форма взаимного сотрудничества, как доленое участие в сооружениях промышленных объектов»³⁸, умалчивая о том, что именно в угольной отрасли эта форма и зародилась.

Примечания Notes

¹ *Sanchez-Sibony, O.* Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Cambridge University Press, 2014; *Kansikas, S.* Calculating the Burden of Empire: Soviet Oil, East-West Trade, and the End of the Socialist Bloc // *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas.* Palgrave Macmillan, 2017. P. 345–369.

² *Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: Середина 1940-х – конец 1960-х годов. Москва, 2016; *Kansikas, S.* Acknowledging Economic Realities: The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3 // *European Review of History.* 2014. Vol. 21. No. 2. P. 311–328; *Libbey, J.K.* CoCom, Comecon, and the Economic Cold War // *Russian History.* 2010. Vol. 37. No. 2. P. 133–152.

³ *Dragomir, E.* The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement // *Journal of Cold War Studies.* 2011. Vol. 14. Iss. 1. P. 34–47; *Skobelski, R.* RPL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956 – 1970 // *Kwartalnik Historyczny.* 2007. Rocznik CXIV. No. 3. P. 49–90; *Stone, R.W.* Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade. Princeton University Press, 1996.

⁴ *Широков О.Н.* СЭВ в мировой экономике: Современная оценка проблемы функционирования и значения: Вопросы истории, методологии и историографии. Москва, 2005. С. 44–61.

⁵ *Pelzman, J.* Trade Creation and Trade Diversion in the Council for Mutual

Economic Assistance: 1954 – 1970 // *The American Economic Review*. 1977. Vol. 67. No. 4. P. 720.

⁶ *Gillingham, J.* Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945 – 1955: The German and French from Ruhr Conflict to Economic Community. Cambridge University Press, 1991. P. 179.

⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 76. Д. 111. Л. 26.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 10. Оп. 1, Д. 3. Л. 46–47.

⁹ *Попов А.А.* «Угольный вопрос» в советско-польских отношениях (1945 – 1975 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2016. № 2. С. 46.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 77. Д. 297. Л. 2.

¹¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 10пп. Д. 7. Л. 1.

¹² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 1о. Д. 31. Л. 60.

¹³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 23с. Д. 7. Л. 5.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15. Д. 45. Л. 55.

¹⁵ Там же. Л. 56.

¹⁶ *Апро А.* Сотрудничество стран-членов СЭВ в экономических организациях социалистических стран. Москва, 1969. С. 80.

¹⁷ Там же. С. 84.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15, Д. 45. Л. 58.

¹⁹ Там же. Л. 57.

²⁰ Там же. Л. 58.

²¹ Там же. Л. 56.

²² Там же. Л. 58.

²³ *Липкин М.А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: Середина 1940-х – конец 1960-х годов. Москва, 2016. С. 349–351.

²⁴ *Широков О.Н.* СЭВ в мировой экономике: Современная оценка проблемы функционирования и значения: Вопросы истории, методологии и историографии. Москва, 2005. С. 52.

²⁵ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 28. Д. 27. Л. 89.

²⁶ РГАЭ. Ф. 562. Оп. 28. Д. 31. Л. 12.

²⁷ РГАЭ. Ф. 562. Оп. 28. Д. 31. Л. 32.

²⁸ РГАЭ. Ф. 562. Оп. 28. Д. 31. Л. 50.

²⁹ *Баканов С.А., Попов А.А.* Как шахтеры стали «аристократами»: Социальные эффекты развития угледобычи в СССР и Польше (1945 – 1970-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С. 93, 94.

³⁰ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15. Д. 45. Л. 57–58.

³¹ *Pelzman, J.* Economic Determinants of Soviet Foreign Trade with Eastern Europe // *European Economic Review*. 1980. Vol. 14. Iss. 1. P. 46.

³² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 28. Д. 27. Л. 133.

³³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 28. Д. 31. Л. 51.

³⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 28. Д. 65. Л. 56–57.

³⁵ Там же. Л. 58.

³⁶ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 15, Д. 45. Л. 55об.

³⁷ *Широков О.Н.* СЭВ в мировой экономике: Современная оценка проблемы функционирования и значения: Вопросы истории, методологии и историографии. Москва, 2005. С. 62.

³⁸ *Козловская С.* Особенности и роль разделения труда между странами-членами СЭВ в угольной промышленности [Глава IV] // Экономическая интеграция и совершенствование механизма сотрудничества стран-членов СЭВ. Москва, 1975. С. 140.

Автор, аннотация, ключевые слова

Попов Алексей Алексеевич – канд. ист. наук, доцент Южно-Уральского государственного университета (Челябинск)

aapopov@susu.ru

В 1950-е – 1960-е гг. возникали и исчезали различные формы экономического сотрудничества между стран Советского Экономического Взаимопомощи (СЭВ). Одной из малоизученных форм в отечественной и зарубежной историографии были проекты долевого участия в сырьевом секторе. В статье на основании ранее неизвестных документов СЭВ и Госплана СССР рассмотрены основные проекты долевого участия и попытки разработки нормативной базы для них в рамках СЭВ. Эти документы приводят к выводу, что развитие проектов долевого участия было обусловлено ситуацией на рынках важнейших для индустриализации ресурсов. В статье показано, что большая часть проектов была реализована в угледобыче и добыче руд цветных металлов, при параллельной активной работе СЭВ по устранению дефицита данных видов сырья. Проанализированы попытки стандартизации условий проектов долевого участия в документах СЭВ в середине 1960-х гг. в контексте формирования системы «социалистического разделения труда». Также проанализированы причины провала этих попыток, несмотря на общее повышение эффективности работы СЭВ. Делается предположение о том, что снижение числа новых проектов к концу 1960-х гг. и отказ от нормативного регулирования долевого участия были связаны с утратой странами-членами СЭВ экономических стимулов для подобной формы сотрудничества.

Социалистический лагерь, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), плановая экономика, сырьевая отрасль, угледобыча, экономическая интеграция, доленое участие, Н.С. Хрущев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bakanov S.A., Popov A.A. Kak shakhtery stali “aristokratami”: Sotsialnyye efekty razvitiya ugledobychi v SSSR i Polshe (1945 – 1970-e gg.) [How Miners Became “Aristocrats”: The Social Effects of Coal Mining in the USSR and Poland (1945 – 1970s)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, no. 47, pp. 87–96. (In Russ).

2. Dragomir, E. The Formation of the Soviet Bloc's Council for Mutual Economic Assistance: Romania's Involvement. *Journal of Cold War Studies*, 2011, vol. 14, no. 1, pp. 34–47. (In English).

3. Kansikas, S. Acknowledging Economic Realities: The CMEA Policy Change vis-à-vis the European Community, 1970-3. *European Review of History*, 2014, vol. 21, no. 2, pp. 311–328. (In English).

4. Libbey, J.K. CoCom, Comecon, and the Economic Cold War. *Russian History*, 2010, vol. 37, no. 2, pp. 133–152. (In English).

5. Pelzman, J. Economic Determinants of Soviet Foreign Trade with Eastern Europe. *European Economic Review*, 1980, vol. 14, no. 1, pp. 45–59. (In English).

6. Pelzman, J. Trade Creation and Trade Diversion in the Council for Mutual Economic Assistance: 1954 – 1970. *The American Economic Review*, 1977, vol. 67, no. 4, pp. 713–722. (In English).

7. Popov A.A. “Ugolnyy vopros” v sovetsko-polskikh otnosheniyakh (1945 – 1975 gg.) [The “Coal Question” in Soviet-Polish Relations (1945 – 1975)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki*, 2016, no. 2, pp. 43–50. (In Russ).

8. Skobelski, Robert. RPL w Radzie Wzajemnej Pomocy Gospodarczej w latach 1956 – 1970 [The Polish People's Republic in the Council of Mutual Economic Assistance, 1956 – 1970.]. *Kwartalnik Historyczny*, 2007, no. 3, pp. 49–90. (In Polish).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

9. Kansikas, S. Calculating the Burden of Empire: Soviet Oil, East-West Trade, and the End of the Socialist Bloc. *Cold War Energy: A Transnational History of Soviet Oil and Gas*. Palgrave Macmillan, 2017, pp. 345–369. (In English).

(Monographs)

10. Gillingham, J. Coal, Steel, and the Rebirth of Europe, 1945 – 1955: The German and French from Ruhr Conflict to Economic Community. Cambridge University Press, 1991, p. 179. (In English).

11. Lipkin M.A. Sovetskiy Soyuz i integratsionnye protsessy v Evrope: Seredina 1940-kh – konets 1960-kh godov [The Soviet Union and the Integration Processes in Europe: Mid 1940s – Late 1960s.]. Moscow, 2016, 560 p. (In Russ.).

12. Sanchez-Sibony, O. Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Cambridge University Press, 2014, 294 p. (In English).

13. Shirokov O.N. SEV v mirovoy ekonomike: Sovremennaya otsenka problemy funktsionirovaniya i znacheniya: Voprosy istorii, metodologii i istoriografii [CMEA in the World Economy: A Contemporary Assessment of the Problems of Performance and Significance: Questions of History, Methodology, and Historiography.]. Moscow, 2005, pp. 44–62. (In Russ.).

14. Stone, R.W. Satellites and Commissars: Strategy and Conflict in the Politics of Soviet-Bloc Trade. Princeton University Press, 1996, 283 p. (In English).

Author, Abstract, Key words

Aleksey A. Popov – Candidate of History, Senior Lecturer, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia)
aapopov@susu.ru

The 1950s and 1960s saw the appearance and disappearance of various forms of cooperation among the member-states of the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA). One of such forms of cooperation, so far, insufficiently explored both in Russian and foreign historiography were share participation projects in the raw-materials (commodity) sector. The article based on previously unknown documents of the CMEA and Gosplan of the USSR examines the key share participation projects and their draft regulations in the framework of the CMEA. These documents lead to the conclusion that the development of the share participation projects reflected the situation on the market concerning those resources (commodities) which were vital for industrialization. The author shows that the projects were largely implemented in coal and non-ferrous metal ores mining, with a parallel activity going on to eliminate the shortage of these raw-materials. The author analyzes the CMEA documents revealing the efforts to standardize terms and conditions in the CMEA share participation projects in mid-1960s in the context of “the socialist division of labour” system. Also, the article considers the reasons why those efforts failed, even though the total efficiency of the CMEA work increased. The number of new projects decreased by the late 1960s and the legal regulation for share participation was not effected because the CMEA member-states lost their economic interests in this form of cooperation, argues the author.

Socialist camp (Eastern Bloc), Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), planned economy, raw-materials branch, coal mining, economic integration, share participation, Nikita S. Khrushchev.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Landmarks in Human History

Д.А. Бутырин

ПОДПОЛКОВНИК А.Д. ЗАВАРИЦКИЙ И ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ВОССТАНИЕ 1907 ГОДА*

D. Butyrin

Lieutenant-Colonel Anatoliy Zavaritskiy and the Vladivostok Uprising of 1907

Имя подполковника Отдельного корпуса жандармов Заварицкого стало известно в России после того, как 15 ноября 1908 г. он был осужден Приамурским военно-окружным судом во Владивостоке.

Получив информацию об этом судебном деле, Санкт-петербургская газета «Вечер» 30 ноября 1908 г. назвала Заварицкого «провокатором», который, «желая обратить внимание начальства на свою “полезную” деятельность и не находя никаких громких дел, на которых он мог бы отличиться, при посредничестве двух своих агентов заказал печать с надписью “Владивостокское отделение партии социалистов-революционеров”, затем на книгах совершенно легального содержания, отобранных во время обыска в редакции местной газеты, приложил эту печать»¹.

«Наша газета» 8 февраля 1909 г. сообщала, что «по доносам Заварицкого пострадало 29 чел, из них 7 чел. казнены, 3 чел. осуждены на бессрочную каторгу, остальные понесли более или менее тяжелые наказания»². Подробное изложение истории подполковника было напечатано и в газете «Речь» – центральном органе конституционно-демократической партии³.

Преступной деятельности Заварицкого был также посвящен доклад В.И. Дзюбинского, депутата Государственной думы от Тобольской губернии, товарища председателя Трудовой группы, прозвучавший 11 февраля 1909 г. во время обсуждения в Думе «дела Азефа»⁴.

Так усилиями прессы и либеральной оппозиции малозаметный

* Автор выражает сердечную благодарность своему другу и коллеге, кандидату исторических наук Вадиму Львовичу Агапову, оказавшему неоценимую помощь в работе над статьей.

до того жандармский офицер был превращен в злого гения, из карьерных соображений погубившего десятки людей. 17 марта 1909 г. газета «Голос правды» опубликовала письмо осужденного на вечную каторгу Кислякова, обвиненного в изготовлении бомб, по словам которого, «благодаря г. Заварицкому сидит очень много людей, совершенно невиновных»⁵.

И этот образ злого гения и жандарма-провокатора не был клеветой, каковой являлись многие газетные «разоблачения» того времени⁶. Ведь вину подполковника признал и суд.

Однако, как это часто случается, реальная история была не такой однозначной. А использование в качестве основного источника стенограмм заседаний Думы и статей оппозиционных журналистов «на злобу дня», на которых основана наша первая статья о подполковнике А.Д. Заварицком, привело к воспроизведению во многих моментах этого образа злого гения и жандарма-провокатора⁷.

В нашей второй статье мы попытаемся воссоздать ход событий, произошедших с жандармским подполковником А.Д. Заварицким, по документам Канцелярии военного губернатора Приморской области, Департамента полиции Министерства внутренних дел и Штаба Отдельного корпуса жандармов, хранящимся в фондах Государственного архива Российской Федерации (г. Москва) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток). Эти документы, в значительной мере не известные прежде исследователям, позволили нам куда более объективно раскрыть личность А.Д. Заварицкого и осветить его действительную роль во Владивостокском восстании 1907 г.

* * *

Анатолий Дмитриевич Заварицкий происходил из дворян Казанской губернии. Родился он 16 августа 1865 г. в Казани, в семье надворного советника. Его мать – Софья Алексеевна Заварицкая, – после смерти мужа жила на его пенсию.

Семья была большой. Сестра Наталья жила при матери в Казани. Братья сделали успешную карьеру: Дмитрий – в С.-Петербурге, в чине полковника служил в Генеральном штабе, Борис – также служил в столице, на должности товарища (заместителя) директора Путиловского завода, Федор – судебным следователем Минусинского участка, Андрей – в Луганске, горным инженером на заводе Бельгийского общества⁸.

Образование Анатолий получил, закончив за счет родителей Императорский Александра II (Александровский) кадетский корпус в С.-Петербурге. Его развитию немало способствовали поездки вместе с родителями в Германию и Швейцарию.

В августе 1884 г. его приняли в 1-е военное Павловское училище, также находившееся в С.-Петербурге, что стало, согласно законам,

началом его военной службы. По окончании этого пехотного училища, 11 августа 1886 г., он был произведен в чин подпоручика и выпущен, то есть направлен на службу, в 28-й пехотный Полоцкий полк, стоявший в Тамбове. В полк он прибыл 21 сентября 1886 г.⁹

Не прослужив, однако, и четырех лет, Заварицкий подал прошение об увольнении с военной службы вследствие «расстроенных домашних обстоятельств». И 12 мая 1890 г. его уволили в запас¹⁰.

Поступив на гражданскую службу, Заварицкий получил должность секретаря Пинчовского уездного полицейского управления в Келецкой губернии Царства Польского, а затем – чиновника Келецкого губернского статистического комитета. Иными словами, гражданскую службу он сразу начал в ведомстве Министерства внутренних дел.

20 августа 1891 г. Заварицкий был принят в Отдельный корпус жандармов в чине корнета и назначен адъютантом Финляндского жандармского управления. В августе 1892 г. его произвели в поручики. С 1895 г. он служил адъютантом Бессарабского губернского жандармского управления. Затем, с 1895 по 1905 гг., он исполнял должность помощника начальника Симбирского губернского жандармского управления в Сызранском и Сенгилеевском уездах, причем в 1903 и 1905 гг. временно исполнял должность начальника Симбирского губернского жандармского управления. В декабря 1895 г. был произведен в штабс-ротмистры, через год – в ротмистры. Был награжден серебряной медалью в память императора Александра III (1896 г.), орденами св. Станислава 3-й степени (1898 г.) и св. Анны 3-й ст. (1905 г.)¹¹.

Успешную службу Заварицкого в Сызрани оборвала нелепая, но от того не менее трагическая случайность.

3 марта 1905 г. Заварицкий застрелил свою беременную сожительницу – крестьянку Евдокию Сальникову¹².

Согласно рапорту начальника Симбирского губернского жандармского управления полковника Н.Н. Ловягина, «около 6 мес. тому назад ротмистр Заварицкий познакомился с женой запасного унтер-офицера Евдокией Сальниковой, 22 лет, не живущей с мужем, и сошелся с ней по любви. Сначала они виделись в гостиницах, а потом по взаимному согласию свидания эти продолжились уже в квартире родителей Сальниковой, где он посещал ее раза два-три в неделю». Ссор между ними не было. «Он делал ей разные подарки и давал на содержание 25 руб. в месяц, и, когда узнал, что она забеременела (вскрытием установлена 5-месячная беременность), то прибавил ей 15 руб. и просил отнюдь не терять ребенка, о судьбе которого обещал заботиться, что и было известно родителям покойной. Заварицкий вообще пьет умеренно и в тот вечер был трезв». Револьвер новый, системы Смит и Вессон, трехлинейный, пятизарядный, бескурковый, с пружинным предохранителем на рукоятке он купил из-за того, что стал получать письма с угрозами,

носил его без кобуры в кармане рейтуз. 3 марта Заварицкий пришел в квартиру Сальниковой в 10 часов вечера, поговорил с ней, выпил стакан квасу, который для него всегда был приготовлен, сел на кровать и стал раздеваться. Когда он вынимал револьвер, чтобы переложить его в карман пальто, висевшего над кроватью, тот случайно выстрелил, и пуля попала в правый глаз Сальниковой. «Заварицкий взволнованно и испуганно закричал: “Господи, что я сделал!”», и сейчас же, кое-как накинув пальто на рубашку, бросился за врачом, но когда последний пришел и констатировал смерть Сальниковой, с Заварицким сделалось дурно, и он только повторял: “Господи, что я наделал!”»¹³.

На суде вскрылись подробности личной жизни Заварицкого.

Он был женат на Александре Титовне Дмитриевой, дочери отставного подполковника¹⁴. Первые два года службы в Сызрани он жил «с женой, которая, однако, вскоре его бросила, сойдясь с судебным следователем Сергеевым». Заварицкий, в свою очередь, сошелся с крестьянкой Еленой Ивановой. Хотя она родила ему троих детей, осенью 1904 г. он с ней расстался, поскольку нашел себе другую сожительницу – Евдокию Сальникова, 21 года, которая за три года до этих событий вышла замуж за запасного солдата из крестьян города Сызрани, но спустя год ушла от него и вернулась под родительский кров¹⁵.

31 марта 1905 г. Казанский военно-окружной суд своим приговором постановил считать деяние ротмистра убийством по неосторожности¹⁶. Виновному был объявлен выговор с наложением церковного покаяния¹⁷. При этом полковник Ловягин писал, что, хотя ему жаль терять ценного помощника, но Заварицкому лучше продолжить службу в другом месте, и просил Штаб Отдельного корпуса жандармов о «наивозможно скорейшем переводе его»¹⁸.

В 1905 г. ротмистр был отправлен на службу в Самарское губернное жандармское управление. Затем его перевели еще дальше – в Бакинское губернное жандармское управление на должность помощника начальника управления, где он заведовал Бакинским охранным пунктом¹⁹.

В Баку у него появилось новая любовница. Филеры Бакинского охранного пункта Михаил Хохлов и Исаак Должников жаловались, что «Таисия Колисниченко, находившаяся в близком знакомстве с бывшим заведывавшим Бакинским охранным пунктом ротмистром Заварицким, в разговоре с ним при посторонних лицах неоднократно передавала всю историю нашей службы, называла все наши фамилии, ругала нас различными скверными словами, говоря, что будто бы мы в Тифлисе наговорили на ротмистра Заварицкого и тем подпортили ему карьере...» Когда филеры сообщили самому ротмистру, что это ставит под угрозу их работу и жизни, Заварицкий, по их словам, начал их «громко ругать в присутствии чинов жандармского управления, самыми площадными словами... выразился, что он

с такими грязными мерзавцами и мошенниками не желает иметь никаких объяснений...»²⁰.

Такое поведение было недопустимо для офицера политического розыска. Заварицкий попал под наблюдение тайных агентов. Один из них, Л.П. Раковский, откомандированный в Баку в распоряжение начальника Бакинского губернского жандармского управления для составления докладов о деятельности местных революционных организаций, вспоминал впоследствии: «В своих записках на имя генерала Ширинкина и М. Гуровича я неоднократно указывал на неблагоприятные провокаторские приемы заведующего Бакинским охранным пунктом, подполковника А.Д. Заварицкого»²¹.

В отношении ротмистра в декабре 1905 г. было начато расследование. Он был отстранен от должности заведующего Бакинским охранным пунктом и в 1906 г., на время следствия, переведен в Кутаисское губернное жандармское управление. В этот раз ему удалось оправдаться, и в апреле 1907 г. он был произведен в подполковники²².

Но все же случайное убийство Евдокии Сальниковой в карьере Заварицкого сыграло роковую роль.

Если в предшествующие ему десять лет (1895 – 1905 гг.) он постоянно служил в одном месте (Симбирск и Сызрань, уездный город Симбирской губернии), то за следующие два года (1905 – 1907 гг.) сменил три места (Самара, Баку и Кутаиси), нигде не задержавшись надолго. Причем как у подчиненных, так и у начальства возникли серьезные вопросы к исполнению им служебных обязанностей и даже к самому образу жизни.

* * *

Еще в 1906 г. 41-летний подполковник Заварицкий подал директору Департамента полиции Эммануилу Ивановичу Вуичу прошение о назначении его на Дальний Восток²³.

Как можно понять из его письма сестре Наталье²⁴, решающую роль в принятии решения обратиться с таким прошением сыграли желание поправить пошатнувшееся здоровье и нужда в деньгах (служба на далекой окраине сулила высокие оклады жалованья и служебные привилегии). Должность начальника Владивостокской крепостной жандармской команды, которую первоначально получил Заварицкий, привлекала его надеждой на прочность положения и отвлечение от тяжелых воспоминаний о неудачах в личной жизни, а также на то, что больше не придется участвовать в расследовании серьезных и опасных дел, так как революция в стране явно шла на спад.

Подполковник прибыл во Владивосток 10 августа 1907 г. и поселился по адресу: Китайская улица (совр. Океанский проспект), дом 12.

Почти сразу он понял, что улучшение материальной стороны его жизни, несмотря на повышение оклада жалованья, так и останется для него несбыточной мечтой: цены оказались выше, чем его прибавка к жалованью, город вообще поразил его дороговизной всех товаров, услуг, жилья и прочего.

Служба также разочаровала. Как раз в это время был снят с должности начальник совсем недавно созданного Владивостокского охранного отделения подполковник Ю.М. Гирилович, и 28 августа Заварицкий был совершенно неожиданно для себя назначен на его место, в дополнение к своей основной должности начальника Владивостокской крепостной жандармской команды. В письме сестре Наталье он рассказывал, что возглавить охранное отделение согласился с неохотой, так как вообще не любил сыскного дела и не хотел «пачкать об него руки»²⁵. «Я бы с удовольствием бросил все и вернулся обратно, но закон этого не позволяет... Ничего не оставалось делать, как смириться и начать честно и усердно служить...»²⁶.

Подполковник Гирилович своей бездеятельностью довел агентурную работу во Владивостоке до полного развала. Комендант Владивостокской крепости генерал-майор В.А. Ирман в рапорте Приамурскому генерал-губернатору и командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту П.Ф. Унтербергеру писал, что «малоспособная деятельность подполковника жандармского охранного отделения Гириловича не могла не только обуздать и обезвредить деятельность революционных элементов в городе и в порту наезжих и местных, но даже определить, и указать на существование ее. Заблаговременно открыть и арестовать пропагандистов-агитаторов оказалось невозможным для ведшего тайную разведку жандармского подполковника Гириловича вследствие его полной неспособности к этой роли»²⁷.

Сам Заварицкий составил себе несколько иное мнение о предшественнике: «...Мой предместник был прекрасный человек, но до невероятия вялый, нерешительный и халатный, а потому служба вся шла спустя рукава; поэтому, когда я принял от него должность начальника команды и охранного отделения, то нашел в делах такой хаос, что... пришлось работать по 20-22 часа в сутки»²⁸.

Политическая обстановка в крепости также оказалась не такой спокойной, как предполагал Заварицкий.

Еще до его приезда, как отмечал в своих рапортах военный губернатор Приморской области генерал-майор В.Е. Флуг, в городе «обнаружились весьма серьезная организация преступного военного сообщества и совершенное бессилие полиции», что привело к росту революционной пропаганды и нарушениям дисциплины в войсках²⁹. Полковник 3-го Восточно-Сибирского стрелкового полка И.З. Одишелидзе 22 июля также предупреждал о возможности нового подъема революционной агитации среди нижних чинов во Владивостокской крепости³⁰.

Гирилович говорил Заварицкому, что, по его мнению, никакого восстания в крепости не будет, что это все выдумки да слухи, а вот Ирман думал иначе. В этом нет ничего удивительного: как комендант крепости, так и военный губернатор Приморской области Флуг располагали собственными агентурными службами, деятельность которых была автономной. При содействии агентов помощником коменданта крепости еще в мае того же 1907 г. были задержаны матросы Поддубский и Пожогин при попытке раздачи прокламаций нижним чинам, у которых был найден устав Владивостокской военной организации партии социалистов-революционеров³¹.

Агентура Ирмана в том же месяце оповестила военные власти о совместных митингах портовых рабочих и нижних чинов 10-го и 12-го Восточно-Сибирских стрелковых полков в Матросской слободке на 5-й Матросской улице. Число участников каждый раз увеличилось, митинги происходили в горах за Гнилым углом. Участники митингов собирали в свою общую кассу – портовые рабочие по 2 % получаемого содержания, а нижние чины и матросы платили столько, сколько каждый может. Боевая военная организация имела свою собственную типографию, где печатали прокламации. Местонахождение типографии было известно только главным членам комитета. По данным агентов, организация имела свой склад оружия, где хранятся 9 пулеметов, похищенных из складов порта, одна место его установить не удалось. Хуже того, началась подготовка вооруженного восстания. Ранее члены организации планировали поднять восстание в крепости 1 мая, и 10-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки уже заготовили патроны. Но дело не пошло, так как 9-й и 11-й Восточно-Сибирские стрелковые полки воспротивились участию в восстании. Прокламации, отпечатанные ко дню восстания 1 мая, были вывезены из Никольск-Уссурийска, а также из порта города Владивостока руководителями движения³².

В такой взрывоопасной ситуации Зварицкий первым делом увеличил штат сотрудников, куда вошли помощник начальника охранного отделения, два чиновника для поручений и Отдел наружного наблюдения, состоящий из шести сотрудников. Эти сотрудники работали по двое в Никольск-Уссурийске, Благовещенске и Хабаровске. Во Владивостоке должна была действовать секретная агентура, созданная новым начальником Владивостокского охранного отделения. Зварицкий признавал, что самая важная задача – пресечение революционной агитации в войсках – могла быть решена только с помощью тайных агентов, а их вербовка требовала осторожности и конспиративности. Для этой миссии требовались люди с либеральными взглядами или сочувствующие освободительному движению. Среди секретных сотрудников Владивостокского охранного отделения своей деятельностью выдвинулись в лучшую сторону крестьянин Илья Никанорович (или Никифорович) Демьяненко и сын коллежского

регистратора Александр Зурабович Петров. Первый был известен под оперативным псевдонимом «Буговский», второй – «Бадиров»³³.

Судя по документам, Илья Демьяненко был опытным сотрудником политического розыска. С самого момента организации Владивостокского охранного отделения в январе 1907 г. он принимал участие в работе агентуры. О его деятельности положительно отзывался в своих докладах военному губернатору Приморской области Флугу подполковник Гирилович, характеризующий агента как человека «знающего и благонадежного». В мае Демьяненко проживал в Японии, в Нагасаки, где вел наблюдательную деятельность среди русских революционеров. В революционных кругах его знали как человека лояльного освободительному движению, он имел приятельские отношения со многими революционерами, например с Борисом Оржихом. Демьяненко работал в Морском доме, помогал социал-демократам обзавестись фальшивыми паспортами для проезда по России, но никто не мог и предположить, что паспорта он получал из Владивостокского охранного отделения, и именно по этим паспортам полиция задерживала революционеров в России. Так, при его содействии по прибытии во Владивосток из Японии был арестован Алексеевский Александр Николаевич, член партии социалистов-революционеров. Благодаря деятельности Демьяненко военные власти во Владивостоке знали все о деятельности и проживании революционеров в Японии³⁴.

Одно из первых донесений секретных агентов начальнику Владивостокского охранного отделения освещало встречу выборных от социал-демократов с рабочими заводов 26 августа. Заводчики уволили со своих предприятий рабочих-агитаторов, на встрече было принято решение предъявить заводчикам ультиматум: если уволенные не будут восстановлены в должностях, то на заводах начнутся погромы и забастовки. После этих сообщений, по распоряжению Заварицкого, секретные агенты начали свою разведывательную деятельность в военном порту и крупных предприятиях Владивостока. Ознакомившись с оперативной обстановкой в городе, подполковник в докладе военному губернатору Приморской области Флугу высказал свое недовольство работой Владивостокского городского полицейского управления. Он докладывал, что среди рабочих порта появилось много лиц с поддельными паспортами, и эти люди могли быть агитаторами. Между тем, все его просьбы установить в порту в целях общественной безопасности паспортный контроль «начальствующими чинами полиции игнорируются»³⁵.

Большой переполох вызвал у военных властей доклад Заварицкого от 3 сентября о встрече социал-демократов из Владивостока с «Нагасакской группой революционной партии, на которой обсуждалась возможность проведения ряда революционных актов, как во Владивостоке, так и в других местностях»³⁶. После ознакомления с докладом военный губернатор Приморской области

Флуг отдал секретное распоряжение принять коменданту крепости Ирману все меры предосторожности, усилить охрану крепости. Но донесения секретных агентов, легшие в основу доклада начальника Владивостокского охранного отделения, все же вызывали у него сомнения. К приказу коменданту крепости он сделал приписку: «Прошу сообщить, известно ли какие-нибудь сведения, а также сообщали ли вам подобные сведения в Департаменте полиции»³⁷.

Действительно, агентурные донесения, которые попадали на стол Заварицкому, иногда имели довольно сомнительную достоверность. Так, в докладе агента от 3 сентября сообщалось о том, что в город Нагасаки на встречу с революционерами из Владивостока с целью разработки плана восстания в крепости прибыл уполномоченный московского революционного комитета. Это будто бы был «Оскар», главный агитатор беспорядков на крейсере «Памяти Азова», причастный к убийству старшего офицера. Захваченный после подавления восстания в Свеаборге, он был арестован и приговорен к смертной казни, но сумел бежать с другими 47 задержанными. Позже он якобы принял участие в московских беспорядках, где получил несколько ран³⁸.

Эта информация оказалась недостоверной. Причиной тому стала отдаленность Дальнего Востока от центра и других окраин России. Лишь спустя некоторое время было установлено, что Котихин Дмитрий Матвеевич, член РСДРП, в партийных кругах известный как «Оскар», ни при каких обстоятельствах не мог приехать в Нагасаки. Являясь членом подпольного судового комитета крейсера «Память Азова», в минувшем 1906 г. он принял участие в Свеаборгском вооруженном восстании на Балтийском флоте. После подавления восстания судом особой комиссии был приговорен к смертной казни и 5 августа 1906 г. был расстрелян в Ревеле, а затем погребен в море у острова Нарген³⁹.

В сентябре Заварицкий начал охоту за Владивостокской военной организацией партии социалистов-революционеров, которая развернула противоправительственную агитацию среди матросов и солдат Владивостокской крепости. Начались аресты агитаторов в городе. К примеру, во время в момент раздачи прокламаций партии социалистов-революционеров среди горожан полицией был задержан и доставлен в охранное отделение для дознания крестьянин Лифляндской губернии Петр Генрихович Маурат. По агентурным сведениям было установлено, что «Главный комитет Владивостокской военной организации» находится во Владивостоке, и в него входят пять человек, которые распространили через нижних чинов гарнизона подписные листы для сбора средств на борьбу от солдат и матросов Владивостокского гарнизона. Кроме того, организация имела в своем распоряжении «склад всевозможного оружия». Если верить агентуре, то 250 штук одних только браунингов было приобретено революционерами и доставлено через японского

посредника из Манчжурии. В сделке участвовал молодой человек, личность которого осталась неизвестной для агентов, как и личность матроса Сибирского флотского экипажа⁴⁰.

Эти данные стали причиной проверки среди нижних чинов армии и флота во Владивостоке, а также офицерского состава. Было задержано несколько человек за агитацию среди нижних чинов гарнизона. При допросе одного из задержанных, офицера 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, удалось выяснить место встречи революционных агитаторов и нижних чинов. Было установлено агентурное наблюдение за местом проведения таких встреч, в ходе которого было установлено, что 5 октября должна состояться встреча социалистов-революционеров с делегацией матросов от 18-ти судов военной флотилии⁴¹.

Эта событие произошло в одной из общественных столовых города Владивостока, на которой присутствовало 16 представителей от чинов флота (по одному от каждого судна), а также представители нескольких воинских частей Владивостокского гарнизона. Обсуждались на заседании такие вопросы, как недопущение суда над 1-й ротой Владивостокского крепостного минного батальона и восстание в крепости Владивосток. В тот же день были арестованы 47 нижних чинов и двое агитаторов из числа участвовавших в заседании⁴².

В начале октября ситуация в городе обострилась, и мятеж ожидался со дня на день. Военный губернатор Приморской области Флуг в рапорте Приамурскому генерал-губернатору Унтербергеру отметил, что, несмотря на задержание большого числа нижних чинов и гражданских лиц, причастных к революционной агитации, городское революционное подполье ведет подготовку к восстанию. Унтербергер в секретном приказе № 1413 от 6 октября был жесток и краток: «Углубите меры охраны и благоразумной осторожности для предупреждения покушений»⁴³.

10 октября Заварицкий прибыл с докладом к Флугу. По его словам, несмотря на то, что в оперативных мероприятиях были задействованы все чины Владивостокской крепостной жандармской команды, из-за слабого содействия со стороны полиции результаты не столь значительны. Так, отсутствовал паспортный контроль, необходимый для портового города. К примеру, рассказывал Заварицкий, был задержан подозрительный рабочий, по паспорту Говоров, прописан в городе Чита. В Читу был послан запрос, на который довольно быстро пришел ответ: данный гражданин в Чите не проживает, по адресу, указанному в паспорте, проживают другие люди. Ведется дознание. По словам Заварицкого, для того, чтобы избежать восстания в крепости, нужно «проследить, как исполняется приказ коменданта крепости о не допуске нижних чинов в питейные заведения. Те пивные, трактиры и кабаки, где чаще всего проводят свои сборища нижние чины, подлежат закрытию, поскольку именно

там их спаивают агитаторы и призывают к вооруженному мятежу против власти. Полиция слаба, она даже не пытается в этом случае задержать агитатора и доставить его в участок и опросить свидетелей, благо вечером на улице людей хватает. Но и даже в том случае, если полицейские задерживают нижнего чина в подпитии, то вопреки правилам он не доставляется на гауптвахту, а отпускается спустя какое-то время. И делается это из-за страха полицейских за свою собственную безопасность. Докладывается начальству о подобных случаях только в крайнем случае»⁴⁴.

Были у начальника охранного отделения и требования к начальству порта: «Провести проверку паспортов всех рабочих и служащих порта. Лиц, которые имеют при себе подложные документы, немедленно доставлять в крепостную жандармскую команду для дознания и установления и выяснения личности. Завести адресную книгу, будут вписаны все рабочие порта и члены их семей. Желательно выселить всех евреев из крепостного района»⁴⁵.

14 октября комендант Владивостокской крепости провел экстренное совещание, на котором присутствовали командир Владивостокского крепостного минного батальона полковник В.И. Жигалковский, военный губернатор Флуг и подполковник Заварицкий. Ирман отметил, что ситуация в крепости сложная: «Усилился напор на войска революционной пропаганды. Несмотря на меры тщательного наблюдения и охраны – в чем была заслуга нового начальника охранного отделения – время упущено». По словам начальника охранного отделения, основанным на агентурных сведениях, 21 октября «предполагалось активное выступление революционных элементов», которые решили использовать факт предания суду нижних чинов 1-й роты Владивостокского крепостного минного батальона как повод к возбуждению гарнизона крепости к вооруженному восстанию. За охрану общественного порядка поручились начальник Владивостокского охранного отделения Заварицкий и Владивостокский полицмейстер Г.И. Лединг, которые, посоветовавшись, решили, что суд над минерами является малоизвестным фактом для горожан, и массовые беспорядки вряд ли возможны. Но ближе к дате восстания было решено усилить патрулирование в городе и в порту. Комендант поручил начальнику инженеров крепости полковнику Жигалковскому принять все меры для того, чтобы избежать «мятежа в войсках»⁴⁶.

15 октября агент Бадилов донес Заварицкому, что накануне в бухте Диомид члены партии социалистов-революционеров «Надя», «Александр» и четверо других переправятся, чтобы вызвать восстание среди чинов минного батальона⁴⁷. В этот день для охраны порядка в расположение Владивостокского крепостного минного батальона прибыли 1-я и 9-я роты 10-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Однако такая мера не предотвратила революционное выступление.

Нападение революционного боевого отряда на расположение минного батальона в ночь на 16 октября стало неожиданностью для военных властей. Солдаты пулеметным огнем обратили революционеров в бегство, на поле боя остался лежать один убитый. Полковник Жигалковский, допустивший факт проникновения революционных агитаторов во вверенный ему гарнизон, был смещен с занимаемой должности. Начальником гарнизона в районе расположения минного батальона был назначен полковник С.М. Рацул⁴⁸.

Утром воинские команды устроили облаву в бухте Диомид, было задержано несколько человек, которые при виде солдат попытались скрыться. В одном из задержанных солдаты опознали одного из нападавших, который был доставлен в город и допрошен. Так Заварицкому стало известно, что убитым оказался некто «Александр», проживавший во Владивостоке по подложному паспорту бывшего студента Юрьевского университета Топникова. Этот человек был уже давно знаком подполковнику по агентурным рапортам: «Александр» руководил «Владивостокской военной организацией», которая призывала к объединению нижних чинов частей гарнизона крепости и морских команд, к вооруженному мятежу⁴⁹.

* * *

Между тем, события во Владивостоке стремительно развивались.

16 октября около 12 часов рабочие Владивостокского порта, побуждаемые прибывшими в порт агитаторами Ивановым и Терещенко, прекратили работы. Несмотря на протест чинов портовой администрации, 400 рабочих вышли из порта с красными флагами и с пением революционных песен направились к казармам Сибирского экипажа, где располагались матросы и солдаты 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, которые должны были, как было договорено на собрании 5 октября, снабдить рабочих оружием. Рабочих встретил у главных ворот прапорщик Соколовский, который отказался пропустить их во двор. Заметив, что из ближайших второстепенных ворот начинают выходить матросы с криками «ура» и кидая вверх шапки, то есть явно намереваясь присоединиться к толпе, прапорщик Соколовский выхватил револьвер и угрозами загнал их обратно, успев запереть их. Техник Введенский и мастеровой Зеленков стали читать революционные прокламации, призывая матросов и солдат присоединиться к восстанию. Соколовский вызвал взвод 12-го полка, призвал толпу разойтись, предупредив, что иначе солдаты откроют огонь на поражение. Люди пошумели, но разошлись.

В тот же день Введенский, Зеленков, Иванов и Терещенко были арестованы. На улицах города появились патрули, что позволило

избежать в дальнейшем уличных беспорядков и волнений, даже тогда, когда 17 октября революционно настроенные матросы захватили миноносцы «Скорый», «Сердитый», «Бодрый» и «Тревожный». «Сердитый» и «Тревожный» вскоре были освобождены от восставших, а миноносец «Скорый» открыл огонь по дому губернатора и другим административным зданиям, но был обстрелян миноносцами, сохранившими верность правительству. Войска подавили восстание. Все рабочие военного порта были уволены, а участники восстания арестованы⁵⁰.

В городе было введено осадное положение⁵¹.

18 октября в подвале одного из домов по Суйфунской улице, близ Владивостокского городского полицейского управления, сотрудники полиции обнаружили склад бомб, о котором стало известно из донесений внедренных в революционное подполье агентов, которыми руководил Заварицкий. Ими же была обнаружена секретная лаборатория в доме Кордеса на углу Светланской и Посьетской улиц, где, как установили эксперты, были изготовлены взрывные устройства⁵².

В те тревожные дни военный губернатор Приморской области Флуг подписал приказ № 2046: «Коменданту Владивостокской крепости. Приказом нашего превосходительства № 395 Владивостокская городская полиция по части сыска подчинена подполковнику Заварицкому, оставаясь в остальных отношениях подчиненного мне. Исходя из соображения, что такое двойственное подчинение вообще может явиться источником недоразумений, и, имея в виду, что положением об управлении крепостями усмотрено полное подчинение полиции коменданту крепости не только по состоянию осадного положения, но и на военном положении, считаю долгом об изложенном донести нашему правительству»⁵³.

Это распоряжение вызвало недоумение у Владивостокского полицмейстера Лединга, который 19 октября обратился к Флугу с рапортом: «Я ходатайствую перед вашим превосходительством о разъяснении, может ли полиция производить обыски по поручениям и требованиям полицейского надзора и следственных властей по всем делам и самостоятельные обыски по делам не политического характера без ведома подполковника Заварицкого. Или в каждом отдельном случае надо испрашивать распоряжения по сему делу?»⁵⁴.

Флуг, ознакомившись с рапортом полицмейстера, разъяснил Ледингу: «...Полиция может проводить обыски по требованиям судебных властей и по делам не политического характера, сообщая лишь об этом подполковнику Заварицкому для сведений»⁵⁵.

Сотрудники Владивостокской полиции и охранного отделения выдворяли из города всех безработных и лиц, не имеющих паспортов. В короткие сроки был создан адресный стол при Владивостокском городском полицейском управлении. В порту начала работать комиссия для выработки правил приема рабочих, дающих гарантию

их политической благонадежности.

29 октября полицейские по приказу Заварицкого арестовали рабочих порта, подозреваемых в деятельности противоправительственной организации. Об этой операции начальник охранного отделения доложил военному губернатору на следующий день: «Ввиду полученных агентурным путем сведений, что в мастерских военного порта должны храниться переписка, оружие и взрывчатые снаряды, принадлежавшие Владивостокской военной организации, вчера во всех мастерских военного порта был произведен самый тщательный обыск. В слесарно-механической мастерской был найден портфель нелегальной литературы, списки книг, кои распространялись организацией, списки лиц, кто занимался их распространением, чертежи двух образцов бомб и печать «Главного комитета Владивостокской военной организации». Портфель хранился в запертом шкафу, который при обыске был взломан. В виду указания, что этим шкафом пользовались нижеследующие лица: токаря Величевский, Калатушкин, Черняк, Томашенко, Лобода, были приняты меры по их задержанию. В артиллерийской мастерской найдены переделанные трехлинейные винтовки и револьверы, литература. В литейной мастерской найден ящик с патронами к вышеуказанным винтовкам, коробка с порохом и нелегальная литература»⁵⁶.

Вечером того же дня порт возобновил работу. Был закрыт Народный дом, запрещены собрания и деятельность общественных организаций. Полиция закрыла также значительное число трактиров, пивных и лавочек⁵⁷. Владивосток успокоился.

* * *

В ноябре 1907 г. под руководством военного прокурора Приамурского военно-окружного суда генерала Игнатьева началось следствие по делу о «беспорядках»⁵⁸.

Заварицкий позднее писал сестре, что «все начальство... были все время в восторге от моей беззаветной и энергичной службы»⁵⁹. Действительно, комендант Владивостокской крепости генерал Ирман в своем рапорте Приамурскому генерал-губернатору и командующему войсками Приамурского военного округа назвал подполковника Заварицкого главным помощником по раскрытию подпольной революционной атаки, подчеркивая его «выдающуюся энергию, смелость и разумную деятельность»⁶⁰. В телеграмме от 21 октября он хвалил Заварицкого и ходатайствовал о его награждении⁶¹. И в ноябре того же 1907 г. начальник Владивостокской крепостной жандармской команды был награжден орденом св. Владимира 4-й ст.⁶²

И в том же месяце, ноябре, произошел случай, отраженный в документах Владивостокского охранного отделения как «Дознание

по делу смертного приговора начальнику Владивостокской крепостной жандармской команды подполковнику Заварицкому и гроба». Дознание вел подполковник Глиноецкий.

Как показало дознание, неизвестным молодым человеком 13 ноября в 2 часа дня в столярной мастерской Дзегоржака был заказан гроб. В 8-м часу вечера молодой человек, придя с китайцем носильщиком, забрал гроб, который его указанию был принесен к штабу крепости. «Около штаба упомянутый молодой человек, остановив мальчика китайца, передал ему конверт на имя подполковника А.Д. Заварицкого, в котором оказался вышеупомянутый смертный приговор. Китаец мальчик тогда же скрылся, а принесший его гроб по опросе опущен». Заказавший гроб молодой человек так и не был найден. Дознание установило, что приговор был подписан «Главным комитетом Владивостокской военной организации»⁶³.

Самим Заварицким этот случай описан так: «В семь часов вечера 13 ноября 1907 года около штаба крепости были задержаны два китайца-носильщика, один из них имел при себе письмо, заключавший в себе смертный приговор мне от “Главного комитета Владивостокской военной организации”, печать которого имеется под приговором, а другой с большим черным гробом»⁶⁴.

Последнее распоряжение Заварицкого на посту начальника Владивостокского охранного отделения – протокол № 301 от 23 ноября 1907 г. об обнаружении и изъятии революционных прокламаций в городе Владивостоке⁶⁵.

7 декабря он установил личность убитой на миноносце «Нади»: она была опознана в Чите по высланной подполковником фотографии. «Надей» оказалась мешанка города Канска Сарра Ааронова, сидевшая в тюрьме под именем Марии Масленниковой⁶⁶.

* * *

Несмотря на вроде бы успешную деятельность в качестве начальника Владивостокского охранного отделения, Заварицкий неоднократно подавал директору Департамент полиции Министерства внутренних дел ходатайство об «освобождении его от исполнения обязанностей по этой должности вследствие обременения его делами по занимаемой им штатной должности начальника Владивостокской крепостной жандармской команды»⁶⁷.

19 октября, вскоре после владивостокского восстания, в Департаменте полиции было решено «для надобностей политического розыска» назначить начальником Владивостокского охранного отделения отставного коллежского асессора Губского⁶⁸.

Николай Иванович Губский был опытным и повидавшим виды полицейским чиновником. Он прослужил 18 лет, когда 21 июня 1905 г., будучи помощником Белостокского полицмейстера, «был ранен

брошенным в него разрывным снарядом (в обе ноги, в пах и правую лопатку)»⁶⁹. По его собственным словам, он получил 14 ранений, потребовавших длительного лечения и выхода в отставку⁷⁰. Но в 1907 г., восстановив до некоторой степени здоровье, Губский пожелал продолжить полицейскую службу и был причислен к Санкт-Петербургскому районному охранному отделению в качестве вольнонаемного, так как не желал лишаться получаемой им пенсии в 900 руб.⁷¹

Таким образом, официально к моменту назначения во Владивосток он значился находящимся в отставке.

К новому месту службы он первоначально должен был отправиться уже 23 октября⁷², но деньги на проезд до Владивостока (1 500 руб.) были выделены только в начале ноября⁷³, поэтому отъезд состоялся, вероятно, в это время. Во Владивосток поездом через всю страну из С.-Петербурга Губский прибыл к началу декабря, чем и освободил подполковника Заварицкого от обременительных обязанностей.

Впрочем, как оказалось вскоре, Николай Иванович и Анатолий Дмитриевич между собой не поладили.

* * *

Губский, приступив к исполнению обязанностей начальника Владивостокского охранного отделения, установил наружное агентурное наблюдение за лицами, находящиеся в подозрении к причастности к революционному движению. Результаты не заставили себя долго ждать.

Так, на основании агентурных данных в ночь на 8 декабря был проведен обыск в доме № 147 в Нахальной слободке. Было обнаружено большое количество печатных изданий Владивостокской группы РСДРП, мимеограф (аппарат для размножения машинописного текста), оригинал воззвания группы, нелегальные паспорта и отчеты о деятельности группы. Проживающие в доме служащие Народного дома Прохор Иванов и Ефимий Мельничук, а также Иван Кузьмин и Иван Бахерник были арестованы и заключены в тюрьму⁷⁴.

А вскоре настала очередь самого Заварицкого. Несчастье свалилось на Анатолия Дмитриевича, как говорится, как снег на голову.

Свидетельскими показаниями сотрудников охранного отделения Буговского (он же Демьяненко) и Бадилова (он же Попов) Заварицкий был уличен в «неприятии мер предупреждения тяжкого государственного преступления, о подготовке которого они заблаговременно представляли ему устные и письменные доклады» (3 ч. 643 ст. Уголовного уложения), и 20 декабря 1907 г. был привлечен к дознанию. В его квартире был проведен обыск, а 22 декабря он был заключен под стражу на Владивостокской крепостной гауптвахте⁷⁵.

Из письма министра юстиции И.Г. Щегловитова министру внутренних дел П.А. Столыпину видно, что уголовное дело против Заварицкого было возбуждено по приказу коменданта Владивостокской крепости Ирмана «по обвинению его в учинении ряда подлогов по службе при содействии агентов того же отделения Ильи Буговского и Александра Бадинова». Расследование проводил прокурор Владивостокского окружного суда (гражданского) полковник Е.В. фон Франкенштейн, который постановил привлечь Заварицкого, Буговского и Бадинова к дознанию в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства⁷⁶.

Полковник Евгений Владимирович фон Франкенштейн не совсем подходил для правоохранительной деятельности. И вот почему: как отзывались о нем сослуживцы, он был нечист на руку по отношению к различным офицерам. Кроме того, на него командиру Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенанту барону Ф.Ф. фон Таубе 18 октября 1907 г. поступила жалоба со стороны военного ведомства: дескать, полковник фон Франкенштейн не оказывает администрации содействия в деле борьбы с революцией. Военный губернатор Флуг в своем донесении фон Таубе также привел «ряд фактов, подтверждающих отношение Франкенштейна к возложенным на него обязанностям». Так, в тюрьме содержался некто Галич, замешанный в деле «военной организации» и арестованный по распоряжению Флуга 19 сентября. «Несмотря на то, что дело это передано прокурором Е.В. фон Франкенштейну еще 17 октября и что ему было сделано напоминание об истечении месячного срока, Галич до настоящего времени остается не опрошенным и никакого постановления о нем не состоялось, – писал военный губернатор, – вследствие чего он подлежит освобождению из тюрьмы. Последнее следует признать опасным ввиду произошедшего на днях во Владивостоке бунта в войсках и флоте, поднятыми агитаторами из гражданских лиц. При таком отношении к делу дальнейшее пребывание полковника Е.В. фон Франкенштейна на занимаемой должности признаю вредным и ходатайствую о безотлагательной замене его более соответствующим лицом»⁷⁷.

Но, очевидно, заменить нерадивого прокурора было не кем, и он продолжал занимать свое место.

Прежде чем излагать обстоятельства, которые прокурор фон Франкенштейн посчитал основанием для ареста Заварицкого и изложил в своем постановлении, сделаем одно замечание. Для офицера и чиновника Министерства внутренних дел Российской империи лишиться должности и даже самому оказаться посаженным в тюрьму, было не столь уж и сложно. Об этом, в частности, убедительно свидетельствует история, произошедшая в 1910 г. с хабаровским полицмейстером Л.П. Тауцем: он был уволен министром внутренних дел Столыпиным и отдан под суд вследствие обвинений в должностных преступлениях, которые не совершал.

И это потом установил суд, признавший бывшего полицмейстера невиновным⁷⁸.

Итак, секретные сотрудники Владивостокского охранного отделения поведали следствию, как стали жертвами провокационной деятельности Заварицкого. Буговский (Демьяненко) вошел в местную организацию партии социалистов-революционеров и стал доносить об их действиях членов партии, прося установить за ними наружное наблюдения. Однако, согласно его показаниям, «никакого наружного наблюдения за указанными в его донесениях лицами не устанавливалось, ибо в действительности лиц для наблюдения в Отделении не имелось, хотя по делопроизводству Отделения таковые числились». По словам Бадинова (Попова) в конце сентября или начале октября он докладывал, что «на митингах и частных конспиративных квартирах революционных деятелей идут деятельные приготовления к вооруженному восстанию с участием в нем чинов владивостокского гарнизона», но «подполковник Заварицкий не принял своевременно никаких мер, говоря Бадинову, что у него нет ни людей, ни средств для наружного наблюдения, что просить об этом по начальству он не желает, ибо у него и так много дел и потому еще, что вскоре приедет новый начальник Отделения, который и сможет все это устроить»⁷⁹.

Правдоподобие этим показаниям придает то обстоятельство, что, Заварицкий, как известно из его письма сестре, тяготился делами политического розыска, и просил заменить его в должности начальника охранного отделения другим лицом. Хотя к середине октября вопрос о преемнике в Департаменте полиции еще не был решен, подполковник, вероятно, действительно связывал с его приездом надежды на облегчение своего служебного положения.

16 октября действительно произошло восстание. После этого подполковник, «призвав к себе агентов Бадинова и Буговского, объяснил им, что он сильно опасается ответственности за допущенное им бездействие власти и... просил их помочь ему выпутаться из этого положения и указал, что, с целью избавиться от грозящей ему ответственности, ему следовало бы теперь же произвести ряд действий, которые, увенчавшись блестящим успехом, засвидетельствовали бы в глазах начальства его действительное усердное отношение к обязанностям его службы, его бдительность и энергию... Поясняя далее свою мысль, подполковник Заварицкий объяснил им, что он придумал уже несколько таких деяний и что для выполнения их ему и требуется их помощь». «Деяния» состояли в изготовлении бомб и фальшивой печати «Главного комитета Владивостокской военной организации», подбрасывании нелегальной литературы во время обысков, устроенных по данным ему задним числом агентурным донесениям. Такими способами предполагалось «искусственно создавать как бы ликвидацию известных ему членов преступного сообщества».

На деньги Заварицкого Бадиров купил револьвер и 10 фунтов пороха, Буговский заказал в китайской лавке четыре жестяные оболочки, купил в аптеке необходимые принадлежности и изготовил шесть бомб. Пять бомб они отвезли в дом 10 по Суйфунской улице и спрятали под лестницей, а 6-ю Бадиров положил у крепостной гауптвахты. 17 октября Буговский заказал печати «Главного комитета Владивостокской военной организации». Этими печатями была проштампована нелегальная литература, конфискованная ранее у Маколдина. 18 октября Заварицкий «нашел» бомбы. Затем Бадиров в форме жандармского унтер-офицера подбросил Мироненко нелегальную литературу с фальшивыми печатями. Был подделан список революционных рабочих, подброшенный во время обыска в порту. Также были сфальсифицированы письма с угрозами командиру порта и самому Заварицкому, доставленные китайскими кули в гробу, заказанном Буговским⁸⁰.

На гауптвахте бывший начальник охранного отделения был настолько изолирован от окружающего мира, что даже свой рапорт в Штаб Отдельного корпуса жандармов смог передать только через проживавшего в С.-Петербурге брата Дмитрия, полковника Генерального штаба, которому отправил его личным письмом⁸¹. По мнению Заварицкого, дело против него было возбуждено новым начальником Владивостокского охранного отделения Губским и прокурором Владивостокского окружного суда А.А. Шульцем, а полковник фон Франкенштейн «лишь безучастно присутствовал и подписывал протоколы». Свою вину подполковник не признал. По поводу обвинения в непринятии мер против готовившегося восстания он писал, что принял должность начальника охранного отделения лишь в августе и не успел еще изучить всю обстановку. Донесения о готовящемся восстании он получал, но названная агентами дата (21 октября) была более поздней, чем та, когда оно фактически произошло. Что же касается фабрикации улики, то это деяние он называл делом рук Буговского и Бадинова⁸².

В другом письме, адресованном сестре Наталье в Казань и уже упоминавшемся, он выразил свое отношение к произошедшему такими словами: «Я должен передать тебе всю картину во всей полноте того страшного горя, что вдруг неожиданно постигло меня благодаря черной неблагодарности и гнусной клевете...» В его версии, склад бомб он обнаружил по сообщению Буговского и Бадинова, и именно по их же показаниям были арестованы Мироненко и Маколдин. Участие в заговоре против него Губского он объяснял завистью: якобы, когда в конце ноября Губский прибыл во Владивосток, комендант крепости Ирман поставил ему Заварицкого в пример, сказав, что тот должен учиться у него, Заварицкого, как бороться с революционерами. Потому-то, дескать, новый начальник охранного отделения и стал злоумышлять против своего предшественника⁸³.

Конечно, самооправдания обвиняемого не являются доказательством его невиновности.

Однако доклады начальника Владивостокского охранного отделения, например за 10 октября 1907 г., говорили о деятельности революционеров и подготовке их к восстанию. Слова Заварицкого о том, что у него недостает средств для наружного наблюдения, подтверждаются и военным губернатором Приморской области Флугом.

Флуг многих своих отчетах указывал, что Департамент полиции отпускал на нужды всей областной полиции 18 тыс. руб. в год, но этого было мало и необходимы большие «денежные средства, без которых борьба с подпольной деятельностью революционеров не может иметь успеха». 31 августа 1907 г. «ввиду необходимости более успешной борьбы с усиливающимся революционным движением в пределах Восточной Сибири, сенатор Макаров призвал организовать дело политического розыска в Приморских и Амурских областях, которые входят в сферу деятельности охранного Владивостокского отделения и ассигновать дополнительный кредит 30 080 рублей». Из той же суммы на содержание секретных сотрудников выделено 7 200 руб. Но эти деньги были перечислены только по сентябрьской смете, за считанные дни до восстания, и вполне возможно, что Заварицкий действительно не сразу смог получить к ним доступ⁸⁴.

О готовящемся в крепости восстании Попов действительно доносил начальнику охранного отделения, но, как и писал Заварицкий, оно назначалось на 21 октября, и эта дата была озвучена на совещании 14 октября. О том, что выступление перенесено на 16 октября, никаких предупреждений не поступало, и неудивительно, что оно застало власти врасплох⁸⁵.

Что же касается фабрикации улики, то, например, если агентами и был сфальсифицирован список революционных рабочих, подброшенный во время обыска в порту, то в порту действительно имелся склад Владивостокской военной организации, хранивший оружие (винтовки, револьверы и патроны к ним) и нелегальную литературу, которые никак не могли подбросить двое агентов.

Документы канцелярии военного губернатора свидетельствуют, что осенью 1907 г. секретные сотрудники Владивостокского охранного отделения имели полную свободу действий. Владивостокский полицмейстер Лединг 18 ноября писал военному губернатору Флугу: «Доношу вашему превосходительству, что за последнее время среди китайского населения города производятся обыски, причем руководители и инициаторы этих обысков являются чины охранного отделения. Цель и результаты этих обысков остаются для меня тайною, а, между прочим, руководители этих обысков требуют от полиции содействия и предоставление в их распоряжение городских. В общем, я должен сказать, что для меня является непонятными обыски охранного отделения среди китайцев, так как между ними,

полагаю, нет политических преступников»⁸⁶. Военный губернатор на это ответил так: «Чины охранного отделения объявляют себя действующими по приказанию военного коменданта крепости, но письменных распоряжений не предоставляют за неимением таковых. Сделать распоряжение по полиции об отказе в содействии таким агентам и чинам, во избежание с их стороны различных жалоб, считаю невозможным в настоящее время. Но вместе с тем опасаясь возможных осложнений и различных недоразумений, а со стороны некоторых и злоупотреблений при обысках, ходатайствую об установлении общепринятого порядка обысков»⁸⁷.

Так что секретные агенты вполне могли действовать произвольно, на свой страх и риск.

Подполковнику Заварицкому были предъявлены обвинения по части 3 статьи 643 Уголовного уложения (непринятие мер) и статьи 362 Уложения о наказаниях (предусматривавшей ответственность за подделку подписи, вымышленные свидетельские показания, сокрытие правды в рапортах и докладах). В виновности подполковника в письме Столыпину от 30 января 1908 г. впервые выразил сомнение министр юстиции Щегловитов, хотя это касалось только обвинения по 362 статье⁸⁸.

Откровенно и профессионально высказался подполковник Модин, выступивший, вероятно, в качестве эксперта: «В этом эпизоде весьма ярко выступает неопытность подполковника Заварицкого в деле розыска. Его ловко провели два недобросовестных сотрудника в надежде на хороший заработок, а когда явился новый начальник Охранного отделения, и Бадиров, и Демьяненко побоялись, что их проделка обнаружится, забежали вперед и всю вину свалили на подполковника Заварицкого»⁸⁹.

Не поверил в виновность Заварицкого и его прямой начальник – командир Отдельного корпуса жандармов генерал-лейтенант барон фон Таубе. 4 апреля 1908 г. он написал женатому на падчерице Щегловитова директору Департамента полиции М.И. Трусевичу: «Я не усматриваю никаких документальных доказательств, кроме показаний также привлеченных к следствию, в качестве обвиняемых, бывших филеров Демьяненко и Бадирова»⁹⁰. Эту мысль он повторил в письме коменданту Владивостокской крепости от 18 июля 1908 г., в котором посчитал все обвинения недоказанными⁹¹.

Возможно, определенную роль в формировании такого благоприятного для Заварицкого мнения фон Таубе сыграл военный губернатор Приморской области Флуг, попытавшийся защитить опального жандармского офицера. В письме директору Департамента полиции Трусевичу в январе 1908 г. он давал Губскому нелестную характеристику: «Считаю своим долгом сообщить, что вновь назначенный начальник охранного отделения Губский главным образом обращает свое внимание не на наблюдения за деятельностью преступного элемента, а на предшествующую ему

деятельность чинов жандармского корпуса. Причем, как человек новый, прибывший в такое тяжелое время, он не внес в свои действия большого такта и хороших отношений, но и сразу повел себя настолько вызывающим образом, что сразу обострил отношения со всеми людьми, с которыми ему приходило сталкиваться. Что касается службы, не могу составить о ней положительного мнения»⁹².

Несмотря на столь явно выраженную позицию столичного начальства, следствие по делу Заварицкого было продолжено. Причем были привлечены и оба агента, которым было предъявлено обвинение по статье 294 Уложения о наказаниях (составление подложных официальных бумаг). Демьяненко и Попов также были посажены под арест.

28 июля 1908 г. арестованный секретный сотрудник Владивостокского охранного отделения Буговский (И.Н. Демьяненко) подал директору Департамента полиции Трусевичу прошение. Он писал: «Я провалился в партии не по своей вине, а по вине моего начальника». Это написано уже о новом начальнике Владивостокского охранного отделения Губском. По словам Буговского, он донес о преступных действиях Заварицкого, но Губский, вместо того, чтобы тайно сообщить об этом вышестоящему начальству или военным властям, «вынес сор из избы», передав дело гражданскому прокурору. Прося выдать ему жалованье и позаботиться о нем, агент умолял: «Оборванный, без места, денег, в обществе известный за “provokatora”, что должен буду делать при освобождении?... Ваше Высокопревосходительство, освободите меня или выпустите на поруки и не откажите в службе, так как я, силою вещей, оттолкнут от общества и могу служить только правительству и рассчитываю на его защиту»⁹³.

На прошение Демьяненко последовала резолюция Трусевича от 23 августа: «Освобождение из-под стражи при настоящем положении дела от Департамента полиции не зависит»⁹⁴.

В октябре 1908 г. Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.Ф. Унтербергер предал Заварицкого, Демьяненко и Попова Приамурскому военно-окружному суду и шифрованной телеграммой от 17 октября сообщил об этом командиру Отдельного корпуса жандармов Таубе⁹⁵. На поле полученной телеграммы Таубе приписал: «А я все-таки сомневаюсь в виновности Заварицкого. 1/ XI. Таубе»⁹⁶.

15 ноября 1908 г. Заварицкий был приговорен к трем годам арестантского отделения с лишением всех прав состояния⁹⁷.

По кассационному протесту приговор был отменен, и после пересмотра дела судом подполковник был приговорен к четырем годам каторжных работ⁹⁸.

Но и эта мера наказания к нему не была применена: он был заключен в тюрьму на два года с исключением со службы, с

лишением некоторых особых прав и преимуществ. Заварицкий отбыл на Владивостокской гауптвахте 2 года 3 месяца и 11 дней, с 22 декабря 1907 по 2 апреля 1910 г.⁹⁹ Официальное исключение со службы состоялось 24 мая 1910 г.

* * *

Отбыв срок наказания, Заварицкий вернулся в Сызрань.

23 января 1911 г. он подал в Департамент полиции прошение о назначении ему эмеритальной пенсии за 24 года службы, с 1884-й по 1908-й. Он указал, что жить намерен в С.-Петербурге по адресу Пушкинская улица, дом 18, квартира 4, где проживал его брат¹⁰⁰.

Однако 22 февраля в пенсии ему было отказано. Как выяснилось, эмеритальная пенсия выплачивается после 25 лет службы, а всей службы Заварицкого удалось насчитать только 24 года¹⁰¹.

* * *

Губский, добившийся осуждения Заварицкого, прослужил во Владивостоке всего два месяца. В феврале 1908 г. он был «определен на службу в М.В.Д. с причислением к оному. Одновременно с сим он откомандирован для занятий в Департамент полиции»¹⁰². 20 февраля 1908 г. Владивостокское охранное отделение возглавил ротмистр И.Е. Хуциев, ранее служивший в Иркутском губернском жандармском управлении¹⁰³.

Расстроенное вследствие тяжелых ранений здоровье вскоре заставило Губского опять покинуть службу, и он вторично вышел в отставку, в чине титулярного советника. Проживал он в Москве, на территории Богородского участка, по Андреево-Забелинской улице, в доме 24. 18 ноября 1914 г. он подал министру внутренних дел прошение о предоставлении ему должности полицмейстера «в одном из губернских городов Кавказа, или юга, или запада России»¹⁰⁴. В ответ ему было рекомендовано обратиться прямо к губернатору той губернии, где Губский желает продолжить службу¹⁰⁵.

Получил ли он искомую должность – остается неизвестным.

Из других участников этой истории фон Франкенштейн все-таки сделал неплохую карьеру. В 1908–1913 гг. он служил в Московско-Архангельском жандармском полицейском управлении железных дорог. В 1914 г. был назначен начальником Жандармского полицейского управления Средне-Азиатской железной дороги. Дослужился до генерал-майора.

Прокурор А.А. Шульц в годы Первой мировой и Гражданской войн работал нотариусом во Владивостоке.

* * *

Собранные нами документы не позволяют однозначно утверждать, совершал ли подполковник Анатолий Дмитриевич Заварицкий преступления, в которых его обвиняли. Суд признал его виновным. Сам он уверял, что его оклеветали.

Возможно, что он и вправду был не в состоянии успешно работать, возглавляя сразу и крепостную жандармскую команду, и охранное отделение, имевших все же совершенно разные функции. И вместо того, чтобы бороться с политической преступностью, он больше занимался охраной общественного порядка и паспортным контролем в городе, то есть тем, чем должна заниматься городская полиция.

Скорее всего, работу по политическому розыску он опрометчиво доверил своим подчиненным – секретным сотрудникам отделения. Он предоставил им полную свободу действий, но при этом не представлял себе в полном объеме, в чем эта работа заключается. В результате секретные сотрудники действовали по своему усмотрению, а порой творили что им вздумается (проводили обыски в домах у китайского населения, вызвав протест даже городского полицмейстера). Отчеты подполковника представляют донесения агентов, которым он, безусловно, полностью доверял. Он забыл о том, что, доверившись агентам, он попадал в зону риска неминуемо стать жертвой предательства или амбиций своих подчиненных (что уже происходило с ним в Баку). Можно сказать, что он сам создал условия, которые привели его на скамью подсудимых.

Военный губернатор Приморской области генерал-майор В.Е. Флуг фактически направлял деятельность Заварицкого как начальника охранного отделения, уделяя делу политического сыска гораздо больше внимания, чем сам подполковник. Флуг свободно распоряжался деньгами, отведенными по смете Департаментом полиции начальнику Владивостокского охранного отделения на содержание секретных агентов, был инициатором обысков во Владивостоке. Тем самым он как бы освобождал Заварицкого от многих хлопот и забот, чему тот был только рад, но взамен получал полномочия, которыми Департамент полиции едва ли бы намерен делиться с местными военными и гражданскими властями.

Прибывший на смену Заварицкому, причем по его же просьбе, Н.И. Губский, ветеран полицейской службы, совершенно изменил порядки, царившие в охранном отделении. Выяснив, что его предшественник занимался совсем не тем, чем должен был, он быстро восстановил дисциплину среди сотрудников «охранки» и стремился обеспечить ее независимость от администрации. Был арестован и Заварицкий, обвиненный в халатности и служебных подлогах. Если бы речь шла только о подделке бумаг, возможно, подполковнику и удалось бы отделаться относительно легко, но

показания говорили об изготовлении бомб, к которым у Губского после покушения на него в 1905 г. было особое отношение. Можно предположить, что именно изготовление бомб и толкнуло его на то, чтобы на примере Заварицкого преподать всем сотрудникам хороший урок на тему того, к чему приводят провокаторские игры с революционерами-подпольщиками.

* * *

Действия Губского, Шульца и фон Франкенштейна, какими бы соображениями они ни руководствовались, объективно нанесли немалый вред самодержавной власти. Образ жандармского офицера-провокатора впоследствии активно использовался оппозицией в борьбе против правительства Николая II.

Осуждение Заварицкого состоялось вопреки вполне аргументированному и ясно выраженному мнению командира Отдельного корпуса жандармов Ф.Ф. Таубе.

Можно сказать, что Заварицкий – виновный или невиновный – пал жертвой бюрократизма и конфликтов в ведомстве Министерства внутренних дел, а также междоусобных противоречий.

Примечания Notes

¹ Вечер (С.-Петербург). 1908. 30 нояб; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 48.

² Наша газета (С.-Петербург). 1909. 5 февраля; ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 57.

³ Речь (С.-Петербург). 1909. 8 февр.; ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 59.

⁴ Стенографические отчеты Государственной думы: Третий созыв, сессия вторая: Заседания 36–70 (с 20 января по 5 марта 1909 г.). Санкт-Петербург, 1909. Стб. 1463.

⁵ Голос правды (С.-Петербург). 1909. 17 марта; ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 56.

⁶ Агапов В.Л. Газетный мир Владивостока в период Первой мировой войны (1914 – 1916 гг.) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2 (32). С. 80–90; Агапов В.Л. «Хулиган печатного слова»: История владивостокского журналиста Ф.В. Мисюры и его газеты «Текущий день» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2016. № 1 (35). С. 61–75.

⁷ Бутырин Д.А. Жандармы и депутаты: «Дело подполковника Заварицкого» в стенах Государственной думы и Владивостокской крепости (1909 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 56–79.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2.

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Ф. 409. Оп. 2. Д. 40912. П/с 370–925. Л. 121.

¹⁰ Там же.

¹¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2, 1910 г. Д. 16122. Л. 6–13

¹² ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6, 1905 г. Д. 1208. Л. 1–4.

¹³ Там же. Л. 5.

¹⁴ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 40912. П/с 370–925. Л. 122.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6, 1905 г. Д. 1208. Л. 10–16.

¹⁶ Там же. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 91

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2.

²⁰ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1617. Л. 3–4.

²¹ Секретные сотрудники и провокаторы: Сборник. Москва; Ленинград, 1927. С. 317.

²² ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2.

²³ Секретные сотрудники и провокаторы. С. 317.

²⁴ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 151–161.

²⁵ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 151.

²⁶ Там же. Л. 152.

²⁷ Владивосток: Сборник исторических документов (1860 – 1907 гг.). Владивосток, 1960. С. 147.

²⁸ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 152.

²⁹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593. Л. 66.

³⁰ Там же. Л. 77–81.

³¹ Там же. Л. 42–43.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 87.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 116.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593. Л. 87.

³⁶ Там же. Л. 88.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 98.

⁴¹ Там же. Л. 110.

⁴² Там же. Л. 111.

⁴³ Там же. Л. 108.

⁴⁴ Там же. Л. 111.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Голионко В.П. Очерки революционного движения в Приморье (1900 – 1916 гг.). Хабаровск, 1940. С. 52, 53.

⁴⁷ Владивосток: Сборник исторических документов (1860 – 1907 гг.). С. 143.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. 1590. Л. 118.

- ⁵⁰ Владивосток: Сборник исторических документов (1860 – 1907 гг.). С. 143.
- ⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 4. Д. 1676. Л. 23.
- ⁵² Стенографические отчеты Государственной думы: Третий созыв, сессия вторая: Заседания 36–70 (с 20 января по 5 марта 1909 г.). Санкт-Петербург, 1909. Стб. 1463, 1464.
- ⁵³ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593 Л. 119.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. Л. 12.
- ⁵⁷ *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край: 1906 – 1910 гг.: Очерк. Санкт-Петербург, 1912. С. 401.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 152.
- ⁶⁰ Владивосток: Сборник исторических документов (1860 – 1907 гг.). С. 144, 145.
- ⁶¹ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 1.
- ⁶² *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край: 1906 – 1910 гг.: Очерк. С. 401.
- ⁶³ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593. Л. 123.
- ⁶⁴ Там же. Л. 129.
- ⁶⁵ Там же. Л. 209.
- ⁶⁶ Там же. Л. 296.
- ⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 105, 1907 г. Д. 559. Л. 5.
- ⁶⁸ Там же. Л. 8.
- ⁶⁹ Там же. Л. 6.
- ⁷⁰ Там же. Л. 23.
- ⁷¹ Там же. Л. 3.
- ⁷² Там же. Л. 8.
- ⁷³ Там же. Л. 10, 12.
- ⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1590. Л. 287–288.
- ⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 1–2
- ⁷⁶ Там же. Л. 8.
- ⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593. Л. 128
- ⁷⁸ *Аганов В.Л.* «Честному человеку служить в полиции в Приамурском крае – невозможно...»: История службы и увольнения хабаровского полицмейстера Тауца // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 1. С. 148–155.
- ⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 10–13
- ⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 10–13; Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 15–18, 20–25.
- ⁸¹ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 35–55.
- ⁸² Там же. Л. 59–65.
- ⁸³ Там же. Л. 151–161.
- ⁸⁴ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1593. Л. 87.
- ⁸⁵ Там же. Л. 296.
- ⁸⁶ Там же. Л. 116.

⁸⁷ Там же. Л. 117.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 9.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 76–81.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 28; Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 86.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 105–107.

⁹² РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1609. Л. 52–53.

⁹³ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 39.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 44, 45.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 110. 1907 г. Оп. 6. Д. 1741. Л. 114–117.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Д-7. Оп. 204, 1907 г. Д. 9107. Л. 46.

⁹⁸ Там же. Л. 55.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. 1910 г. Д. 16122. Л. 1–2.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. Л. 14.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 105, 1907 г. Д. 559. Л. 19.

¹⁰³ РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1609. Л. 163.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Д-3. Оп. 105, 1907 г. Д. 559. Л. 23.

¹⁰⁵ Там же. Л. 26.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бутырин Дмитрий Александрович – кандидат культурологии, доцент Дальневосточного федерального университета (Владивосток) www1979@mail.ru

Имя жандармского подполковника А.Д. Заварицкого, который служил во Владивостоке, стало известно по всей России после того, как в ноябре 1908 г. военный суд приговорил его к трем годам тюремного заключения. Суд признал его виновным в том, что в ходе борьбы с подпольными революционными организациями он использовал провокацию и подлог в корыстных целях. Стараниями либеральной прессы и либеральной антиправительственной оппозиции этот жандармский офицер был превращен в злого гения политического розыска, который из карьерных соображений погубил десятки людей. Однако документы Министерства внутренних дел Российской империи, которые сохранились до наших дней, позволяют спустя 110 лет поставить под сомнение справедливость приговора. Эти документы, которые в большинстве своем прежде не были известны историкам, позволили автору куда более объективно раскрыть личность и трагическую судьбу Заварицкого, а также подробно осветить его действительную роль во Владивостокском восстании 1907 г. Эти документы не позволили автору прийти к твердому выводу, совершил жандармский подполковник или не совершил те деяния, в которых он был обвинен и за которые был осужден. Однако он вполне прояснил те условия, в силу которых возникло «дело подполковника Заварицкого».

Стало очевидно, что организация политического розыска во Владивостоке страдала серьезными недостатками. Различные «служебные» факторы мешали полковнику Заварицкому и его коллегам эффективно бороться с политической преступностью. Решающими из этих факторов были: бюрократизм, который царил в полицейских и жандармских учреждениях, конфликтные взаимоотношения между военными, полицейскими и судебными властями Владивостока, а также противоречия между Министерством внутренних дел и Министерством юстиции.

Революция 1905–1907 гг., Владивостокское восстание 1907 г., Министерство внутренних дел, Департамент полиции, Отдельный корпус жандармов, губернское жандармское управление, охранное отделение, жандармский офицер, политическая полиция, политический розыск, Приморская область, Владивосток, Владивостокская крепость, В.Е. Флуг.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Agapov V.L. *Gazetnyy mir Vladivostoka v period Pervoy mirovoy voyny (1914 – 1916 gg.)* [The Newspaper World of Vladivostok during the First World War (1914 – 1916)]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2015, no. 2 (32), pp. 80–90. (In Russ.).

2. Agapov V.L. “Khuligan pechatnogo slova”: Istoriya vladivostokskogo zhurnalista F.V. Misyury i ego gazety “Tekushchiy den” [The “Bully of the Printed Word”: The History of the Vladivostok Journalist Fedor Misyura and his Newspaper “The Current Day”]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*, 2016, no. 1 (35), pp. 61–75. (In Russ.).

3. Agapov V.L. “Chestnomu cheloveku sluzhit v politzii v Priamurskom krae – nevozmozhno...”: Istoriya sluzhby i uvolneniya khabarovskogo politmeystera Tautsa [“For an Honest Man To Serve in the Amur Region Police Is Simply Impossible...”: The History of the Service and Dismissal of Officer Tauts, Chief of the Khabarovsk City Police.]. *Sotsialnye i humanitarnye nauki na Dalnem Vostoke*, 2017, vol. 14, no. 1, pp. 148–155. (In Russ.).

4. Butyrin D.A. *Zhandarmy i deputaty: “Delo podpolkovnika Zavaritskogo” v stenakh Gosudarstvennoy dumy i Vladivostokskoy kreposti (1909 god)* [Gendarmes and Deputies: “Lieutenant-Colonel Zavaritskiy’s Case”

in the State Duma and the Fortress of Vladivostok (1909)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2016, no. 4 (50), pp. 56–79. (In Russ.).

(Monographs)

5. Golionko V.P. *Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Primore (1900 – 1916 gg.)* [Essays on the Revolutionary Movement in Primorye (1910 – 1916)]. Khabarovsk, 1940, pp. 52, 53. (In Russ.).

Author, Abstract, Key words

Dmitriy A. Butyrin – Candidate of Cultural Sciences, Senior Lecturer, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
www1979@mail.ru

The name of Lieutenant-Colonel Anatoliy D. Zavaritskiy, a gendarme officer from the city of Vladivostok, became familiar throughout Russia after he was sentenced to three years of prison by a military tribunal in 1908. He was found guilty of provocation and fraud used for his personal gain as he was fighting against underground revolutionary associations. Thanks to the efforts of the liberal press and anti-government liberal opposition, this gendarme officer was transformed into the evil genius of political search (political investigation) who had destroyed dozens of people to further his career ambitions. However, the archival documents of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire preserved intact until today were used to question the fairness of the verdict 110 years from now. These documents which were mostly unknown to historians before allowed the author to provide Zavaritskiy’s much more objective portrait and to reveal his tragic destiny highlighting his real role in connection with the uprising of 1907 in Vladivostok. The data in question did not lead the author to a definite conclusion as to whether Lieutenant-Colonel Zavaritskiy performed or did not perform the deeds he was accused and convicted of. Nevertheless, light was shed on the circumstances causing the appearance of “Colonel Zavaritskiy’s case”. The evidence shows that political search activity in Vladivostok had serious shortcomings. There were a number of different “professional” factors that did not enable Zavaritskiy and his colleagues to efficiently combat political crimes. The main ones among them comprised red-tape that reigned in police and gendarme institutions, confrontational relationships among military, police and judicial authorities in Vladivostok as well as conflicts between the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of Justice.

Russian Revolution of 1905, Vladivostok uprising of 1907, Ministry of Internal Affairs, Police Department (of the Ministry of Internal Affairs), Separate Gendarme Corps, Province Gendarme Department, Security Department (*Okhranka*), gendarme officer, political police, political search (political investigation), Primorsky region (Primorye), Vladivostok (City of), Vladivostok Fortress, General Vasilii E. Flug.

С.В. Карпенко, В.В. Новосёлова,
Н.А. Пугачева, Е.П. Шалацкая

**АСТРАХАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ОБКОМ ПАРТИИ:
ПУТЬ ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
К ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(начало 1960-х годов)***

S. Karpenko, V. Novoselova,
N. Pugacheva, E. Shalatskaya

**Astrakhan Writers and the Astrakhan CPSU Regional Committee:
The Path from a Literary Association
to a Regional Writer's Organization
(the early 1960s)**

12 ноября 1964 г. в Астрахани состоялось отчетно-выборное собрание Астраханского отделения Союза писателей РСФСР.

Согласно сохранившемуся шестистраничному протоколу, на нем присутствовали пятеро членов Союза писателей СССР из шести, «принятых на писательский учет» в Астраханском отделении: Н.Г. Поливин, А.Т. Гаркуша, Ф.Е. Субботин, В.В. Карпенко и Б.П. Ярочкин. Из Москвы для участия в собрании приехали представители Правления Союза писателей РСФСР – Г.А. Ладонщиков и В.Ф. Боков, в то время уже всенародно любимый поэт-песенник. На собрание пригласили и астраханский «литературный актив» – 20 начинающих авторов. Председательствовал А.Т. Гаркуша, обязанности секретаря исполнял Б.П. Ярочкин¹.

С отчетным докладом выступил ответственный секретарь Астраханского отделения Союза писателей РСФСР Н.Г. Поливин. Начал он его торжественными словами:

«26 октября 1964 года исполнился ровно год со дня создания в нашем городе отделения Союза писателей РСФСР. Свершилась давняя мечта астраханцев: в армию творческих работников области влился новый отряд – отряд писателей-профессионалов. Это были: енотаевец – врач по профессии – Борис Жилин, астраханцы журналист Федор Субботин, партийный работник Владимир Карпенко и приглашенные к нам на постоянную работу из Орджоникидзе поэт

* Авторы выражают сердечную признательность за предоставление уникальных материалов и сведений Ивану Ивановичу Переверзину – председателю Международного сообщества писательских союзов, Наталье Филипповне Полиновой – начальнику Отдела творческих кадров Международного сообщества писательских союзов, Елене Владимировне Ромащенко – главному библиотекарю Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской.

и прозаик Александр Гаркуша и из Моздока – прозаик Борис Ярочкин»².

Если подходить строго формально, то, считая вместе с докладчиком, поэтом и прозаиком Николаем Поливиным, не шесть, а пять из названных им литераторов составили Астраханскую писательскую организацию в день ее рождения – 26 октября 1963 г. Дело в том, что Владимир Карпенко был принят в члены Союза писателей СССР тремя неделями позже – 18 ноября.

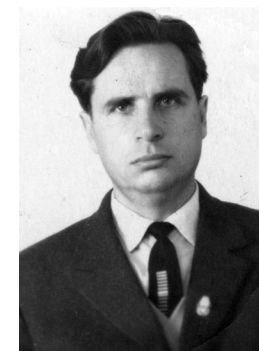
Чуть «подправив» события годичной давности, Николай Поливин ничуть не преувеличил их значимость по сути: действительно, создание в Астрахани областной писательской организации явилось долгожданным и ярким событием, стало важной вехой культурной жизни города и области³.

В настоящей статье рассматривается история создания Астраханской писательской организации.

Эта очень интересная и поучительная история начала 1960-х гг. отражена в документах, сохранившихся в Государственном архиве Астраханской области и Государственном архиве современной документации Астраханской области (бывший Партийный архив Астраханского областного комитета КПСС). Особо отметим, что рассекреченные документы бывшего Партийного архива (а также других бывших партархивов⁴) открывают перед исследователями большие возможности в изучении как литературной Астрахани, так и всей культурной жизни города и области в советскую эпоху.

* * *

Историю создания Астраханской писательской организации следует, вероятно, начинать с возвращения в Астрахань на постоянное жительство коренного астраханца Николая Георгиевича Поливина.

Н.Г. Поливин
(ГАСДАО)

Переехал он из города Нукус, столицы Кара-Калпакской АССР, входившей тогда в состав Узбекской ССР⁵. Произошло это в декабре 1961 г. И для рассказа об этом лучше дать слово самому писателю, процитировав его автобиографию, написанную им 21 января 1965 г. и сохранившуюся в его личном деле члена КПСС⁶.

«Родился 17 апреля 1925 г. в Астрахани в семье моряка.

Отец мой, Поливин Георгий Герасимович, родился в 1900 г. – умер в 1963 г. До революции работал весельщиком у рыбаков-частников, с 1918 г. по 1923 г. служил в рядах Красной Армии, с 1923 г. по 1957 г. работал в пароходстве “Рейдтанкер” кочегаром – машинистом – старшим механиком – групповым механиком. В 1957 г. ушел на пенсию. Награжден ор-

деном Ленина, медалями “За трудовое отличие” и “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.”.

Мать моя, Поливина Мария Федоровна, 1901 г. рождения, до революции работала на рыбных промыслах в г. Астрахани, где и родилась в семье рыбака. В 1917 г. вышла замуж за Поливина Георгия Герасимовича. После революции работала с перерывами в пароходстве “Рейдтанкер” чернорабочей. В настоящее время на пенсии, живет в г. Астрахани по адресу: 3-я Заречная, дом 42, кв. 1.

Моя трудовая деятельность началась в 1942 году. Из 9 класса средней школы № 54 ушел на транспортный флот. Работал кочегаром на п/х “Пролетарская Диктатура” до сентября 1945 г. В сентябре был зачислен курсантом на судоводительское отделение в Астраханское мореходное училище Министерства Морского флота. В сентябре 1947 г. наш факультет был передан Бакинскому мореходному училищу, которое я и закончил в марте 1950 года.

По окончании училища до августа 1950 года работал III помощником капитана на танкере “Рабочий” в пароходстве “Касптанкер”. В августе приказом Министерства Морского флота был откомандирован в пароходство “Рейдтанкер”. Но так как там вакантных мест не оказалось, поступил учиться в Астраханский педагогический институт имени С.М. Кирова на факультет русского языка и литературы. В это время начинаю выступать со стихами в периодической печати. В 1954 году заканчиваю институт и получаю направление на работу в среднюю школу «Красные Баррикады», где я и проработал заведующим учебной частью до декабря 1954 г. Освобожден был по болезни.

В январе 1955 г. получил вызов из газеты “Советская Кара-Калпакия”, в феврале приступил к работе. В связи с переездом не работал в течение месяца. Сначала заведовал Отделом информации, потом – культуры и быта. Когда же был организован Отдел литературы и искусства, стал заведовать им. В эти годы выходят мои сборники стихов: “Родные берега” (1955 г.), “Всходы Октября” (1956 г.), “Костры” (1957 г.), “Сказки” (1958 г.), “Человек – имя мое” (1960 г.) и др.

В 1957 г. меня принимают в члены Союза писателей СССР и избирают членом Правления Союза писателей Кара-Калпакии.

В августе 1961 года увольняюсь из редакции газеты “Советская Кара-Калпакия” и перехожу на творческую писательскую работу – заканчиваю повесть “Когда море неспокойно”, о жизни аральских рыбаков.

В декабре 1961 г. по приглашению Астраханского обкома КПСС переезжаю в Астрахань на постоянную работу. В феврале 1962 г. был зачислен на должность редактора книжной редакции издательства “Волга”...

С 1940 г. по 1954 г. был членом ВЛКСМ.

В члены КПСС был принят в марте 1961 г. Нукусским горкомом

КПУз.»⁷.

* * *

И.Д. Ермолаев
(ГАСДАО)

Исторический факультет Саратовского государственного педагогического института, получив специальность «преподаватель истории», и одновременно – Саратовскую двухгодичную партийную школу, а в 1961 г. окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС и защитил кандидатскую диссертацию по философии. 21 сентября 1961 г. пленум Астраханского обкома КПСС утвердил его в должности заведующего Отделом пропаганды и агитации⁸.

Задачу создать отделение Союза писателей РСФСР – в дополнение к уже работающим в области отделениям Союза художников РСФСР (еще с довоенных времен) и Союза журналистов СССР – поставил, вероятно, новый первый секретарь Астраханского обкома КПСС Василий Иванович Антонов, «переброшенный» в Астрахань в апреле 1961 г. И поставил конкретно Ермолаеву – на предварительном собеседовании, перед утверждением того в должности заведующего Отделом пропаганды и агитации.

В.И. Антонов
(ГАСДАО)

Чтобы понимать «архисложность» поставленной задачи, надо иметь в виду ситуацию, сложившуюся на астраханском «литературном фронте» к декабрю 1961 г.: в городе и области не осталось ни одного члена Союза писателей СССР.

Поэт, прозаик и журналист Александр Черненко – астраханец по рождению, живший то далеко, то близко от родного края, но постоянно приезжавший в Астрахань, – много сделал для издания первых произведений начинающих астраханских писателей. Прежде всего в сборниках «Каспийские зори» и «Литературная

Астрахань», выпущенных в свет издательством газеты «Волга» в первой половине 1950-х гг. Его смерть в 1956 г. в Ленинграде положила конец его попыткам помочь созданию в Астрахани писательской организации.

Астраханский поэт Борис Шаховский, тяжело раненный на войне, страдал болезнью сердца. Стенокардия не раз приковывала его к постели. Все чаще уезжал он из Астрахани в Москву, где все дольше лежал на больничной койке⁹. К 1959 г. он переехал в Москву и был «принят на писательский учет» в Московском отделении Союза писателей РСФСР¹⁰.

Быстро «вырастить» новых членов Союза писателей только за счет усиления работы областного литературного объединения, в котором участвовали жившие в Астрахани начинающие прозаики и поэты, было невозможно: на это требовались годы. Оставался второй, и последний, путь: приглашать членов Союза писателей из других областей в Астрахань на работу и постоянное жительство.

В такой ситуации приглашение, фактически возвращение, 36-летнего поэта, совсем молодого коммуниста и еще относительно молодого, с июля 1957 г., члена Союза писателей, но уже обладающего почти семилетним опытом редакторской работы в газете, а также почти пятилетним опытом управленческой деятельности в писательской организации автономной республики – шаг, основательно продуманный в обкомовских кабинетах.

Скорее всего, именно Ермолаеву и принадлежала идея в первую очередь пригласить Николая Поливина. Наверняка, кто-то порекомендовал ему Поливина, показал его книжки стихов. Возможно, это был кто-то из астраханских литераторов или сотрудников газеты «Волга». Возможно, даже сам главный редактор «Волги» Михаил Гаврилович Южаков – председатель Астраханского отделения Союза журналистов СССР и член бюро обкома партии.

Так или иначе, именно заведующий Отделом пропаганды и агитации, непосредственно «направлявший и контролировавший» издательство и редакцию «Волги», имел все «аппаратные» возможности пригласить – даже не из другой области, а из другой союзной республики – нужного человека для решения жизненно важных задач «агитпропа». Затем взять его на работу в издательство главной областной газеты. И, наконец, обеспечить его с семьей (у Николая Поливина были жена и двое сыновей) благоустроенной квартирой, для чего требовалось «организовать» телефонный звонок первого секретаря обкома партии председателю облисполкома.

Вот так и случилось, что Николай Поливин, вернувшись в Астрахань в декабре 1961 г., оказался в родном городе единственным членом Союза писателей СССР.

При устройстве на работу задачи чисто производственные новопришедшему редактору Поливину поставили директор издательства и главный редактор «Волги». А сверх того заведующий Отделом

пропаганды и агитации обкома дал коммунисту Поливину «ответственное партийное поручение». Во-первых, возглавить Астраханское областное литературное объединение, существующее при редакции «Волги», став его председателем, и значительно усилить его работу (а то и фактически возродить его). Во-вторых, подыскать в ближайших областях и автономных республиках членов Союза писателей с высшим литературным образованием, желательным членов КПСС и обязательно как-то связанных с Астраханью, и рекомендовать обкому партии пригласить их на постоянную работу и жительство в Астрахань.

Смысл и цель этого «ответственного партийного поручения» очевидны: из самых талантливых начинающих литераторов поскорее вырастить профессиональных писателей, то есть поднять уровень их литературного мастерства, помочь как молодым, так и более зрелым литераторам опубликовать книги в издательстве газеты «Волга», а далее посодействовать их вступлению в Союз писателей СССР, чтобы вместе с приглашенными из других городов членами Союза писателей они составили «кадры», достаточные для создания областной писательской организации.

* * *

Почти год спустя после возвращения в Астрахань Николая Поливина, в октябре 1962 г., из Орджоникидзе, столицы Северо-Осетинской АССР¹¹, переехал в Астрахань 40-летний поэт и прозаик Александр Тимофеевич Гаркуша.

А.Т. Гаркуша

В автобиографии, датированной 2 апреля 1966 г., он так рассказал о своем жизненном пути:

«...Родился 21 января 1922 года в станице Пластуновской Краснодарского края. Отец и мать мои – учителя. Отец – Гаркуша Тимофей Семенович умер в 1941 году. Мать – Гаркуша Татьяна Васильевна умерла в 1942 году.

В 1936 году семья переезжает в г. Астрахань. Здесь в 1939 году я окончил среднюю школу № 2 им. Калинина и поступил учиться на 1-й курс физико-математического факультета Северо-Осетинского пединститута в г. Орджоникидзе.

В октябре 1941 года был призван в армию, служил рядовым в 1671-м отдельном саперном батальоне. В начале 1942 года был демобилизован по болезни и продолжил учебу в пединституте. В 1942 году окончил пединститут (ускоренный выпуск), был направлен учителем математики в селение Фарн Северо-Осетинской АССР, но приступить к работе не пришлось, так как на территории Северной Осетии развернулись военные действия. Участвовал в строитель-

стве оборонительных сооружений в районе г. Орджоникидзе (Владикавказ). В ноябре 1942 года был принят литсотрудником в редакцию газеты “Социалистическая Осетия” (орган Северо-Осетинского обкома КПСС).

В августе 1943 года Орджоникидзевский горвоенкомат удовлетворил мое заявление об отправке добровольцем на фронт. Служил по вольному найму библиотекарем в ДКА (Доме Красной Армии) 18-й десантной армии в районе г. Новороссийска. В октябре 1943 года из-за болезни вынужден был прекратить службу и вернуться в г. Орджоникидзе.

С октября 1943 года по июль 1944-го работал редактором Отдела пропаганды и агитации, редактором “Последних известий” на русском языке Северо-Осетинского радио. В июле 1944 года приказом Всесоюзного радиокomiteта был переведен на работу корреспондентом “Последних известий” Всесоюзного радио по Орловской и Брянской областям. От этой работы в декабре того же года я был освобожден по собственному желанию и поступил в редакцию газеты “Комсомольская правда”. Работая литературным сотрудником центрального аппарата этой газеты, участвовал в выездных редакциях “Комсомольской правды” в Великих Луках, на Кубани, на восстановлении ДнепроГЭС и “Запорожстали”.

В декабре 1946 года в силу семейных обстоятельств вынужден был переехать в г. Орджоникидзе (Дзауджикау). С декабря 1946 года по август 1947-го работал корреспондентом, а затем ответственным секретарем железнодорожной газеты “Магистраль нефти” Управления Орджоникидзевской железной дороги. В августе 1947 года был освобожден от работы в этой газете по собственному желанию. С августа 1947 года по декабрь 1947-го временно не работал, жил в г. Орджоникидзе. С декабря 1947 года по август 1948-го работал литературным сотрудником редакции газеты “Московский комсомолец”, был освобожден от работы по сокращению штатов и вернулся в г. Орджоникидзе. С августа 1948 года по январь 1949-го не работал из-за болезни. С января 1949 года по март 1949-го временно исполнял обязанности литературного редактора Северо-Осетинского радиокomiteта, был освобожден от работы в связи с выздоровлением редактора, которого я заменял.

По август 1949 года активно занимался творческой литературной работой, с августа 1949 года по сентябрь 1950-го работал учителем физики и математики в средней школе № 25 гор. Орджоникидзе. Был освобожден от работы по болезни (активная форма туберкулеза легких). С сентября 1950-го по декабрь 1952 года работал литературным сотрудником газеты “Молодой большевик” (впоследствии – “Молодой коммунист”) – органе Северо-Осетинского обкома ВЛКСМ.

В сентябре 1950 года был принят кандидатом в члены Союза писателей СССР и в 1957 году переведен в члены Союза писателей.

В декабре 1952 года в связи с работой над повестью ушел из редакции и занимался творческим литературным трудом по март 1954 года. С марта 1954 года по январь 1956-го заведовал Отделом культуры редакции газеты “Социалистическая Осетия”. Был освобожден от работы согласно личной просьбе, поступил в этом же году, в октябре месяце, учиться на Высшие литературные курсы, окончил их в июле 1958 года. С 1958-го по 1959 год – на творческой работе. С августа 1959 года по декабрь 1960-го заведовал Отделом Советского строительства редакции газеты “Социалистическая Осетия”. С декабря 1960 года по июнь 1961-го – на творческой работе. С июня 1961 года по август 1962-го – ответственный секретарь литературно-художественного альманаха “Советская Осетия”. С августа 1962 года по октябрь 1962-го был на творческой работе, проживая в г. Орджоникидзе.

Осенью 1962 года по приглашению Астраханского обкома партии приехал в Астрахань. С октября 1962 года по февраль 1963-го исполнял обязанности зав. Отделом пропаганды редакции газеты “Волга”. В феврале 1963 года переведен в студию телевидения старшим редактором, в декабре 1963-го – в книжную редакцию издательства “Волга” зам. редактора...

В октябре 1952 года бюро Ленинского райкома КПСС г. Орджоникидзе утвердило решение первичной организации редакции газеты “Молодой коммунист” о приеме меня в члены партии...»¹².

11 января 1963 г. секретариат Астраханского обкома КПСС разрешил директору издательства и типографии «Волга» Борису Михайловичу Пантелеймонову «оплатить подъемные и.о. зав. отделом пропаганды редакции областной газеты “Волга” тов. Гаркуше А.Т., приглашенному в нашу область на газетную работу»¹³.

Так опытный газетчик и редактор, вполне уже зрелый писатель, принятый в члены Союза писателей СССР в сентябре 1950 г. и получивший высшее литературное образование на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького, Александр Гаркуша, переехав в Астрахань, стал вторым приглашенным членом Союза писателей.

Пройдет немногим более трех лет, и в январе 1966 г. Александр Гаркуша сменит Николая Поливина на посту ответственного секретаря Астраханской областной писательской организации¹⁴. Но это, как говорится, уже другая история...

* * *

Третьим приглашенным в Астрахань стал прозаик Борис Петрович Ярочкин, переехавший из Моздока в первой половине 1963 г.

Уроженец Батуми, фронтовик, репрессированный при И.В. Сталине и реабилитированный при Н.С. Хрущеве, он был принят в члены Союза писателей СССР в июне 1962 г., а годом позже, в 1963-м,

окончил Литературный институт им. М. Горького.

С Астраханью его связывала двухлетняя учеба в Астраханском военном стрелково-пулеметном училище, которое он окончил перед самым началом войны.

Обком партии предоставил ему работу на недавно, в июле 1961 г., созданной Астраханской студии телевидения, в должности редактора Промышленной редакции¹⁵ (руководство и редакции студии телевидения поначалу размещались в Астраханской студии радио, на улице Молодой гвардии).

* * *

Между тем, Николай Поливин в качестве председателя Астраханского областного литературного объединения проявил истинное подвижничество.

На основании записи в личном листке по учету кадров, подшитом в его личное дело члена КПСС¹⁶, можно заключить, что за руководство литературным объединением он взялся почти сразу же по приезде в Астрахань, в январе 1962 г., то есть примерно на месяц раньше, чем был принят на должность редактора.

Собирал он членов литературного объединения в издательстве газеты «Волга», в доме № 46 по улице Шаумяна (хорошо известный в Астрахани дом купца С.М. Курдова, построенный в 1890-е гг.). Вероятнее всего, в своем редакторском кабинете, который находился на втором этаже и окнами выходил на Канаву (Варвациевский канал). Возможно, впрочем, директор издательства и типографии Пантелеймонов предоставлял им какое-то более просторное помещение.

Еженедельно, по четвергам, Николай Поливин проводил творческие семинары с начинающими литераторами по поэзии и прозе, на которых обсуждались их произведения. Помимо семинаров, на «литературных четвергах» устраивались «творческие отчеты» молодых авторов. Он помогал членам литобъединения печатать их рассказы и стихи в астраханских газетах, областных и районных, и выступать на радио, где они читали свои произведения. А также организовывал их выступления перед читателями, особенно часто, как тогда выражались, – «в рабочей аудитории»¹⁷.

О том, сколь активно, вместе с литераторами, уже принятыми в Союз писателей, работали члены литературного объединения весь 1963 г., дает представление «Объяснительная записка», отправленная Николаем Поливиным в Правление Союза писателей РСФСР в марте 1964 г.

Астраханские писатели провели 12 читательских конференций, сделали 4 доклада о развитии художественной литературы и более 30 раз выступили в городе и области – в институтах, школах, на заводах и в колхозах. С «творческими отчетами» перед читателями

выступили Федор Субботин, Александр Гаркуша, Борис Ярочкин, Борис Жилин и Владимир Карпенко. Кроме того, они участвовали в книжных базарах и «неделях книги», проводимых астраханскими книготоргующими организациями. В областной и городской библиотеках состоялись обсуждения книг, выпущенных издательством газеты «Волга» в 1963 г. В этой крайне важной «работе по пропаганде художественной литературы» активное участие приняли и начинающие писатели, члены литературного объединения, – Юрий Кочетков, Игорь Бодров, Станислав Сендюков, Юрий Селенский¹⁸.

Усилия Николая Поливина на ниве «выращивания» астраханских писателей быстро принесли желаемые плоды.

В марте 1962 г. был принят в члены Союза писателей СССР 41-летний прозаик Борис Иванович Жилин. Выпускник Астраханского государственного медицинского института, член партии, он работал главным врачом Енотаевской районной санитарно-эпидемиологической станции¹⁹.

В июне 1963 г. был принят в члены Союза писателей СССР другой коренной астраханец – 49-летний прозаик Федор Евстафьевич Субботин, знающий и опытный газетчик с 30-летним стажем.

С 1931 г. Федор Субботин учился в Москве, на Высших курсах журналистов при «Крестьянской газете», которые окончил в 1934 г. (сам писатель в своих «анкетных» документах по какой-то причине называл эти курсы «Высшей газетной школой»). Затем работал в редакциях газет в Москве и Саратове. В 1943–1946 гг. служил на Черноморском флоте – корреспондентом газеты «За сталинские кадры», издававшейся при Военно-морском авиационном училище в Николаеве. В 1945 г. его приняли в партию. В послевоенные годы, вернувшись в Астрахань, работал собственным корреспондентом и литературным сотрудником редакции газеты «Волга». С июля 1962 г. он заведовал Отделом советского строительства и торговли редакции, с февраля 1963 г. – Отделом советской работы и быта²⁰.

В итоге к осени 1963 г. число живущих в Астрахани и Астраханской области членов Союза писателей СССР выросло до пяти, что уже давало формальное основание для создания Астраханского отделения Союза писателей РСФСР.

* * *

В.В. Карпенко

«На подходе» был и еще один член Союза писателей СССР – Владимир Васильевич Карпенко.

На год младше Николая Поливина, уроженец Ростовской области, участник и инвалид Великой Отечественной войны, выпускник Ростовского художественного училища, он приехал в

Астрахань по распределению в 1954 г. В декабре 1960 г. окончил заочное отделение Литературного института им. М. Горького и в качестве дипломной работы защитил свой первый роман «Отава» о комсомольском подполье на Дону в годы фашистской оккупации. Работая преподавателем черчения и рисования в Астраханском строительном техникуме, где его приняли в КПСС²¹, он активно участвовал в деятельности литературного объединения.

В начале 1963 г. в жизни начинающего писателя произошло событие, которое повлияло не только на его собственную судьбу, но и на судьбу литературного объединения и будущей писательской организации. 30 января 1963 г. бюро Астраханского обкома КПСС (протокол № 42) утвердило его инструктором Отдела пропаганды и агитации обкома²².

Переход преподавателя техникума, имеющего партийный стаж менее шести лет, на «освобожденную» партийную работу сразу в областной комитет партии вполне объясняется острой нехваткой в партийном аппарате молодых кадров с высшим образованием. У Владимира Карпенко было два образования – художника и литератора, он имел опыт педагогической, воспитательной работы. Решающую роль в его переходе на работу в обком партии сыграл, судя по документам, опять же заведующий Отделом пропаганды и агитации Ермолаев²³.

В личном деле работника Астраханского обкома КПСС Карпенко В.В. содержится справка, составленная к его представлению на утверждение в должности инструктора и подписанная заведующим Отделом пропаганды и агитации Ермолаевым 4 февраля 1963 г. Отметим, кстати, несоответствие в датах заседания бюро обкома в протоколе № 42 и выписке из протокола № 42 о его утверждении, подшитой в личное дело: в выписке из протокола, подписанной секретарем обкома Антоновым и поступившей в Учетный сектор обкома, протокол заседания бюро обкома датирован 4 февраля. Ту же дату поставил на справке своей рукой Ермолаев, подписывая ее²⁴.

В этой справке, в разделе «Предложение о назначении работника», в частности сказано: «Тов. Карпенко В.В. закончил художественное училище, а затем литературный институт при Союзе писателей СССР. Более шести лет работает преподавателем строительного техникума, партийной организацией техникума характеризуется только с положительной стороны»²⁵.

Похоже, Ермолаев, предлагая Владимира Карпенко на должность инструктора, собирался возложить на него всю «оперативную» работу по созданию областной писательской организации. Возможно, именно это соображение стало решающим в приглашении его на работу в обком партии, а затем предопределило положительный исход предварительного собеседования с кем-то из секретарей обкома и, наконец, само утверждение на заседании бюро.

Ни до этого, в 1962 г., ни в дальнейшем, в течение 1963 г., бюро

Астраханского обкома КПСС на своих заседаниях ни разу не обсуждало какой-либо вопрос, касающийся создания областной писательской организации. Однако это совершенно не означает, что астраханские писатели во главе с Николаем Поливиным самостоятельно создавали свою организацию, а обком пустил это дело на самотек.

Историкам и архивистам, поднаторевшим в работе с документами обкомов, горкомов и райкомов КПСС, хорошо известно: согласно обычной в те времена практике работы партийных комитетов, со сталинских времен диктуемой центральным аппаратом КПСС, они старались не оставлять документальных следов своего вмешательства в деятельность общественных организаций. Поэтому можно с уверенностью предположить: теперь, с февраля 1963 г., все вопросы создания областной писательской организации решались либо по телефону (внутри Астрахани или между Астраханью и Москвой), либо в ходе кабинетных разговоров между заведующим Отделом пропаганды и агитации Ермолаевым и подчиненным ему инструктором отдела Карпенко, членом литературного объединения.

Судя по всему, Владимир Карпенко стал своего рода «полномочным представителем» литературного объединения в обкоме партии. И став им, он начал «пробивать» решения, в которых были заинтересованы и астраханские писатели, и само партийное руководство области. Учитывая его личные качества – обаяние и умение располагать к себе людей, убеждать их²⁶, – можно предположить, что такое «представительство» в обкоме партии немало поспособствовало созданию писательской организации.

* * *

Уже через две недели, 13 февраля 1963 г., бюро Астраханского обкома КПСС, «претворяя в жизнь» затеянную Хрущевым очередную реорганизацию партийного аппарата, переименовало Отдел пропаганды и агитации в Идеологический отдел, а его заведующим утвердило секретаря обкома Александра Васильевича Соколова, который в результате стал «секретарем по идеологии»²⁷.

А.В. Соколов
(ГАСДАО)

Отдельным параграфом «О кадрах Идеологического отдела обкома КПСС» заместителем заведующего Идеологическим отделом бюро утвердило И.Ф. Казиминова, а пятерых инструкторов, включая Карпенко, – инструкторами нового отдела²⁸.

А Иван Дмитриевич Ермолаев, ставший, по сути, крестным отцом Астраханской писательской организации, покинул и высокую должность заведующего отделом, и сам обком партии.

25 января первый секретарь обкома Антонов получил письмо из Астраханского государственного медицинского института, подписанное ректором и секретарем парторганизации и датированное 24 января. Отметив «недостаток в научно-педагогических кадрах по философии», они обратились лично к Антонову с просьбой «откомандировать в распоряжение института кандидата философских наук тов. И.Д. Ермолаева для использования его на педагогической работе на кафедре марксизма-ленинизма»²⁹. Просьба была удовлетворена. 8 февраля бюро обкома решило: «Освободить т. Ермолаева И.Д. от обязанностей заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС в связи с реорганизацией отдела и переходом на другую работу»³⁰.

Сам ли Ермолаев решил уйти из обкома партии и по каким именно причинам, что стало подоплекой просьбы руководства Мединститута и решения бюро, сыграли тут какую-то роль некие обстоятельства создания областной писательской организации или нет – все это еще предстоит выяснить. Как вспоминают те, кто хорошо знал Ермолаева, человеком он был, при всем своем добросердечии, требовательным, прямодушным и бескомпромиссным. И таких, кому эти его качества не нравились, – хватало. Впрочем, Маргарита Александровна Акимова, известный в Астраханской области партийный и профсоюзный руководитель 1960-х – 1980-х гг., рассказывала, что ей никогда не приходилось слышать – ни от самого Ермолаева, ни от кого-либо из ответственных работников, – что из обкома партии его «ушли»³¹.

Одно вполне очевидно: в результате этой реорганизации обкомовского аппарата у Владимира Карпенко расширились возможности «решать вопросы» создания писательской организации «в рабочем порядке» непосредственно с секретарем обкома партии по идеологии. Этому могли способствовать и личные качества Соколова – доступность, общительность, доброе отношение к подчиненным, готовность поддержать разумную и полезную для дела «инициативу снизу»³².

Редакторский кабинет Николая Поливина превратился в своего рода «штаб формирования» областной писательской организации. Из телестудии приходил Александр Гаркуша, из обкома партии – Владимир Карпенко. И втроем они обсуждали, что и как еще нужно сделать для скорейшего ее создания. Это хорошо помнит Александра Степановна Зилотина, в 1963 г. приехавшая в Астрахань с Дальнего Востока, из Советской Гавани: ее муж, мичман Военно-морского флота, по окончании срока службы решил перебраться на родину предков, где жили дальние родственники, и ее приняли на работу в издательство газеты «Волга» машинисткой³³.

Что конкретно обсуждали – понятно: какого члена Союза писателей и откуда еще можно пригласить в Астрахань, как «протолкнуть в темплан» издательства сборник прозы или стихов молодого автора,

кому, пожалуй, уже пора, а кому еще рано подавать заявление о приеме в члены Союза писателей СССР, кто из членов Союза со стажем согласится дать вступающему авторитетную рекомендацию.

* * *

В начале 1963 г. Владимир Карпенко сдал в книжную редакцию издательства газеты «Волга» первую часть романа «Отава», и ее машинописный вариант лег на редакторский стол Николая Поливина. Очень скоро, уже летом, издательство выпустило книгу в свет. На ее последней странице редактором значится Николай Поливин³⁴.

6 сентября Владимир Карпенко подал в Приемную комиссию Союза писателей РСФСР заявление о приеме в члены Союза писателей СССР. Рекомендации ему дали Виктор Боков, Николай Поливин и Александр Гаркуша.

Помимо собственной рекомендации, Николай Поливин отправил в Приемную комиссию еще и рекомендацию от литературного объединения. Отпечатана она была на бланке редакции газеты «Волга» и подписана так: «Председатель областного литературного объединения при редакции газеты “Волга”». Несомненно, такие же две рекомендации – от себя и от литературного объединения на бланке редакции – он дал и Борису Жилину, и Федору Субботину.

15 октября по итогам обсуждения Приемная комиссия рекомендовала Секретариату Союза писателей РСФСР «принять В. Карпенко в члены Союза». 18 ноября Секретариат принял постановление: «Принять в члены Союза писателей Карпенко Владимира Васильевича, 1926 г.р., прозаика (гор. Астрахань)»³⁵.

* * *

26 октября 1963 г. – вероятнее всего, в редакторском кабинете Николая Поливина – состоялось первое заседание бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР. Решение бюро было оформлено протоколом № 1.

Согласно протоколу № 1, на заседании присутствовали Ф.Е. Субботин, Н.Г. Поливин и А.Т. Гаркуша. Именно эти трое писателей составили бюро, которое в каждой областной писательской организации являлось «органом коллективного руководства».

Повестка дня: «Избрание секретаря отделения».

Слушали: «Об избрании секретаря отделения Союза писателей».

Постановили: «Избрать секретарем Астраханского отделения Союза писателей Поливина Н.Г.».

Подлинник протокола подписали Федор Субботин и Александр Гаркуша.

Выписку из протокола, оформленную в 1965 г., общепринятой канцелярской формулировкой «Выписка верна» и своей подписью заверила секретарь А.С. Зилотина. И эту выписку, вместе с личным

листом по учету кадров, автобиографией и копией диплома о высшем образовании, Николай Поливин в октябре 1965 г. отнес в обком КПСС, где она, как и положено, в итоге попала в Учетный сектор и оказалась подшита в его личное дело члена КПСС³⁶.

В этой выписке, прежде всего, обращает на себя внимание неправильное наименование должности руководителя областного отделения Союза писателей: «секретарь» вместо «ответственный секретарь». По всей видимости, таким же неправильным оно было и в оригинале протокола.

Кроме того, в выписке не указано, на основании какого директивно-распорядительного документа прошли эти выборы, а об Астраханском отделении говорится как об уже фактически (точнее – юридически, формально) созданном. Можно только предположить, что Николай Поливин получил какое-то известие из Москвы, из Правления Союза писателей РСФСР (телеграммой или даже по телефону), однако никакие документы самого Правления о создании Астраханского отделения в обоих государственных астраханских архивах пока не выявлены.

12 декабря 1963 г. спецпочта доставила в Астраханский облисполком выписку из распоряжения Совета министров РСФСР от 26 октября 1963 г. № 4605-р. В этой короткой выписке, подписанной заместителем председателя Совета министров РСФСР М.А. Ясновым, сказано:

«1. Установить должностные оклады работникам:

отделений Союза писателей в городах Калуге и Астрахани в следующих размерах в месяц: ответственному секретарю – 170 руб., секретарю-счетоводу – 50 рублей»³⁷.

Это распоряжение, кстати, проясняет важный момент: должности ответственного секретаря и секретаря-счетовода отделения Союза писателей РСФСР являлись должностями областного советского аппарата.

15 ноября с выпиской из распоряжения был ознакомлен приглашенный в облисполком Николай Поливин³⁸.

Принято считать, что распоряжение Совета министров РСФСР от 26 октября 1963 г. явилось юридическим основанием для создания Астраханского отделения Союза писателей РСФСР.

И Николай Поливин назвал 26 октября днем рождения Астраханской писательской организации³⁹. Но он, скорее всего, имел в виду не распоряжение Совета министров РСФСР, а решение бюро Астраханского отделения Союза писателей РСФСР об избрании ответственного секретаря. И тут он был прав: это решение формально завершило процесс создания одного из областных «структурных подразделений» всероссийской общественной организации, «подведомственной» Министерству культуры РСФСР.

Но именно завершило.

Инициатива создания Астраханского отделения принадлежала,

скорее всего, Правлению Союза писателей РСФСР. Решение о создании должен был принять его Секретариат. Кроме того, в этом процессе могло (или должно было) участвовать Министерство культуры РСФСР, которое «ведало» творческими союзами.

Отсутствие среди сохранившихся материалов Астраханской писательской организации соответствующих инициативных и директивно-распорядительных документов, в том числе и подлинного протокола № 1 заседания бюро Астраханского отделения от 26 октября 1963 г., вызывает вопросы. И эти вопросы требуют ответов. А ответы может дать только дальнейший архивный поиск, выяснение всех обстоятельств создания Астраханской писательской организации.

Перейти в Астраханское отделение Союза писателей РСФСР на должность секретаря-счетовода Николай Поливин долго и настойчиво уговаривал – и наконец уговорил – машинистку издательства газеты «Волга» Александру Зилотину. Ей суждено будет бессменно проработать на этой должности долгих – и очень быстро пролетевших – четыре десятка лет.

* * *

29-30 ноября 1963 г. состоялась XI Астраханская областная партийная конференция.

Выступая с докладом, первый секретарь обкома КПСС Антонов поставил перед партийными организациями задачу «улучшить руководство печатью, радиовещанием и телевидением, повысить их действенность в деле коммунистического воспитания трудящихся и мобилизации на успешное решение задач хозяйственного строительства». И особо добавил к этому: «Усилить деятельность отделения Союза художников и недавно созданного в области отделения Союза писателей РСФСР»⁴⁰.

Так, решающим образом посодействовав созданию Астраханской писательской организации, работники Идеологического отдела обкома партии, писавшие, как это было принято, для доклада первого секретаря «раздел по идеологической работе», умолчали о своем участии в «недавнем создании» общественной организации. Но зато сразу поставили перед молодой писательской организацией серьезные идеологические задачи: «улучшить», «усилить», «повысить действенность», «мобилизовать на успешное решение».

Отметим важное обстоятельство: в октябре–ноябре 1963 г. бюро обкома не стало ни «рекомендовать», ни «утверждать» Николая Поливина в должности ответственного секретаря Астраханского отделения Союза писателей РСФСР. Это означает следующее: такая должность (с должностным окладом, выплачиваемым из средств областного бюджета) в общественной организации («подведомственной» Министерству культуры РСФСР) не была включена ни в ос-

новную номенклатуру, ни в учетную номенклатуру обкома КПСС.

Произошло это два года спустя: в октябре 1965 г. бюро обкома партии утвердило Николая Поливина ответственным секретарем областной писательской организации, а саму должность включило в учетную номенклатуру обкома. Именно поэтому Учетный сектор и завел личное дело члена КПСС Поливина Н.Г., в которое была подшита и его автобиография, написанная 21 января 1965 г.⁴¹

* * *

Между тем в ноябре, в период решения организационных вопросов существования только что созданного Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, произошло важное событие, которое должно было расширить для астраханских писателей возможность издавать свои произведения. Тем самым расширялась и возможность вступления начинающих литераторов в Союз писателей, укрепления молодой писательской организации.

19 ноября 1963 г. бюро обкома партии на своем заседании рассмотрело вопрос «Об организации Управления по печати Исполкома областного Совета депутатов трудящихся (совместно с облисполкомом)». Видимо, первый секретарь обкома Антонов счел этот вопрос настолько важным, что другие вопросы в тот праздничный день – День артиллерии – решил не обсуждать⁴².

Основанием для постановки вопроса, его обсуждения и принятого решения стало совместное постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета министров РСФСР от 16 октября 1963 г. № 1222 «Вопросы организации Государственного Комитета Совета Министров РСФСР по печати». Бюро обкома совместно с облисполкомом постановили образовать с 1 ноября 1963 г. Управление по печати Исполкома Астраханского областного совета депутатов трудящихся и возложить на него «руководство издательским делом, полиграфией и книжной торговлей в области, контроль в общеобластном масштабе за содержанием и направлением издания литературы во всех ее видах», «охрану военных и государственных тайн в печати», «контроль за выполнением решений партии и правительства в области издательского дела» и другие задачи⁴³.

Среди многих предусмотренных в постановлении мероприятий по обеспечению деятельности областного Управления по печати в отдельном, 9-м, пункте было сформулировано: «Упразднить с 1 января 1964 года книжную редакцию издательства газеты “Волга” в связи с тем, что она реорганизуется в отделение Нижне-Волжского книжного издательства»⁴⁴.

Решение о такой реорганизации – укрупнении областных книжных издательств и создании их филиалов в соседних областях – принял недавно созданный Госкомитет Совета министров РСФСР по печати⁴⁵. В соответствии с ним, в Астрахани надлежало создать

отделение Нижне-Волжского книжного издательства, основанного еще в 1934 г. и в ходе реорганизации 1963 г. переименованного из Волгоградского книжного издательства в Нижне-Волжское.

* * *

Письмом от 7 декабря 1963 г. Правление Союза писателей РСФСР сообщило ответственному секретарю Николаю Поливину, что размер финансирования Астраханского отделения на 1964 г., согласованный с Министерством финансов РСФСР, составил 8 000 руб., включая заработную плату штатным работникам в сумме 2 640 руб.⁴⁶ 28 января 1964 г. Правление утвердило штатное расписание Астраханского отделения: ответственный секретарь с должностным окладом 170 руб. в месяц и секретарь-счетовод с окладом 50 руб. в месяц⁴⁷.

Финансирование Астраханского отделения шло из областного бюджета, и 9 января 1964 г. Астраханский облисполком утвердил смету его расходов⁴⁸.

Первые дни или даже недели своего существования Астраханское отделение Союза писателей размещалось там же, где до этого работало литературное объединение, – в доме № 46 по улице Шаумяна, где размещались издательство и редакция газеты «Волга» (в отличие от издательства, редакция газеты на своих бланках указывала адрес иначе: Набережная 1-Мая, д. 73)⁴⁹. Скорее всего – в редакторском кабинете, где работал новоиспеченный ответственный секретарь Николай Полин.

Ближе к Новому году, 1964-му, Астраханское отделение отпраздновало новоселье: обком партии выделил ему помещение (общей площадью 76 кв. м) в Доме партийного просвещения, который размещался в доме № 15 по Советской улице, в центре города, почти напротив обкома (на его третьем этаже находился тогда Астраханский краеведческий музей). Как вспоминает Александра Степановна Зилотина, этим первым «собственным» помещением астраханских писателей стала большая учебная аудитория на первом этаже. По документам она значится как комната № 4⁵⁰.

Именно поэтому в смете, утвержденной облисполкомом, в разделе «Расчеты к смете», в статье 3 «Канцелярские и хозяйственные расходы», вместо цифр записано: «Согласно договора с обкомом партии»⁵¹. В расшифровке к смете по статье 3 перечислены канцелярские расходы, оплата установки телефона, абонентская плата за телефон и оплата междугородних разговоров, аренда помещения (в соответствии с договором, заключенным с обкомом КПСС, за площадь 76 кв. м по 1 руб. с 1 кв. м в месяц), плата за освещение и отопление, расходы на уборку помещения и подписку на 19 газет и 42 журнала, включая все литературно-художественные, издававшиеся тогда в СССР, а также Толковый словарь В. Даля (4 т. по 3 руб.).

Итого по статье 3 составило на 1964 г. 1 399 руб. 42 коп.⁵²

Вместе с помещением Астраханское отделение получило необходимые мебель и инвентарь: 3 стола, 2 шкафа, 12 стульев, 1 диван, 2 кресла, 1 сейф, 1 настольную лампу, 3 чернильных прибора, 5 ковровых дорожек общей длиной 5 метров, шторы⁵³. Был установлен телефон с номером 66-84⁵⁴.

В феврале 1964 г. по разнарядке Главного управления снабжения и сбыта (Главснаба) при Совете Министров РСФСР Ростовское управление снабжения и сбыта отправило в адрес Астраханского отделения Союза писателей пишущую машинку «Украина» с большой кареткой. Это крайне ценное и жизненно необходимое «инвентарное имущество» отделение получило в Управлении снабжения и сбыта Астраханского облисполкома (промышленного)⁵⁵.

Совершенно очевидно, что решение о выделении только что созданной писательской организации просторного помещения в Доме партийного просвещения мог принять только один человек – секретарь обкома по идеологии Соколов. Указание заведующему Финансово-хозяйственным сектором обкома о заключении с ней договора на льготных условиях и о снабжении ее всем необходимым тоже мог дать только Соколов. И весьма вероятно, что к этому решению, как и к другим решениям по писательской организации, секретаря обкома по идеологии, своего прямого руководителя, подвигнул инструктор Идеологического отдела Карпенко.

Несмотря на переезд в новое здание, письма ответственному секретарю Николаю Поливину из Правления Союза писателей РСФСР по-прежнему приходили на адрес редакции газеты «Волга» (Астрахань, Набережная 1-Мая, д. 73)⁵⁶. Понадобились настойчивые напоминания и время, чтобы Правление Союза писателей РСФСР и Правление Литературного фонда СССР стали присылать свои письма и документы на правильный адрес писательской организации и областного отделения Литфонда: Астрахань, ул. Советская, д. 15, Дом партийного просвещения, комната 4⁵⁷.

Год-два спустя, как вспоминает Александра Степановна Зилотина, писательскую организацию перевели на второй этаж того же здания, в специально обустроенные для нее кабинет с небольшой приемной. Прежде этот кабинет занимал заведующий Домом партийного просвещения⁵⁸. Несомненно, и это было сделано по указанию секретаря обкома по идеологии Соколова.

* * *

В середине января 1964 г. Астраханское отделение Союза писателей РСФСР получило из Москвы, из Правления Союза писателей СССР, указание выслать список писателей – членов организации, членов ее бюро и руководящего состава (штатного) «по состоянию на 1-е января 1964 года». В списке требовалось указать фамилию,

имя, отчество, псевдоним, жанр, дату рождения, национальность, партийность, номер партийного билета, образование (что и когда окончил), ученую степень и звание, место работы и занимаемую должность, награды, почетные звания, участие в выборных органах (государственных, партийных и общественных), домашний адрес и телефон⁵⁹.

Список был составлен, напечатан Александрой Зилотиной в виде таблицы и 25 января направлен в Москву за подписью Николая Поливина. В него включено шесть членов Союза писателей. Открывает список ответственный секретарь Астраханского отделения Союза писателей РСФСР:

1. Поливин Николай Георгиевич, псевдоним – А. Рузаев, жанр – поэзия и проза, родился 17/IV 1925, русский, член КПСС, окончил Астраханский государственный педагогический институт в 1954 г., должность – ответственный секретарь Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, адрес: Астрахань, площадь Шаумяна, д. 15, кв. 29; тел. 28-90.

За ответственным секретарем в списке следует его заместитель:

2. Субботин Федор Евстафьевич, жанр – проза, родился 1/IX 1913, русский, член КПСС, окончил Высшую партийную школу при «Крестьянской газете» в Москве в 1936 г., заведующий отделом редакции астраханской областной газеты «Волга», награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», заместитель ответственного секретаря Астраханского отделения Союза писателей РСФСР, адрес: Астрахань, площадь Шаумяна, д. 13, кв. 16; тел. 75-21.

В сведения о Федоре Субботине вкралась ошибка, которую работники Отдела творческих кадров Союза писателей СССР, если, конечно, они ее заметили, имели все основания посчитать серьезной: писатель окончил не «Высшую партийную школу», а Высшие курсы журналистов, которые, повторимся, сам писатель называл «Высшей газетной школой», да к тому же не в 1936 г., а в 1934-м.

Далее, надо полагать, следует третий (считая вместе с ответственным секретарем и его заместителем) член бюро отделения:

3. Ярочкин Борис Петрович, жанр – проза, родился 22/I 1922, русский, беспартийный, окончил Литературный институт им. М. Горького в 1963 г., редактор Промышленной редакции Астраханской студии телевидения, домашний адрес не указан.

Закрывают список три «рядовых» члена отделения, перечисленные по алфавиту:

4. Гаркуша Александр Тимофеевич, псевдоним – А. Греков, жанр – поэзия и проза, родился 21/I 1922, русский, член КПСС, окончил Северо-Осетинский государственный педагогический институт в 1942 г., редактор Нижне-Волжского книжного издательства, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», адрес: Астрахань, площадь Шаумяна, д. 15, кв. 37;

телефона нет;

5. Жилин Борис Иванович, жанр – проза, родился 1/1 1921, русский, член КПСС, окончил Астраханский государственный медицинский институт (год не указан), главный врач Санитарно-эпидемиологической станции с. Енотаевск, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», председатель Енотаевского райкома профсоюза медицинских работников, адрес: Астраханская область, с. Енотаевск, ул. Колхозная, д. 40; тел. 7-45;

6. Карпенко Владимир Васильевич, жанр – проза, родился 19/II 1926, русский, член КПСС, окончил Ростовское художественное училище в 1953 г. и Литературный институт им. М. Горького в 1960 г., инструктор Обкома партии, адрес: Астрахань, ул. Волжская, д. 62, кв. 21; телефона нет⁶⁰.

* * *

В связи с увеличением объема работы по руководству печатью и в соответствии с решением центрального аппарата КПСС, в составе Идеологического отдела Астраханского обкома КПСС (как и в других областных комитетах партии) в январе 1964 г. был создан Сектор печати. По предложению секретаря по идеологии Соколова, 28 января бюро обкома утвердило Карпенко заведующим Сектором печати Идеологического отдела, «освободив его от обязанностей инструктора Идеологического отдела обкома КПСС»⁶¹.

В справке, составленной к его представлению на утверждение в должности, сказано: «Тов. Карпенко В.В. ... имеет опыт журналистской работы, за время работы в аппарате обкома КПСС проявил себя с положительной стороны. Является членом Союза писателей СССР». На этот раз справку к представлению на утверждение в должности подписал 28 января новый заместитель заведующего Идеологическим отделом Г.В. Бельцов⁶².

Сектору печати по штату полагался инструктор. На том же заседании бюро утвердило в этой должности Василия Георгиевича Фомина – журналиста, два года проработавшего в редакции областной молодежной газеты «Комсомолец Каспия» и в 1962 г. принятого в члены Союза журналистов СССР⁶³.

* * *

18 июля 1964 г. на своем заседании бюро обкома партии утвердило тематический план выпуска литературы Астраханского отделения Нижне-Волжского книжного издательства на 1964 г.⁶⁴ Отметим, что документы об утверждении тематического плана книжной редакции издательства газеты «Волга» на бюро обкома партии за предыдущие годы пока не выявлены. Однако это не значит, что та-

кие тематические планы не согласовывались и не утверждались в обкоме.

Приложенный к протоколу заседания бюро тематический план включает всего 12 книжных изданий.

На первой позиции стоит сборник статей «Орошаемое земледелие – гарантия устойчивых урожаев», среди авторов которого первым указан секретарь Астраханского обкома КПСС Б.И. Костенко (объем 5 печатных листов, тираж 5 тыс.). Завершает тематический план раздел «Сельскохозяйственная литература», в который включены три брошюры: «Нижневолжские арбузы» (2 печатных листа, тираж 10 тыс.), «Рис – культура больших возможностей» (1,5 печатных листа, тираж 10 тыс.) и «Памятка поливальщику» (2 печатных листа, тираж 20 тыс.).

Между «Орошаемым земледелием» с участием секретаря обкома и «Сельскохозяйственной литературой» составители тематического плана поместили самый большой раздел – «Художественная литература», который разбит на четыре подраздела.

В первый – «Переиздания» – включен роман Ф. Субботина «Любовь зовет» (12 печатных листов, тираж 60 тыс.).

Во второй – «Проза оригинальная» – включены роман Б. Жилина «Шутиха» (12 печатных листов, тираж 15 тыс.), сборник рассказов Ю. Селенского «Одна тревожная ночь» (6 печатных листов, тираж 15 тыс.), сборник повестей А. Грекова «Северный джигит» (10 печатных листов, тираж 15 тыс.) и сборник повестей и рассказов Б. Ярочкина «На распутье» (8 печатных листов, тираж 15 тыс.).

В третий – «Поэзия» – включен сборник стихов Н. Поливина «Весна зимой» (2 печатных листа, тираж 5 тыс.).

В четвертый – «Детская и юношеская литература» – включены «Книжка о мальчишке» Ю. Маркова и повесть А. Шадрина «Вовкаморяк» (обе – 1,5 печатных листа, тираж 15 тыс.)⁶⁵.

Получилось, что в тематическом плане выпуска литературы Астраханского отделения Нижне-Волжского книжного издательства на 1964 г. произведения астраханских писателей по объему и тиражу многократно превысили научно-популярную и производственную литературу по сельскому хозяйству (среди которой, заметим, не нашлось места ни одной книжке о полезности и технологии выращивания кукурузы, которые широко выходили тогда по всей стране). При этом из восьми авторов пятеро – Федор Субботин, Александр Гаркуша, Борис Ярочкин, Борис Жилин и Николай Поливин – являлись членами Союза писателей СССР. А три автора – Юрий Галишников (литературный псевдоним – Селенский), Адихан Шадрин и Юрий Марков – нуждались в опубликованных книгах для вступления в Союз писателей.

Раздел «Художественная литература», несомненно, был составлен на основе рекомендации самого Астраханского отделения Союза писателей, а поддержку этой рекомендации в Идеологическом

отделе обкома партии обеспечил заведующий Сектором печати Карпенко. Видимо, он сумел убедить секретаря обкома по идеологии Соколова, как это важно – изданием новых произведений и переизданием старых ускорить профессиональный рост астраханских писателей. И тем самым помочь начинающим авторам вступить в члены Союза писателей, что позволит добиться роста численности, а значит и укрепления только что созданной областной писательской организации. И не менее важно – материально поддержать астраханских писателей за счет гонораров. Как было принято обосновывать в те времена, все это, дескать, служило достижению поставленных товарищем Хрущевым и съездами партии целей в области коммунистического воспитания трудящихся.

* * *

После снятия Хрущева, по решению центрального аппарата КПСС, Идеологическим отделам областных, городских и районных партийных комитетов было возвращено прежнее, ленинско-сталинское, название – Отдел пропаганды и агитации.

20 января 1965 г. бюро обкома партии утвердило заведующим Отделом пропаганды и агитации Ю.Н. Пугачева. До перевода в Астрахань он два года проработал в райцентре Красный Яр на должности секретаря партийного комитета Красноярского производственного колхозно-совхозного управления (то есть «сельскохозяйственной» части бывшего Красноярского райкома КПСС, созданной при разделении Хрущевым партийных комитетов на промышленные и сельскохозяйственные)⁶⁶.

Сектор печати Идеологического отдела был преобразован в Сектор печати, радио и телевидения Отдела пропаганды и агитации, а его заведующим 22 февраля 1965 г. бюро обкома утвердило Карпенко⁶⁷.

Однако спустя всего месяц, 24 марта 1965 г., решением бюро обкома Карпенко был освобожден от занимаемой должности «в связи с переходом на творческую работу»⁶⁸.

Такой шаг писателя – отказ от партийной карьеры – был вызван его новым творческим замыслом: собрать материалы о Борисе Думенко, создателе советской кавалерии на Дону, расстрелянном в 1920 г. и реабилитированном в 1964 г., и написать о нем историческую диалогию⁶⁹.

Вместо него заведующим Сектором печати, радио и телевидения бюро обкома утвердило Фомина, к тому времени уже почти полтора года проработавшего инструктором Идеологического отдела и Отдела пропаганды и агитации⁷⁰. Пройдет почти два десятка лет, и ему суждено будет стать заведующим Партийным архивом Астраханского обкома КПСС и на этом посту встретить начало горбачевской перестройки, конец эпохи всевластия партии коммунистов.

* * *

Как видно из отчетного доклада Николая Поливина, сделанного 12 ноября 1964 г., обком партии не только «направлял и контролировал» создание писательской организации, но также через облисполком и горисполком «решал вопросы» улучшения материальных и бытовых условий жизни и работы писателей. Что важнее всего – предоставил всем квартиры в относительно недавно построенных или совсем новых многоэтажных домах.

Сам Николай Поливин сформулировал и оценил это так: «Следует отметить, что областные партийно-советские организации оказывали и оказывают молодой писательской организации всяческую поддержку, и не только моральную. Например, все наши писатели обеспечены благоустроенными квартирами, несмотря на то, что вопрос с жильем в городе по-прежнему остается острым»⁷¹.

Надо полагать, Николай Поливин и Владимир Карпенко в решении «квартирного вопроса», как и других материальных и бытовых вопросов своих собратьев по перу, действовали слаженно: согласовывались и писались нужные заявления и ходатайства, «организовывались» телефонные звонки из обкома в облисполком и горисполком, проводились «товарищеские разговоры» с работниками исполкомов и членами Жилищных комиссий, подписывались авторами и дарились книги.

Сколь важным для плодотворной творческой работы Владимир Карпенко считал решение бытовых вопросов, видно из его справки о работе Астраханского отделения Союза художников РСФСР, подготовленной в августе-сентябре 1963 г., в бытность инструктором Идеологического отдела. В ее заключительной части, среди рекомендаций, он писал: «И особенно нужно обратить внимание на быт художника, улучшить жилищные условия, упорядочить систему заработной платы, находить средства для творческих командировок»⁷².

* * *

За первый год своего существования писательская организация численно не выросла.

Согласно списку, составленному по указанию Правления Союза писателей РСФСР в ходе подготовки к предстоящему II съезду писателей РСФСР, на конец октября 1964 г. в ней «на писательском учете» состояли те же шесть членов Союза писателей, что и при ее создании. Старшим по времени членства в Союзе был Александр Гаркуша, принятый в 1950 г. Остальные были значительно «моложе»: Николай Поливин, принятый в 1957 г., Борис Ярочкин и Борис Жилин, принятые в 1962 г., и, наконец, Федор Субботин и Владимир Карпенко, принятые в 1963 г.⁷³

Однако уже в первых числах ноября организация пополнилась

новым, седьмым, членом: из города Ачинска Красноярского края⁷⁴ на постоянное жительство в Астрахань переехал драматург и прозаик Андреас (Андрей) Адамович Закс, и Николай Поливин поспешил посчитать его фактически состоящим в организации.

Делегат I съезда советских писателей 1934 г., перед Великой Отечественной войной Андреас Закс жил в Энгельсе, где возглавлял Союз писателей Автономной республики Немцев Поволжья, а после начала войны был депортирован в Сибирь. Немец по национальности, родившийся в 1903 г., вступивший в партию большевиков в 1927 г. и принятый в Союз писателей при его создании в 1934 г., он стал самым старшим в астраханской писательской организации и по возрасту, и по стажу в Союзе писателей СССР.

Когда 4 ноября 1964 г. Николай Поливин отправлял в Правление Союза писателей СССР список писателей Астраханского областного отделения, потребовавшийся для составления нового справочника Союза писателей СССР, в нем значилось уже семь человек. Последним, под № 7, стоял Закс Андрей Адамович, жанр – драматургия, проза, адрес: Астрахань, ул. Ленина, д. 11, кв. 15. При этом в списке впервые были указаны литературный псевдоним Федора Субботина (Чилим-Чилимов) и адрес недавно получившего квартиру Бориса Ярочкина (Астрахань, ул. Татищева, корп. 49, кв. 32)⁷⁵.

Однако официальное «принятие на писательский учет» Андреаса Закса затянулось почти на полтора года. Только 10 марта 1966 г., рассмотрев его заявление о писательском учете, Секретариат Союза писателей РСФСР разрешил Красноярскому отделению Союза «снять его с учета», а Астраханскому отделению – «принять тов. Закса Андреаса Адамовича на писательский учет». Причем в постановлении Секретариата указан его новый астраханский адрес: Северо-Прибрежный микрорайон, корп. 11, кв. 10⁷⁶.

Что послужило причиной полуторагодовой задержки, Николаю Поливину, наверняка, дали тогда понять. А теперь, поскольку в выявленных документах эта причина никак не отражена, можно только догадываться, что заключалась она, скорее всего, в депортации 1941 г.

* * *

В апреле 1965 г., когда Астраханскому отделению едва исполнилось полтора года, Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР задумало провести в Астрахани Дни таджикской литературы. Вероятно, на Астрахани как месте проведения настаивали сами таджикские писатели, точнее – их литературно-партийное руководство.

Директор Бюро Д.Е. Ляшкевич прислал телеграмму ответственному секретарю Астраханского отделения с вопросом, готово ли оно к проведению такого крупного мероприятия всесоюзного масштаба.

Очевидно, Правление Союза писателей СССР и руководство Бюро засомневались относительно Астрахани. И сомнения их понятны: Астраханское отделение – организация молодая и малочисленная, опыта проведения подобных, «всесоюзного масштаба», мероприятий не имеет. Николай Поливин, судя по всему, ответной телеграммой выразил готовность принять группу таджикских писателей и сделать все необходимое для успешного проведения в Астрахани Дней таджикской литературы.

Сразу после Первомайских праздников он получил от Д.Е. Ляшкевича письмо на бланке Бюро, датированное 26 апреля 1965 г.:

«Уважаемый Николай Георгиевич!

Спасибо за быстрый ответ на мою телеграмму. Скоро Вы получите письмо СП РСФСР по поводу Дней таджикской литературы (так сказать, официальное).

Но так как сопровождать группу буду я, и важно все держать очень оперативно и точно, прошу не ставить в труд, копию Вашего письма в СП РСФСР – посылать мне.

Мне приятно и то, что у Вас, видимо, хорошая связь с Обкомом КПСС.

Жду от Вас план на 19, 20 и 21 июня для гостей. Задачи плана: 1) Ознакомить с историей, жизнью, экономикой, культурой области – хотя бы путем хорошей беседы у кого-то из руководителей области (а может быть и просто у первого секретаря) и что-то показать – музей, памятные места и т.п. 2) Спланировать некоторое количество встреч с читателями...»⁷⁷.

* * *

Фраза из письма московского писательского начальства о «хорошей связи с Обкомом КПСС» многое значила тогда, в начале 1960-х гг. И многое объясняет теперь в истории создания Астраханской писательской организации.

Примечания Notes

¹ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² Там же. Л. 7.

³ Носова Н.М. Астрахань: Памятные страницы истории и культуры. Астрахань, 2006.

⁴ Нечаев М.Г. Проблемы рассекречивания документов бывших партийных архивов на примере Пермского государственного архива новейшей истории (ПермГАНИ) // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1

(31). С. 20–28.

⁵ Справочник Союза писателей СССР на 1959 г. Москва, 1959. С. 480, 481.

⁶ Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). Ф. 325. Оп. 11. Д. 5049.

⁷ Там же. Л. 5–6.

⁸ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 2053. Л. 6, 110об., 115, 118.

⁹ *Жилин Б.* Карандаш на полу // Знамя коммунизма (Енотаевск Астраханской обл.). 1967. 3 авг.; *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 28.

¹⁰ Справочник Союза писателей СССР на 1959 г. С. 670, 671.

¹¹ Там же. С. 148, 149.

¹² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 1295. Л. 6–7об.

¹³ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 34. Л. 6–7.

¹⁴ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

¹⁵ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

¹⁶ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 5049. Л. 4.

¹⁷ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 9, 15; Д. 5. Л. 22.

¹⁸ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 14, 15.

¹⁹ Там же. Л. 4, 50.

²⁰ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 6163. Л. 1–6об.; ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 3, 50.

²¹ *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 29, 30.

²² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 25. Л. 138.

²³ *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 31.

²⁴ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 2731. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 13об.

²⁶ *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 35, 40, 41.

²⁷ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 25. Л. 231.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 2053. Л. 114.

³⁰ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 25. Л. 157.

³¹ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко; *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 31.

³² Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко.

³³ Там же.

³⁴ *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 31.

³⁵ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко.

³⁶ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 5049.

³⁷ ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 9. Д. 268. Л. 430.

³⁸ Там же. Л. 429.

³⁹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴⁰ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 10. Л. 43.

⁴¹ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 5049.

⁴² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 29. Л. 100.

⁴³ Там же. Л. 105–107.

⁴⁴ Там же. Л. 108.

⁴⁵ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 37.

⁴⁶ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Л. 3.

⁴⁹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

⁵⁰ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁵¹ Там же. Л. 3 (разворот).

⁵² Там же. Л. 5об., 6.

⁵³ Там же. Л. 4об.

⁵⁴ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

⁵⁵ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 12.

⁵⁶ Там же. Л. 12.

⁵⁷ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.

⁵⁸ Личный архив В.В. Карпенко и С.В. Карпенко.

⁵⁹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

⁶⁰ Там же. Л. 3–4.

⁶¹ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 47. Д. 13. Л. 73.

⁶² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 2731. Л. 16об.

⁶³ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 6701. Л. 17.

⁶⁴ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 47. Д. 15. Л. 140.

⁶⁵ Там же. Л. 167, 168.

⁶⁶ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 5221.

⁶⁷ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 50. Д. 10. Л. 199.

⁶⁸ Там же. Л. 273.

⁶⁹ *Карпенко С.В.* Писатель Владимир Карпенко: Четыре года в Ульяновске // Симбирскъ. 2017. № 6 (48). С. 31, 32.

⁷⁰ ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 11. Д. 6701. Л. 17.;

⁷¹ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁷² ГАСД АО. Ф. 325. Оп. 45. Д. 86. Л. 75.

⁷³ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

⁷⁴ Справочник Союза писателей СССР на 1959 г. Москва, 1959. С. 238, 239.

⁷⁵ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 5. Л. 53.

⁷⁶ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.

⁷⁷ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 11. Л. 42.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Новосёлова Виктория Владимировна – начальник Отдела использования и публикации документов Государственного архива Астраханской области (Астрахань)
astrahanarhive@yandex.ru

Пугачева Наталья Александровна – начальник Отдела использования Государственного архива современной документации Астраханской области (Астрахань)
astrahangasd@yandex.ru

Шалацкая Екатерина Павловна – и.о. директора Государственного архива современной документации Астраханской области (Астрахань)
astrahangasd@yandex.ru

В статье впервые описывается история создания Астраханской областной писательской организации, которая была основана как отделение Союза писателей Советской России в октябре 1963 г. Источниками для исследования послужили документы, сохранившиеся в государственных архивах Астраханской области и прежде не использовавшиеся историками. Кроме того, были использованы воспоминания еще живых участников и свидетелей тех событий. Основное внимание уделяется трем важнейшим факторам создания общественной писательской организации в период правления Н.С. Хрущева, когда, при сохранении монополии КПСС на политическую власть, в Советском Союзе настала кратковременная «оттепель» в политической и духовной жизни. Первый фактор – организационные усилия Астраханского обкома КПСС по созданию областной писательской организации с целью активизации идеологического воспитания «людей коммунистического будущего». Второй фактор – самостоятельность профессиональных и начинающих астраханских писателей, их активное участие в творческой и пропагандистской работе общественного Астраханского областного литературного объединения. Третий фактор – литературные дарования астраханских писателей 1960-х гг., издание их талантливых прозаических и поэтических произведений, которые быстро становились популярными среди широких читательских масс. Первым ответственным секретарем Астраханской областной писательской организации был избран Николай Поливин. Помимо него в ее первый состав вошли Александр Гаркуша, Борис Жилин, Владимир Карпенко, Федор Субботин и Борис Ярочкин.

Союз писателей СССР, Астраханская писательская организация, газета «Волга» (Астрахань), Коммунистическая партия Советского союза (КПСС), Астраханский областной комитет КПСС, «оттепель», общественная организация, писатель, астраханский писатель, Астрахань.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Nechaev M.G. Problemy rassekrechivaniya dokumentov byvshikh partiynykh arkhivov na primere Permskogo gosudarstvennogo arkhiva noveyshey istorii (PermGANI) [Problems of Document Declassification in Former Communist Party Archives Based on the Example of the Perm State Archive of Contemporary History (PermGANI)]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 1 (31), pp. 20–28. (In Russ.).

(Monographs)

2. Nosova N.M. Astrakhan: Pamyatnye stranitsy istorii i kultury [Astrakhan: Memorable Pages from Its History and Culture.]. Astrakhan, 2006, 526 p. (In Russ.).

Authors, Abstract, Key words

Sergey V. Karpenko – Candidate of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
skarpenk@mail.ru

Viktoriya V. Novoselova – Head of Department, State Archive of the Astrakhan Region (Astrakhan, Russia)
astrahanarhive@yandex.ru

Natalya A. Pugacheva – Head of Department, State Archive of Contemporary Documentation of the Astrakhan Region (Astrakhan, Russia)
astrahangasd@yandex.ru

Ekaterina P. Shalatskaya – Acting Director, State Archive of Contemporary Documentation of the Astrakhan Region (Astrakhan, Russia)
astrahangasd@yandex.ru

The article is the first study describing the history of creating the Astrakhan Writers' Organization in October 1963 as an affiliate of the Writers' Union of the Soviet Russia. The research is based on documents from the state archives of the Astrakhan Region which were never used before in historical research. Besides, the author resorted to the recollections of living participants and witnesses of those events. The article focuses on three major factors about the foundation of the public writer's organization as the short-lived "thaw" in political and cultural life occurred during N.S. Khrushchev's rule, with the monopoly of the CPSU for political power being fully preserved. The first factor accounted for the efforts made by the Astrakhan CPSU Regional Committee to launch a regional writers' organization in order to intensify the ideological education of "the people of communist future". The second factor consists in the initiative and enthusiasm shown by professional and beginning writers, their active participation in the creative and outreach activities of the public regional literary union of Astrakhan. The third factor is the literary giftedness of the Astrakhan authors of the 1960s, the publication of their talented poetical and prosaic works

which quickly became popular with a massive readership. The first secretary in charge of the Writers' Organization of the Astrakhan Region was Nikolai Polivin, with Alexander Garkusha, Boris Zhilin, Vladimir Karpenko, Fyodor Subbotin and Boris Yarochkin being its first board members.

USSR Union of Writers, Astrakhan Writers' Organization, *Volga* newspaper (Astrakhan), Communist Party of the Soviet Union (CPSU), Astrakhan CPSU Regional Committee, Khrushchev Thaw, non-governmental organization, writer, Astrakhan writer, Astrakhan (City of).

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Book Reviews

N.G. Kats and C.J. Storella

**JEWS, GERMANS, AND POLES IN SIBERIA:
NEW RESEARCH IN THE STUDY
OF THE SIBERIAN POPULATION
IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Н.Г. Кац, К.Дж. Сторелла

**Евреи, немцы и поляки в Сибири:
Новое в изучении сибирского народонаселения
XIX – начала XX веков**

As Vladimir Shaydurov, Associate Professor at the Saint Petersburg Mining University, reminds readers in the introduction to his highly informative, *Jews, Germans, and Poles in Western Siberia from the 19th to the Early 20th Centuries* (Saint Petersburg, 2013)¹, throughout the 19th and early 20th centuries Siberia was not just a frontier land where two continents and two civilizations happened to meet, it was also a territory inhabited by practitioners of all the world's religions, and a "melting pot" where a variety of ethnic groups "actively interacted."

A native Siberian, Shaydurov has set out to elucidate and compare the histories of three of the distinct European ethno-religious groups that, as a result of the Russian Empire's centuries-long territorial expansion and the social, political, and economic ramifications this set in motion, resettled (under compulsion or voluntarily) in the vast land beyond the Urals.²

Rather than delving into the internal or religious life of the communities under discussion, however, Shaydurov directs his attention to the legal, demographic, and social-economic contexts in which Siberia's Jews, Germans, and Poles lived, worked and, in some cases, thrived. As he demonstrates, by finding and settling into various economic "niches" these three groups were instrumental in developing the territory and, consequently, in helping to integrate it more fully into European Russia.

It is worth noting here that the history of the peoples of Siberia has long attracted the attention of historians in the United States. American historiography contains numerous general studies of the region and its native peoples along with works that fully examine the dynamics of Tsarist colonial policy. Of the three groups comprising Shaidurov's

study, American historians have devoted primary attention to the Russian Jews and the Germans. The Poles, however, remain a relatively understudied group.³

Shaydurov's overall conception of the territory's development requires him to examine both the "vertical" connections by which the Imperial government defined the place of each nationality and minority group in the Russian state and legal system, and the "horizontal" connections through which these groups interacted with each other. Shaydurov accomplishes this task remarkably well through a deep knowledge of pre-revolutionary and contemporary historiography, primary sources such as newspapers, letters, and memoirs, and the archival resources that have been made available to researchers since the collapse of the USSR. During the Soviet era, the definition of the Russian Empire as a "prison house of nations" dominated official historiography, and directives concerning the elucidation of the historical development of so-called "titled" indigenous peoples and nationalities precluded research into the development of other, smaller national groups. Newer research into the history of the peoples of Russia has introduced a comparative-historical approach to the analysis of their development. Researchers today, including the author of this study, are now focusing attention on the general and the specific features in the development of peoples situated on certain territory, in this case Siberia, in a given period.

How did these groups come to be in Siberia? What drove them to this region, so remote from central Russia, with its often harsh climate? Into what economic niches did the settlers tend to gravitate? Why? What obstacles did they face? And finally, what role did the representatives of these newly formed communities play in the economic development of the territory? The author has tried to provide answers to these and numerous other questions.

Shaydurov has gathered a tremendous wealth of sources including material from central and Siberian archives, as well as the archive of the History of the Jewish People located in Jerusalem. He also draws on pre-revolutionary and recently published document collections and laws, statistics and record compilations, letters from exiles, and the pre-revolutionary press. This varied source base enables him to investigate the Imperial government's nationalities policy in Siberia and to show that quite often, despite official directions and control from St. Petersburg, local Siberian authorities helped the representatives of national communities take part in the life of the region. Also of interest is Shaydurov's use of previously unknown or restricted memoirs of participants in events under discussion, and of published historical research in Russian, German, and Polish.

In the first chapter, Shaydurov provides an extremely valuable and comprehensive critical review of the historical literature and sources that concern the three national communities in Western Siberia. This is the first review of sources on the subject, and scholars will profit much from

the author's presentation. He notes, for example, that the historiography of each community neatly divides into the exact same periods. In the first period, which began in the second-half of the 19th century and continued to 1917, the writings of conservative and liberal representatives of the state school dominated the literature. During the second period, from the 1920s to the 1960s, official restrictions severely limited the study of non-titled national groups. Researchers could include such material only as part of a more general narrative. The third period, running through the 1970s and 1980s, witnessed the establishment of the main lines of study of these communities. Finally, in the fourth, post-Soviet period, methodological pluralism and archival access made it possible to reappraise earlier findings that, in turn, stimulated research in the field of nationality studies.

Taken together these sources provide the author the opportunity to explore the dynamic workings of the Polish, Jewish, and German communities in Western Siberia on the basis of comparative legal and demographic analyses, which enables him to detail the legislative basis of Imperial relocation policy and the source of the migratory flow that led to the formation of these national communities in Siberia. In addition, he displays a masterly understanding of the vertical and horizontal connections that affected the development of these communities, particularly in the evolution of the civil and legal status of their members and in regard to their economic life.

Regarding the Jewish community, he writes that at the end of the 19th and beginning of the 20th century there existed in domestic Jewish studies an "external" and an "internal" approach. If the first was based on research that included Jewish as well as non-Jewish sources, the second relied, on the whole, on documents generated within the Jewish community. The author points out that at the beginning of the 20th century interest in the history of the Jewish people increased in connection with the increasing frequency of pogroms and the discussions arising out of the Beilis Case and the Dreyfuss Affair. A no less significant factor, less touched on by the author, was the Jewish emigration from Russia to the USA.

Examining previous research, particularly that of Yu. Ostrovsky's, *The Jews of Siberia* (St. Petersburg, 1911), which was based on data gathered in the 1897 census, Shaydurov emphasizes the small size of the Jewish population in the region (35,000 people) and their dispersion across an enormous territory. Following Ostrovsky, the author notes that the so-called "Jewish question" in Siberia was created by local authorities for their own purposes.

Recent research by Russian historians, especially representatives of the Siberian school of Jewish studies, has established a tradition of looking at the history of Jewish communities in Siberia within the borders of distinct provinces. One result of this approach is to highlight the legal situation and economic activity of Siberia's Jewish population in the pre-

reform period. L. Kalminova, on the basis of Eastern Siberia, demonstrated that Imperial ethnic policy toward the non-native population carried a more liberal character than in European Russia. She also concluded that, as in other regions of the country, representatives of the Siberian Jewish community tried to find their economic niche in activities that did not bring them into conflict with existing legislation. According to Kalminova, for a long time carting and lamp oil production prevailed as forms of Jewish business activity. In trade and industry, Jews often took up work like photography that did not hold the promise of large profits.

In response to their growing economic influence, Imperial policy toward the Jews became harsher at the beginning of the 20th century. The government now took measures to limit their economic activity. As the concentration of Jews in Siberian cities increased, the state introduced prohibitions on Jewish access to certain professions in an effort to restrict Jews in the region to handicraft and artisanal production.

Shaydurov, then, sees the current research situation positively, as the beginning of a qualitatively new period in the development of Siberian Jewish studies, particularly in connection with the formation of academic centers in Irkutsk and Ulan-Ude. In addition to the territorial-chronological approach, researchers are now using a problem-chronological approach. From this position, many authors are analyzing problems internal to Jewish social life and the place of the Jews in the Imperial penal system. He does not hesitate, however, to identify some general problems with recent scholarly output. Overall, these shortcomings may be grouped under the heading of treating the subject in a sort of provincial isolation. In contrast, he calls for the application of a macro-regional approach that would avoid the pitfalls of limiting research within the framework of a single province. Likewise, he bemoans the absence of comparative analyses of the legal, economic, and religious situations of the Jewish population and those of other nationalities in the region.

In his review of the historiography concerning the Polish diaspora in Siberia, Shaydurov emphasizes that despite the significance of the “Polish question” in 19th century Russia, until now scholars have paid insufficient attention to the Polish community in Siberia due to severely restricted access to archival materials.

According to Shaydurov, “Russia failed to transform Polish lands and their population into an integral part of its organism.” To prove this argument, he discusses the Russian-Polish antagonism that resulted in numerous uprisings and the relocation of Poles on Imperial territory, including Siberia.

Soviet historiography of the 1920s through the 1960s viewed the history of this community mainly through the prism of Siberian exile, a topic that continues to elicit scholarly interest. Researchers from this period managed to amass statistical information about the exiles from the archives – their social origins and location in the provinces and regions of Siberia. Through this work, it came to light that the majority of exiled

Poles were gentry and that their situation in exile depended primarily on their relations with the local administration. The exiled participants in the national liberation movement also encountered sympathy across the broad spectrum of Russian society.

Irkutsk University, where a center for the study of Siberian Poles arose in the late 1960s, is now a leading site for Russian-Polish academic exchanges. Today regional historiography has assumed a large place in the history of Polish exiles, the community’s religious life, and its social and political activities. An overwhelming number of publications dedicated to the Poles in Western Siberia in the second half of the 19th century and late-Imperial period have appeared. Nevertheless, Shaydurov notes with regret that important historical issues have not received the attention they deserve, including the social-demographic makeup and economic life of the community. As a result, when compared to the achievements of Siberian Jewish studies, work on the Siberian Poles remains underdeveloped, dominated as it is by the history of political exile.

The second chapter details the formation and development of the Jewish community in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries. According to the author, the “Jewish problem” in Russia remained latent for a long time. Only in the second half of the 19th century did it become central to tsarist nationality policy. Of particular interest is the analysis of sources on the formation of this community in the pre-reform era. Relying on documents from the Russian State Archive of Ancient Acts and the pre-revolutionary publications of Iu.I. Gessen, Shaydurov addresses the role of hard labor and exile in the first stage of the community’s formation.

At the beginning of the 19th century, however, efforts turned to transforming the Jews into farmers, and dispatching them to agricultural colonies outside their traditional areas of residence. Various plans were drawn up to relocate Jews to Novorossiia and even Tobolsk province. Proposals to solve the “Jewish question” by assimilating them into the general Russian population through Christianization or through various acculturation measures were also floated at the highest state levels. Jews were made liable for military recruitment in 1827.

By the 1830s, the poverty that reigned among the Jewish population of the Pale of Settlement and the Jews attempt to improve their economic situation had created the internal preconditions to include them in the resettlement process. The absence of sufficient finances at the local and provincial levels resulted in the cessation of this process in 1837, and there soon followed a decree on returning all resettled parties to their previous places of residence or to Kherson province. By the end of the 1830s, the autocratic state had successfully eradicated the Jews from Siberia. The materials in this chapter place in question the standard conclusions found in the literature that more than one thousand Jews had been resettled in Siberia by 1836. In fact, the number was significantly less.

The exile and settlement of Jews in Siberia raised the question of their

inclusion in the economic life of the region. Exiles were usually sent to work in metallurgical plants. Some managed to find support themselves through trade. While Petersburg circles considered Jews nothing more than a “harmful” group, Siberian administrators granted exceptions which allowed them to engage in local trade and distilling. Secret instructions during Nicholas I’s reign prohibited Jews from working in government and private factories in the Urals, and in the Altai mining territory in order to prevent them from stealing precious metals and “corrupting the local population.” On the whole, as the chapter emphasizes, the legislative acts of this period regarding the Jews were restrictive. Norms were established limiting the growth of Jewish trade, while a decision admitting Jews into the Siberian merchant guilds was left to the Ministry of Finances. On the whole, only admittance to the state-peasant category was open to them.

In Siberia, the Jews found themselves in a complicated and muddled legal situation. Though outside the Pale of Settlement, the legal norms of the Pale were still applied to them. At the same time, they also fell under the jurisdiction of the Regulation on Exiles. As a result, Jews had to struggle enormously to achieve any semblance of legal recognition and justice.

The reforms of the 1860s and 1870s granted Jews the legal standing to resettle in Siberia. The first to do so were those with higher education such as doctors and teachers. Another group consisted of cantonists (*kantonisty*) and their children, and artisans who received the right to reside together. Nevertheless, by the 1890s the authorities again returned to the idea of removing the Jews from Siberia, and numerous campaigns were undertaken to uncover people who had no right to live in the region. The question of a Pale of Settlement for Jews in Siberia was also discussed extensively. However, in as much as Jews gravitated to economic centers where they might earn a living rather than to their places of registration, local authorities often reported to the provincial police administration that no Jews lived in the area under their control.

In 1901–1902, the Senate issued clarifications on the application of the “Pale of Settlement” concept to Siberia, indicating that in this region the Pale of Settlement for each Jew was the territory (*okrug*) or district (*uezd*) in which he was registered. Shaydurov discusses the discriminatory policies of Alexander III and Nicholas II in detail. P.A. Stolypin tried to carry out his “Jewish policy,” but this did not lighten, and in a number of cases even worsened, the anti-Jewish laws by preserving legal discrimination. It required the February Revolution to eliminate discriminatory restrictions on civil rights. On March 20, 1917, the Provisional Government’s Ministry of Justice, under Alexander Kerensky, passed a preliminary resolution that by legislative act abolished all limits on civil rights based on religion and nationality.

Shaydurov also details the Jewish population’s urban experience. Like other national groups in Siberian cities, Jews tended to congregate

in specific religious and ethnic enclaves. Poverty forced many to take up begging – often on a full-time basis – as a source of income. Local materials, especially from Tobolsk, enable Shaydurov to discuss the “economic niches” in which Jews settled in order to survive. Several helpful tables in this chapter provide statistics on Jewish economic activity. Trade and transport, particularly carting, assumed importance for Jews in Tobolsk. In post-reform Siberia, private capital began to play an important role. Jewish entrepreneurs could be found in gold and the mining of precious stones, as well as mineral processing. Money lending, trade, construction work, distilleries and gold mines served as the sources of primary, especially merchant, capital accumulation. By the beginning of the 20th century, Jews in Western Siberia had moved into new niches like processing agricultural products, jewelry making, and manufacturing artistic and luxury items. In conclusion, the author emphasizes that by assuming and reinforcing their role in certain economic activities the Siberian Jews created the conditions under which social institutions connected with religion, education, and charity, could successfully operate.⁴

In the third chapter, Shaydurov turns his attention to the Germans of Western Siberia. German military personnel, bureaucrats, and mining specialists began moving into Siberia in the 18th century. In contrast to the Poles and others, few Germans had been exiled to Siberia. They settled in cities and administrative-economic centers. Like the Jews, members of the German community in Western Siberia also found their economic niches. German specialists played an important role in the development of the mining and metallurgical industries in Altai and the Trans-Baikal regions. In Altai, an entire German industrial dynasty emerged. Germans also rose to prominent political positions; four governors of Western Siberia in the 19th century could claim Prussian or Baltic German origins. The Germans also played a significant role in professional education, and as doctors in the territory. But, as the author points out, by passing their knowledge and expertise on to the Russian population, the Germans undermined their unique position, eventually enabling new Russian specialist to displace them.

In the first period of its history, which ended in 1880, the German community rapidly assimilated into the Russian population. In addition to the large number of marriages to Russian women, the absence of religious organizations also helped to accelerate this process, especially in the 18th century. As a result, the size of the German community in the region remained small in the early post-reform period. With two hundred and fifty members, Omsk claimed the largest number of Germans.

In the last quarter of the 19th century, as the land questioned assumed acute proportions in European Russia, more German settlers began to move into Siberia. The author suggests that German settlers could already be found in Tobolsk province and Altai in the first half of the 1880s. Lutheran peasants who had resettled from central Russian provinces, however, categorically refused to live near Russian peasants because of

religious differences.

In the 1890s and early 20th century, resettlement began to gather momentum. Volga Germans dominated this movement in the years 1907 and 1908. German colonists from Ukraine and Crimea soon followed. These newer arrivals founded over two-hundred settlements beyond the Urals. Shaydurov identifies three groups of settlements: Altai, Omsk, and Pavlodarsk. These were characteristically mono-ethnic and mono-confessional, i.e. in each settlement only Germans who belonged to the same religion – Lutheran, Catholic, or Mennonite – lived. Notably, the overwhelming majority of inhabitants consisted of middle peasants. The share of middle and wealthy-peasant farms reached 40 % to 50 % by the start of World War I. Citing figures from the 1917 census, the author notes that the number of proletarians in districts of German settlement declined by almost two times as workers moved into the middle peasant ranks. The economic activity of the Germans looks quite similar to that of the Poles. In both communities the majority were involved in land cultivation, processing raw materials, and working as domestic servants and day laborers in the cities.

Based on a comparison of German, Estonian, Russian, and Ukrainian demographic statistics, Shaydurov argues that “traditional” families predominated among the two Slavic groups, while the families of Estonians, Germans, like other minority groups from the western parts of the empire, displayed evidence of “modernization.” In support of this thesis, Shaydurov points to indicators like family size (smaller among Germans and Estonians), marriage age (slightly higher than the average for Germans of both sexes), and literacy (much higher among Germans).

Shaydurov labels the sharp rise in the fortunes of the German colonies in Altai in 1917 as an “economic miracle.” In many ways, the German colonists’ success was determined by their former place of residence. The most successful colonists originally hailed from Novorossiia, 58 % of whom had advanced into the well-off peasant category. The majority of those who relocated to Altai from this German region, like the Germans who relocated from the Black Sea, were well-off before their departure. In contrast, among settlers from the Volga provinces, the number of poor peasants lacking arable land and draft animals remained high even five to ten years after resettling. Mennonites held the largest share of wealthy farms, Catholics the least. German farms in Altai employed advanced agricultural machinery at a time when other settlers and long-time residents still relied on manual labor. Cooperatives and credit associations exerted an important influence on the development of German farms in the region.

By the mid-1920s, the German community in Western Siberia numbered approximately 80,000 people, making it one of the largest non-Russian ethnic groups in the region. Originally a closed corporate group that on its arrival in the 18th century congregated in large cities, by the turn of the 20th century German settlers were more likely to be propri-

etors of small and medium-sized farms in which capacity they became one of the important driving forces in the agricultural development of South-Western Siberia.⁵

In the fourth and final chapter Shaydurov turns his attention to the Polish community of Western Siberia. Prisoners from Russia’s wars with Poland in the 17th century formed the nucleus of this community. Later, during the 18th and 19th centuries, exiled participants in the Polish liberation movement increased the community’s size.

After the 1830 uprising, two-thirds of Poles exiled to Siberia hailed from the gentry (*dvoriane*). Many of these who had received sentences of more than five years retained their status as gentry and their property as well. At the end of their sentences, they could return to the European provinces of Russia. Another large group of exiles included noblemen (*shliakhty*), townsmen (*meshchanine*), and peasants. Deprived of their status and property, they endured the worst conditions Siberia could offer. (Interestingly, former noblemen were legally entitled to an annual government payment, but receipt of this money often proved difficult and depended entirely on the whims of the provincial authorities.) Having lost the right to return their previous places of residence in European Russia, they assumed the status of state peasants at the conclusion of their ten-year sentences. Children of exiles who had been born before their parents’ conviction retained their previous social status, while children born in exile were registered in the revision and responsible for payment of the soul tax.

In an effort to tie them to Siberian territory, beginning in 1838 exiled Poles were allotted fifteen desyatinas of farmland. According to Shaydurov, the Poles looked with favor on this measure. In one related and curious incident, Poles in Smolinsk volost petitioned the land court in Kurgan okrug to grant them allotments together in one place. The court granted their request, and they received land that had previously been held by several of the Decembrists. As Shaydurov comments, this began the “succession” of one group of political exiles by those of a later era.

Exile was not without its effect on the individual’s national identification. Rather than remain permanent aliens, many exiles preferred to “blend into Siberian society,” and accept its norms and laws. Marriage to local women reinforced this tendency and resulted in the exiles becoming, in effect, Siberians. Economic necessity forced some to become agricultural laborers. Others produced handicrafts for sale at local markets. There were those, however, who held to their dreams of returning to Poland, and tried to preserve elements of their national and religious life.

Higher education afforded some Poles the opportunity to work as support staff in trade and industry. Siberian industrialists relied on Polish technical specialists to facilitate the introduction of the latest technological innovations. Poles assumed a prominent place in processing industries, particularly those related to cedar which was widespread in Siberia.

The production of cedar oil for sale in European Russia proved especially lucrative. According to Shaydurov, the oil plant belonging to a certain Savichevskii in Irkutsk produced 12,000 rubles worth of such oil in 1859.

By no means did all exiles attain this level of success. A good number depended on the support of friends and acquaintances while others survived on money and parcels sent from their homeland through the police. Descendants of veterans of the Confederation of Bar and the Kósciuszko uprising, by contrast, fared much better. Some from this group served as elected officials, others attained administrative posts. This degree of integration extinguished all but the deepest aspirations to return to Poland. By the beginning of the 19th century, descendants of the exiles who remained in Siberia knew Polish poorly or not at all and had assimilated to the point of considering themselves native Siberians.

By 1860, cumulative legislation – most notably the “Regulations on Exiles” (1822) and the “Criminal Justice Code” (1845) – had established the legal framework governing political exile. Numerous other special rules and instructions regulated the exiles’ conditions of transport, their disposition and material security, their conduct, and their relationship with the state agencies responsible for them. Still, when participants in the Polish uprising of 1863–1864 were sent to Siberia, many rules and regulations proved difficult to apply given the unprecedented number of exiles – approximately 18,000 – involved. The new arrivals came from all social stations and classes; based on the available, incomplete evidence, Shaydurov is convinced that former gentry predominated. The documents innocuously listed them all as “Polish settlers.” The post-emancipation reform era of the 1860s initiated the rehabilitation of the participants in the Polish uprising and exiles were granted the right to return to the Kingdom of Poland ruled by the Russian autocracy. Exiled settlers could also enter the peasant or urban (*meshchanstvo*) estate.

Like the members of the Jewish and German communities, Polish settlers in Siberia gradually carved out an economic niche for themselves. They pursued the dual goals of preserving their ethnic unity while integrating into Siberian society. Although the law forbade exiles from assuming state and public service, exiled Poles performed such work in many provinces. Due to their high levels of literacy, many Poles became clerks who often exerted influence on volost’ and village leaders. Many of them also worked as tutors, instructing the children of merchants and bureaucrats in a variety of subjects. Despite prohibitions, exiles also were granted special patents as wholesalers of spirits. Some even tried to open hotels or photography shops, but the authorities usually denied such requests. Figures from Tobolsk show that up to 40 % of Poles in the province worked in the industrial or handicraft spheres. A high number (24.5 %) were dependent for their existence on money sent from relatives.

In the 1870s and 1880s, former Polish exiles were allowed to join merchant guilds and engage in gold extraction and other trades. Those

not under police surveillance were welcomed into state and public service. Combined with other legal changes, Poles now had sufficient incentive to remain in Siberia. By the turn of the 20th century, these changes had transformed the Siberian Polish community, which now consisted of Poles from two distinct backgrounds: voluntary settlers from the Polish peasantry, military personnel, physicians, and engineers; and descendants of former exiles.

According to the 1897 census, there were 30,500 Poles beyond the Urals. Only 25 % lived in cities, however, as a significant portion settled in rural locations. The majority of Poles (43 % of families) worked cultivating the land or as domestic servants in cities (15 %). Part worked in various branches of the extractive industries, oil processing in particular, 80 % of which was exported to European Russia. Others operated milling facilities in Western Siberia, especially in the grain-producing Altai region.⁶

Shaydurov concludes his study on a positive note. Thanks to Siberia’s economic underdevelopment, he finds that each group under discussion succeeded in discovering the economic niche appropriate to its unique “spirit” (a concept that contemporary readers may find dated). Jews came to play an important role in regional trade; Germans established themselves as capitalist farmers; and the Poles, by virtue of their elite status, entered the administrative and military realms, as well as becoming successful industrial entrepreneurs. By the early 20th century, thanks to the developmental opportunities the territory offered, each had established for itself an integral place in Siberian society.

Given the important contributions this volume makes to both ethnic and regional studies, one hopes to see the author’s work continue into the Soviet period when these three communities faced extreme difficulties and complications, and whose histories still contains many blank pages. This unique monograph will be of great interest to foreign researchers as well as the larger circle of international readers who wish to uncover the facts about their historical roots. This is reason enough for it to be translated into foreign languages.

Notes Примечания

¹ *Шайдуров В.Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. Санкт-Петербург, 2013.

² *Шайдуров В.Н.* О некоторых особенностях формирования и экономического развития еврейской общины Западной Сибири во второй половине XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2007. № 4. С. 77–84; *Шайдуров В.Н.* Польская община Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: Особенности формирования и развития // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-3. С. 253–258.

³ *Williams, Hattie P.* The Czar’s Germans: With Particular Reference to the Volga Germans. Amer Historical Society of Germans, 1975; *Wood, Alan.* The

Development of Siberia: People and Resources. Palgrave Macmillan, 1990; *Desind, Philip*. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901 – 1917. Edwin Mellen Press, 1991; *Forsyth, James*. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581 – 1990. Cambridge University Press, 1994; *Hartley, Janet M*. Siberia: A History of the People. Yale University Press, 2014.

⁴ *Шайдуоров В.Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. Санкт-Петербург, 2013. С. 39–108.

⁵ *Шайдуоров В.Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. Санкт-Петербург, 2013. С. 110–158.

⁶ *Шайдуоров В.Н.* Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. Санкт-Петербург, 2013. С. 160–192.

Authors, Abstract, Key words

Naum G. Kats – Professor, Department of History, Carnegie Mellon University (Pittsburgh, PA, USA)
kats@andrew.cmu.edu

Carmin J. Storella – Adjunct Instructor, Department of History, Carnegie Mellon University (Pittsburgh, PA, USA)
caro@pitt.edu

During the Soviet era, historical research into the sensitive question of so-called “non-titled” national minorities endured a forced hiatus. Since the post-Soviet opening of formerly closed archives serious historical study of the experiences of these groups has undergone a rebirth. In the context of the contemporary historiography, Vladimir Shaydurov, a leading expert on Siberia and its diaspora populations, examines the history of three ethnic groups – Jews, Germans, and Poles – that resettled in or were exiled to Siberia from various parts of European Russia. A native Siberian, Shaydurov places heavy emphasis on the legal, social, and economic framework established by Imperial nationality policy during the 19th and early 20th centuries, and shows how the minority communities, as well as local Siberian officials, maneuvered within this framework to establish themselves in their new surroundings. The legal issues were particularly significant for Jews from the Pale of Settlement, and Poles exiled as punishment for their revolutionary activities. Shaydurov also provides an extremely valuable, highly detailed, and often fascinating review of pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet historiography on each of these groups. Shaydurov finds that Siberia served the resettled populations as a sort of “melting pot” in which various groups could not only interact more easily, but also enjoy a degree of economic opportunity, and even financial or professional success, rarely possible in the European parts of the Empire. This book may be profitably read by specialists as well as non-scholars who have an interest in Siberia or in any of the ethnic groups under discussion.

Siberia, Jews, Germans, Poles, national community, diaspora, nationality policy, anti-Semitism, Pale of Settlement, political exile, historiography, Vladimir N. Shaydurov.

References (Articles from Scientific Journal)

1. Shaydurov V.N. O nekotorykh osobennostyakh formirovaniya i ekonomicheskogo razvitiya evreyskoy obshchiny Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [On Some Features of the Formation and Economic Development of the Jewish Community in Western Siberia in the Second Half of the 19th Century.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2007, no. 4, pp. 77–84. (In Russ.).

2. Shaydurov V.N. Polskaya obshchina Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX v.: Osobennosti formirovaniya i razvitiya [The Polish Community in Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries: Peculiarities of Its Formation and Development.]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4-3, pp. 253–258. (In Russ.).

(Monographs)

3. Desind, Philip. Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901 – 1917. Edwin Mellen Press, 1991, 732 p.

4. Forsyth, James. A History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581 – 1990. Cambridge University Press, 1994, 476 p.

5. Hartley, Janet M. Siberia: A History of the People. Yale University Press, 2014, 312 p.

6. Shaydurov V.N. Evrei, nemtsy, polyaki v Zapadnoy Sibiri XIX – nachala XX v. [Jews, Germans, and Poles in Western Siberia from the 19th to the Early 20th Centuries.]. St. Petersburg, 2013, 260 p. (In Russ.).

7. Williams, Hattie P. The Czar's Germans: With Particular Reference to the Volga Germans. Amer Historical Society of Germans, 1975, 236 p.

8. Wood, Alan. The Development of Siberia: People and Resources. Palgrave Macmillan, 1990, 266 p.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Кац Наум Григорьевич – профессор кафедры истории Карнеги–Меллон университета (Питтсбург, США)
kats@andrew.cmu.edu

Сторэлла Кармин Джон – преподаватель кафедры истории Карнеги–Меллон университета (Питтсбург, США)
caro@pitt.edu

В советскую эпоху исследование острого и болезненного вопроса – истории так называемых «не титульных» национальных меньшинств в России и СССР – пережило вынужденную паузу. После горбачевской перестройки открытие для исследователей ранее недоступных архивных документов создало широкие возможности для глубокого изучения прошлого этих групп населения. В контексте современной историографической ситуации авторы статьи оценивают новую книгу российского историка В.Н. Шайдуорова, одного из ведущих специалистов по истории этнических групп Сибири. В его книге исследуется история трех этниче-

ских групп – евреев, немцев и поляков, которые переселялись в Сибирь из разных уголков Европейской России. По оценке авторов статьи, В.Н. Шайдуров, сам сибиряк, создал чрезвычайно ценный, очень подробный и часто увлекательный историографический обзор дореволюционной, советской и постсоветской российской литературы о судьбе каждой из этих этнических групп в Сибири. В.Н. Шайдуров уделил большое внимание правовым, социальным и экономическим аспектам национальной политики правительства Российской империи в течение XIX – начала XX вв. По мнению авторов статьи, это дало историку возможность всесторонне показать, как сами национальные общины пытались в рамках, установленных имперским правительством, устроить свою жизнь в новых условиях и в новом окружении. Вместе с ними маневрировали в этих же рамках и местные власти Сибири, решая вопросы, связанные с этими тремя национальными меньшинствами. Правовые вопросы были особенно важны для евреев, прибывших из-за черты оседлости, а также для поляков, которые были высланы в Сибирь в виде наказания за участие в национально-освободительной и революционной борьбе. Авторы статьи считают обоснованным мнение В.Н. Шайдурова о том, что Сибирь стала своего рода «плавильным котлом», в котором евреи, немцы и поляки могли не только легче взаимодействовать друг с другом, но также достичь материального благополучия, коммерческого и профессионального успеха, редко возможных для них в Европейской части Российской империи.

Сибирь, евреи, немцы, поляки, национальная община, диаспора, национальная политика, антисемитизм, черта оседлости, политическая ссылка, историография, В.Н. Шайдуров.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 30.03.2018
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru